СКАЗАНИЯ УМИРАЮЩЕЙ ЗЕМЛИ

ВОЛШЕБНИК МАЗИРИАН

И ДРУГИЕ ПОВЕСТИ

ДЖЕК ВЭНС

Сказания умирающей Земли. Том I

Джек Вэнс

Аннотация
Сказания умирающей Земли. Том I. Джек Вэнс
Волшебник Мазириан и другие повести
1. Турджан из Миира
2. Волшебник Мазириан
3. Тсаис
4. Странник Лианэ
5. Юлан Дор
6. Гайял Сфирский

Аннотация

Джек Вэнс – один из самых достопримечательных талантов, когда-либо украшавших мир научной фантастики. Его неповторимым стилем восхищались поколения читателей. В числе его пользующихся постоянной популярностью произведений – сборник «Волшебник Мазириан» и другие новеллы «Сказаний умирающей Земли»: последовательность изобретательных и увлекательных повествований, действие которых происходит на Земле далекого будущего в лучах гигантского красного Солнца, обреченного скоро погаснуть навсегда.

Сказания умирающей Земли
Том I
Джек Вэнс

Переводчик Александр Фет
Дизайнер обложки Less Yvonne

© Джек Вэнс, 2019
© Александр Фет, перевод, 2019
© Less Yvonne, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4485-8288-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Волшебник Мазириан и другие повести

1. Турджан из Миира

Турджан сидел на табурете в лаборатории, широко расставив ноги и опираясь локтями на верстак за спиной. Напротив находилась клеть, на каковую Турджан взирал с удрученным раздражением. Заключенная в клетку тварь столь же сосредоточенно смотрела на него — с выражением, не поддающимся истолкованию.

Существо это — с огромной головой на тщедушном тельце, с близорукими слезящимися глазами и дряблым носом пуговкой — не могло вызывать ничего, кроме жалости. Его слюнявый рот безвольно приоткрылся, розоватая кожа блестела, как навощенная. Несмотря на очевидное несовершенство, таков был на данный момент самый успешный продукт растильных чанов Турджана.

Турджан встал и взял горшок с полужидкой кашей. Пользуясь длинной ложкой, он поднес пищу ко рту существа. Рот отверг ложку — стекая по глянцевой коже, обрывки каши шлепались на рахитичное тельце.

Турджан поставил горшок рядом с клеткой, вернулся к табурету и медленно присел. Тварь отказывалась есть уже целую неделю. Неужели

под идиотской внешностью этой образины скрывалась проницательность? Воля к прекращению существования? По мере того, как Турджан наблюдал за своим произведением, голубоватые белесые глаза существа закатились, огромная голова поникла и с глухим стуком упала на пол. Конечности твари расслабились — она сдохла.

Турджан вздохнул и покинул помещение. Поднимаясь по извилистой каменной лестнице, в конце концов он вышел на крышу замка Миир, возвышавшегося над глубокой долиной реки Дерны. На западе Солнце уже приближалось к горизонту древней Земли; рубиновые косые лучи, словно насыщенные густым вином, пробивались между корявыми кряжистыми стволами архаического леса и озаряли подстилку мшистого дерна. Солнце заходило, совершая обряд, заведенный испокон веков; ночь последних дней — мягкий теплый мрак — быстро окутывала лес, пока Турджан стоял, размышляя о смерти своего новейшего творения.

Он вспоминал множество предыдущих экспериментов: тварь, состоявшую из слипшихся глаз, бескостное существо с обнаженной пульсирующей поверхностью мозга, прекрасное женское тело, кишки которого тянулись из него

в питательном растворе подобно ищущим опоры шевелящимся побегам, вывернутые наизнанку организмы… Турджан уныло вздохнул. Он применял ошибочные методы; в процессе синтеза отсутствовал какой-то фундаментальный элемент, матрица, упорядочивающая развитие органов и тканей.

Сидя на скамье и глядя на темнеющий ландшафт, Турджан погрузился памятью в сумрак прошлого — когда-то, много лет тому назад, здесь, рядом с ним, стоял Мудрец.

«В незапамятные времена, — говорил Мудрец, устремив взор на звезду, мерцавшую над самым горизонтом, — чародеям были известны тысячи заклинаний, и любые пожелания кудесников исполнялись. Теперь Земля умирает — в распоряжении людей осталась лишь сотня заклинаний, дошедших до нас благодаря древним книгам… Есть, однако, один чудотворец, по имени Панделюм — ему известны все заклинания, колдовские чары, магические формулы, руны и тавматургические обряды, какие когда-либо расчленяли и претворяли пространство…» Мудрец замолчал, погрузившись в раздумье.

«Где он, этот Панделюм?» — спросил через некоторое время Турджан.

«Он обитает в Эмбелионе, — ответил Мудрец, — но где находится эта страна, никто не знает».

«Как же его найти, если никто не знает, где он?»

Мудрец усмехнулся: «Если оно когда-нибудь кому-нибудь понадобится, существует заклинание, позволяющее перенестись в Эмбелион».

Оба помолчали, после чего Мудрец произнес, глядя куда-то поверх лесных крон: «Панделюму можно задать любой вопрос — и он ответит, если вопрошающий сделает то, чего пожелает Панделюм. А выполнять желания Панделюма непросто».

Мудрец согласился показать Турджану упомянутое заклинание, обнаруженное им в папке древних документов и до тех пор никому другому не известное.

Вспомнив об этой беседе, Турджан спустился к себе в кабинет — продолговатое помещение с низким потолком, каменными стенами и каменным полом, утепленным толстым рыжеватым ковром. Тома, содержавшие доступные Турджану магические сведения, беспорядочно заполняли полки нескольких стеллажей; наиболее употребительные лежали на длинном столе из черной стали. Здесь были справочники

из собраний чародеев прошлого, растрепанные фолианты Мудреца и переплетенные в кожу либрамы, испещренные слоговыми символами сотни могущественных заклинаний — настолько непреодолимых для непосвященных, что даже Турджан не был способен запомнить больше четырех одновременно.

Турджан отыскал затхлую папку и перелистал неподатливые толстые страницы до указанного Мудрецом места, где начиналось заклинание «Вызова неистового вихря». Глядя на символы древней формулы, он ощущал пульсирующую в них жгучую, настойчивую энергию — они словно пытались отделиться от пергамента в лихорадочном стремлении покинуть темное одиночество забвения.

Турджан закрыл папку, заставив заклинание вернуться в небытие. Накинув короткий голубой плащ, он засунул за пояс шпагу и надел на запястье браслет с вырезанной в камне руной Лаккоделя. После этого он присел на скамью у стола и выбрал из реестра заклинания, которые ему следовало взять с собой. Так как характер предстоявших опасностей невозможно было предсказать, он запечатлел в памяти три формулы общего назначения: «Великолепный

призматический спрыск», «Мантию-невидимку Фандаала» и «Заклятие завороженного времени».

Взойдя на парапеты замка, Турджан стоял под звездами, вдыхая воздух древней Земли… Сколько раз тот же воздух вдыхали другие? Какие крики боли наполняли этот воздух, какие вздохи, смех, воинственные кличи, торжествующие возгласы, изумленные восклицания?

Ночь подходила к концу. В лесной чаще мерещились голубоватые отсветы. Помолчав еще несколько секунд, Турджан наконец расправил плечи и провозгласил «Вызов неистового вихря».

Сначала ничто не нарушало тишину; затем послышался шорох, становившийся все громче и превратившийся в рев ураганного ветра. Посреди смерча появилось светлое волокно; конвульсивно утолщаясь, оно заполнялось клубящимся столбом мрака. Из глубины шквала раздался грубый басистый голос: «Транзитное средство прибыло по вызову. Камо грядеши?»

«В четырех направлениях, а затем в одном, — ответил Турджан. — Меня надлежит доставить в Эмбелион, в целости и сохранности».

Вихрь опустился и подхватил размахивающего руками и ногами, кувыркающегося Турджана

ввысь и вдаль, на неизмеримое расстояние. Он мчался в четырех направлениях сразу, затем в одном, после чего, словно вытолкнутый из смерча пинком, растянулся на поверхности Эмбелиона.

Пошатываясь, почти оглушенный Турджан поднялся на ноги. Мало-помалу он пришел в себя и осмотрелся.

Он стоял на берегу прозрачного пруда. Вокруг ног росли доходившие до щиколоток синие цветы, а за спиной виднелась роща высоких деревьев с сине-зеленой листвой, вершины которых мутнели в туманной дымке. Находился ли Эмбелион на Земле? Деревья напоминали земные, цветы казались знакомыми, воздух ничем не отличался от привычного… Тем не менее, здесь чего-то недоставало — Турджан никак не мог понять, чего именно. Возможно, такое ощущение возникало из-за любопытной неопределенности горизонта — или в связи с каким-то свойством местного воздуха: в нем все выглядело слегка расплывчатым, слегка изменчивым, озаренным трепещущими бликами, как под водой. Самое странное зрелище, однако, открывалось при взгляде на небо, покрытое рябью гигантских пересекающихся, наплывающих одна на другую волн, рассеивавших мириады разноцветных лучей,

переплетавшихся в чудесные ажурные кружева, в радужные сети, отливавшие всеми оттенками спектра подобно бесчисленным граням драгоценностей. По мере того, как Турджан наблюдал за пертурбациями невероятного неба, над ним проносились пучки винно-красных, топазовых голубых, насыщенных фиолетовых, пылающих зеленых лучей. Он начинал сознавать, что оттенки цветов и древесной листвы — не более чем мимолетные отражения состояния неба; цветы уже приобрели розовато-оранжевый оттенок, а кроны деревьев — дремотно-пурпурный. Цветы потемнели до медно-красного блеска, после чего стали ярко-каштановыми, а затем пунцовыми, в то время как деревья покрылись нежно-аквамариновой листвой.

«Никому не ведомо, где эта страна, — говорил себе Турджан. — Куда занес меня волшебный вихрь? К далекой звезде? В бездну другого измерения? В мир, существовавший до начала всего сущего? Или, напротив, в тот мир, где сознание прозябает после смерти?» Когда он присматривался к горизонту, ему казалось, что он видит выступающую из-за горизонта и пропадающую в непроглядном тумане черную завесу — судя по всему, эта завеса окружала Эмбелион со всех

сторон.

Послышался топот галопирующих копыт — обернувшись, Турджан увидел черного коня, несущегося на всем скаку по берегу пруда. Животное погоняла молодая женщина с дико развевающимися черными волосами. На ней были свободные белые бриджи до колен и плещущий на ветру желтый плащ. Левой рукой она держала поводья, правой — сверкающую шпагу.

Турджан опасливо попятился — девушка плотно сжала побледневшие губы, словно была чем-то разгневана, глаза ее горели странным лихорадочным пылом. Натянув поводья, незнакомка развернула коня, заставив его подняться на дыбы, и понеслась к Турджану, замахнувшись шпагой и явно намереваясь отсечь ему голову.

Турджан отскочил и выхватил шпагу. Когда наездница атаковала его снова, он отразил удар и, наклонившись вперед, уколол ее в предплечье — выступила капля крови. Девушка изумленно отшатнулась, но тут же подняла лук, висевший на седле, вставила стрелу и натянула тетиву. Турджан бросился к ней, уклонившись от выстрела и от растерянного взмаха шпагой, схватил девушку за талию и стащил на землю.

Она бешено сопротивлялась. Турджан не хотел

ее убивать, в связи с чем ему пришлось с ней бороться, в какой-то степени поступившись достоинством. В конце концов ему удалось заломить ей руки за спину — девушка больше не могла защищаться.

«Успокойся, ведьма! — прикрикнул на нее Турджан. — А не то я потеряю терпение и оглушу тебя одним ударом!»

«Делай, что хочешь, — задыхаясь, прошипела незнакомка. — Жизнь и смерть — сестры-близнецы!»

«Почему ты на меня напала? — недоумевал Турджан. — Я тебе ничего не сделал».

«Ты — исчадие зла, как и всё в этом мире! — от волнения у нее на шее напряглись тонкие жилы. — Если бы я могла, я раскрошила бы всю Вселенную в окровавленный щебень и скакала бы на нем, пока он не превратился бы в бесформенную первородную грязь!»

Удивленный такой ненавистью, Турджан слегка ослабил хватку, и пленница едва не вырвалась. Но он успел удержать ее: «Скажи — где найти Панделюма?»

Девушка прекратила попытки высвободиться, взглянула Турджану в глаза и сказала: «Ищи по всему Эмбелиону. Ничем я тебе не помогу!»

«Если бы она вела себя поприветливее, — подумал Турджан, — ей нельзя было бы отказать в исключительной привлекательности».

Вслух он произнес: «Говори, где найти Панделюма! Иначе я найду тебе другое применение».

Она немного помолчала, глядя в небо сумасшедшим пламенным взором, после чего ответила звенящим голосом: «Панделюм живет рядом, у ручья».

Турджан отпустил ее, предусмотрительно отобрав у нее шпагу и лук: «Если я верну тебе оружие, ты оставишь меня в покое?»

Бросив на него возмущенный взгляд, она молча вскочила на коня и ускакала в лес.

Турджан смотрел ей вслед, пока наездница не исчезла за стволами, переливавшимися бликами подобно самоцветам, после чего повернулся и ушел в противоположном направлении — туда, где в пруд впадал ручей. Вскоре он заметил перед вереницей темных деревьев продолговатую приземистую усадьбу из красного камня. Как только он подошел ближе, входная дверь распахнулась. Турджан настороженно замер.

«Входи! — послышался голос. — Входи, Турджан из Миира!»

Продолжая дивиться происходящему, Тур-

джан зашел в усадьбу Панделюма. Он оказался в помещении, пол и стены которого украшали орнаментальные ковры; здесь не было никакой мебели, кроме одного небольшого дивана. Ему навстречу никто не вышел. В стене напротив была закрытая дверь; Турджан уже приготовился ее открыть, когда голос заговорил снова: «Стой, Турджан! Никому не дозволено видеть Панделюма. Таков закон».

Отступив от внутренней двери, Турджан обратился к невидимому хозяину усадьбы: «Панделюм! Моя задача состоит в следующем. Уже много лет я пытаюсь сотворить человеческое существо в растильных чанах. И каждый раз меня постигает неудача, так как мне не хватает фактора, развивающего органы и ткани в надлежащем порядке и в надлежащих пропорциях. Можно предположить, что тебе известна такая контролирующая матрица. Поэтому я обращаюсь к тебе за советом».

«Буду рад тебе помочь, — ответил Панделюм. — С оказанием помощи, однако, связан дополнительный, но существенный вопрос. Вселенная упорядочена посредством симметрии и равновесия. Каждому аспекту бытия соответствует равновеликий противоположный аспект.

Следовательно, даже в узких рамках нашей тривиальной сделки необходимо обеспечить эквивалентность противоположностей. Только так, и никак иначе. Я согласен оказать тебе содействие; следовательно, ты должен оказать мне равноценную услугу. Как только ты справишься с моим пустячным поручением, я предоставлю тебе все интересующие тебя инструкции и рекомендации, к твоему полному удовлетворению».

«В чем может заключаться такое поручение?» — поинтересовался Турджан.

«В Асколаисе, недалеко от замка Миир, живет один человек. У него на шее висит амулет, вырезанный из синего камня. Возьми у него этот амулет и принеси его мне».

Турджан задумался. «Хорошо! — сказал он наконец. — Сделаю все, что смогу. Кто этот человек?»

Панделюм ответил тихо и мягко: «Принц Кандив Златокудрый».

«А! — Турджан горестно вздохнул. — Ты не мог придумать ничего неприятнее… Тем не менее, как я уже упомянул, я сделаю все, что смогу».

«Прекрасно! — сказал Панделюм. — А теперь я должен тебя подготовить. Кандив прячет амулет под нательной рубашкой. Когда принц замечает врага, он вынимает амулет из-под рубашки,

и камень открыто висит у него на груди. Это могущественный талисман! Ни в коем случае не смотри на него ни до, ни после того, как ты его возьмешь — в противном случае неизбежны самые ужасные последствия».

«Понятно, — кивнул Турджан. — Не забуду соблюдать осторожность. У меня есть еще один вопрос — надеюсь, я смогу получить на него ответ, не спустив предварительно Луну на Землю и не дистиллируя в колбе эликсир, который ты случайно пролил в море».

Панделюм расхохотался: «Спрашивай! Я отвечу».

Турджан задал вопрос: «Как только я приземлился неподалеку от твоего жилища, меня попыталась убить женщина, находившаяся в состоянии безумной ярости. Я не позволил ей это сделать, и она удалилась, кипя от возмущения. Кто эта женщина, и почему она ненавидит всё вокруг?»

Панделюма вопрос явно позабавил. «У меня тоже есть растильные чаны, — пояснил он, — в которых формируются различные одушевленные существа. Я сотворил эту девушку, по имени Тсаис, но при этом не уделил синтезу достаточного внимания. Уже к тому времени,

когда она вылезла из питательного раствора, у нее в мозгу сложилось извращенное восприятие действительности: то, что нам кажется прекрасным, ей представляется отвратительным и уродливым, а то, что нам кажется уродливым, в ее глазах становится непереносимо гнусным и мерзким — в такой степени, что мы не можем даже вообразить интенсивность ее эмоций. Всё в этом мире вызывает у нее жестокие мучения, а все населяющие его существа, с ее точки зрения, руководствуются самыми злобными и подлыми побуждениями».

«Вот оно что! — пробормотал Турджан. — Достойный сожаления просчет!»

«А теперь, — деловито продолжал Панделюм, — тебе пора в Кайин, знамения благоприятны… Через несколько секунд открой эту дверь, войди и встань на участке пола, покрытом рунами».

Турджан выполнил эти указания. Следующее помещение оказалось круглым в плане, с высоким куполом; световые колодцы пропускали каскады изменчивых разноцветных лучей Эмбелиона. Как только Турджан встал на каменную плиту с вырезанными на ней рунами, Панделюм снова заговорил: «Теперь закрой глаза, потому что мне нужно войти и прикоснуться к тебе.

Ни в коем случае, однако, не пытайся на меня взглянуть!»

Турджан закрыл глаза. Через некоторое время у него за спиной послышался шорох шагов. «Протяни руку в сторону, ладонью вверх!» — приказал голос. Турджан подчинился и почувствовал на ладони какой-то твердый предмет. «Когда ты выполнишь поручение, — продолжал голос, — раздави этот кристалл в кулаке — и ты сразу вернешься в это помещении». На плечо Турджана легла холодная рука. «Через мгновение ты заснешь, — сказал Панделюм. — И проснешься в столичном городе Кайине».

Рука отпустила плечо Турджана. Он стоял, ожидая перемещения. У него закружилась голова. Воздух внезапно наполнился звуками — невнятным шумом разговоров, перезвоном множества колокольчиков, музыкой, возгласами. Турджан поджал губы и нахмурился: странно, что в аскетическом жилище Панделюма начался такой бедлам!

Рядом раздался громкий женский голос: «Посмотри, Сантаниль, на этого чудака! Зажмурился, как филин, не хочет видеть, как другие веселятся!»

Спутник женщины рассмеялся, но тут же осек-

ся и пробормотал: «Пойдем отсюда! Он явно чем-то огорчен и может взбеситься. Пойдем!»

Поколебавшись, Турджан открыл глаза. В белокаменном Кайине шумела очередная праздничная ночь. Подгоняемые легким ветерком, в небе беспорядочно плыли оранжевые фонари. С балконов свисали гирлянды цветов и стеклянные золоченые клетки с голубыми светлячками. По улицам бродили толпы разгоряченных вином горожан в причудливых костюмах. За мелантинским шкипером следовал боец Зеленого легиона Вальдарана, а им навстречу шагал другой представитель воинственной древности в старинном шлеме. На небольшой огороженной площадке украшенная цветочными ожерельями куртизанка с Кочикского побережья исполняла под музыку флейт «Танец четырнадцати шелковых па». В тени балкона девушка в наряде дикарки из Восточной Альмерии обнималась с выкрасившим кожу в угольно-черный цвет бородачом в кожаной сбруе лесного деоданда. Как веселились люди престарелой Земли! Они лихорадочно наслаждались жизнью — ибо скоро, когда красное Солнце мигнет наконец в последний раз и потухнет, должна была наступить вечная ночь.

Турджан слился с толпой. Проходя мимо таверны, он завернул туда и подкрепился печеньем со стаканом вина, после чего направился дальше, к дворцу Кандива Златокудрого.

Перед ним возвышался дворец — все окна, все балконы были озарены внутренним светом. Здесь пировали и веселились столичные лорды. «Если принц Кандив пьян и утомился танцами, — размышлял Турджан, — похитить амулет будет не так уж трудно». Тем не менее, Турджан не мог просто так явиться во дворец — в Кайине его многие знали. Поэтому, пробормотав заклинание, он вызвал мантию Фандаала и тут же исчез, невидимый для всех, кроме себя самого.

Он проскользнул под аркой входного портала в парадный зал, где лорды Кайина забавлялись так же шумно, как уличная толпа. Турджан лавировал в радужной суматохе шелковых, вельветовых, атласных одежд, насмешливо поглядывая на флиртующие парочки. Иные гости принца стояли на террасе и смотрели вниз, в глубокий бассейн, где плавали, фыркая и угрожающе поглядывая вверх, два пойманных в лесу матово-черных деоданда; другие бросали оперенные дротики в распятое тело молодой ведьмы с Кобальтовой горы. В альковах украшенные цве-

тами девушки предлагали старцам-астматикам радости синтетической любви; на роскошных ложах распластались любители счастливых снов, отупевшие от наркотических порошков. Нигде, однако, Турджан не видел принца. Он бродил по дворцу из одного зала в другой, пока, наконец, не заметил в гостиной верхнего этажа высокого человека с золотистой бородой — принца Кандива, развалившегося на софе в компании зеленоглазой девочки в маскарадной маске, с бледно-зелеными волосами.

Интуиция — и, возможно, талисман — предупредили Кандива о появлении невидимого Турджана, бесшумно раздвинувшего багровые портьеры. Принц вскочил на ноги.

«Прочь! — приказал он девочке. — Уходи, быстро! Я чувствую предательство, оно уже близко! Уходи, или мои чары уничтожат тебя вместе с предателем!»

Девочка поспешно покинула гостиную. Кандив взялся за цепочку на шее и вытащил спрятанный амулет — но Турджан успел прикрыть глаза.

Кандив произнес могущественное заклинание, освобождавшее все окружавшее его пространство от любых искажений. Мантия Фандаала рассеялась, и Турджан перестал быть невидимкой.

«Турджан из Миира прокрался во дворец!» — рявкнул принц.

«Смерть готова сорваться с моих уст! — пригрозил Турджан. — Повернись ко мне спиной, Кандив, или я скажу пару слов — и тебя проткнет моя шпага!»

Принц сделал вид, что готов подчиниться, но вместо этого выкрикнул заклинание, окружившее его «Непроницаемой сферой».

«А теперь я позову охрану, Турджан! — презрительно обронил Кандив Златокудрый. — И тебя сбросят в бассейн к деодандам».

Кандив не знал, что древняя руна, вырезанная в камне браслета на запястье Турджана — талисман не менее могущественный, чем убийственный амулет принца — создавала поле, преодолевавшее любые известные людям чары. Продолжая прикрывать глаза ладонью, Турджан шагнул внутрь искристой сферы. Большие голубые глаза принца выпучились.

«Зови охранников! — сказал Турджан. — Они найдут твое тело, разрисованное ветвистыми следами молний!»

«*Твое* тело, Турджан!» — воскликнул принц и торопливо произнес заклинание. В то же мгновение ослепительные зазубренные разряды

великолепного призматического спрыска пронзили воздух, окружив Турджана со всех сторон. Кандив наблюдал за яростным фейерверком, мстительно оскалив зубы, но торжествующее выражение тут же сменилось на его лице испугом. В сантиметре от кожи Турджана огненные стрелы рассеялись сотнями облачков серого дыма.

«Повернись спиной, Кандив! — повторил Турджан. — Твои чары — детские фокусы в силовом поле руны Лаккоделя». Но принц шагнул к стене — там была устроена замаскированная пружина.

«Стой! — закричал Турджан. — Еще один шаг, и спрыск расщепит тебя на тысячу ошметков!»

Кандив застыл. Дрожа от бессильной злобы, он повернулся спиной к Турджану, а тот, быстро шагнув вперед, протянул руку к шее принца, схватил амулет и сорвал его вместе с цепочкой. Амулет дрожал в руке, сквозь пальцы сжатого кулака просвечивало мертвенно-голубое сияние. Ум Турджана помрачился, в ушах его зазвучали алчные, настойчивые голоса… Турджан отвернулся: в глазах прояснилось. Он отступил от Кандива, засовывая амулет в поясную сумку. Кандив спросил: «Могу ли я теперь повернуться к тебе лицом, не подвергая опасности свою

жизнь?»

«Можешь», — отозвался Турджан, застегивая сумку. Заметив, что Турджан отвлекся, принц Кандив как бы ненароком сделал второй шаг к стене и взялся рукой за пружину.

«Турджан! — сказал принц. — Ты погиб. Ты не успеешь заикнуться, как под тобой разверзнется пол, и ты упадешь в глубокое подземелье. Способны ли твои чары нейтрализовать силу притяжения?»

Турджан замер, глядя в раскрасневшуюся, обрамленную золотистыми кудрями физиономию принца, после чего робко опустил глаза и покачал головой: «Ах, Кандив! Ты меня перехитрил. Если я верну тебе амулет, ты меня отпустишь?»

«Брось амулет к моим ногам! — торжествующе приказал принц. — Кроме того, отдай мне руну Лаккоделя. После этого, может быть, я тебя помилую — мы еще посмотрим».

«Даже руну?» — спросил Турджан, заставляя себя говорить дрожащим жалобным голосом.

«Руну — или жизнь!»

Турджан опустил руку в поясную сумку и сжал в кулаке кристалл, полученный от Панделюма. Вынув руку из сумки, он приложил кристалл к эфесу шпаги. «Нет, Кандив! — сказал он. — Я

разгадал твой обман. Ты надеешься запугать меня пустыми угрозами. Не выйдет!»

Принц пожал плечами: «Что ж, умри!» Он нажал на пружину. Пол раскрылся, и Турджан исчез в провале. Но когда Кандив Златокудрый поспешно спустился в подземелье, чтобы обыскать труп Турджана, он никого и ничего не нашел — и провел остаток ночи в мрачных раздумьях, опорожняя один бокал вина за другим и время от времени стуча кулаком по столу.

Турджан опять оказался в круглом помещении усадьбы Панделюма. Разноцветные лучи Эмбелиона струились ему на плечи из световых колодцев: синие, как сапфиры, желтые, как лепестки ноготков, кроваво-красные. Турджан прислушался: ни звука. Он сошел с каменной плиты, покрытой рунами, тревожно поглядывая на дверь — вдруг Панделюм зайдет в помещение, не подозревая о его прибытии?

«Панделюм! — позвал Турджан. — Я вернулся!»

Ответа не было. Во всей усадьбе царила мертвая тишина. Турджану хотелось выйти — куда-нибудь, где подавляющий дух волшебства меньше стеснял бы его движения и мысли. Он посмотрел по сторонам — одна дверь вела в приемную с диваном и коврами. Он не знал, куда вели другие

двери. Та, что справа, скорее всего позволяла выйти наружу — Турджан уже положил руку на засов, чтобы открыть его. Но задержался. Что, если он ошибается, и ему станет известна внешность Панделюма? Не предусмотрительнее ли подождать здесь или в приемной?

Ему пришло в голову простое решение проблемы. Повернувшись к двери спиной, он распахнул ее и сделал пару шагов назад.

«Панделюм!» — снова позвал он.

За спиной послышался тихий прерывистый звук — казалось, кто-то тяжело дышал. Турджан испугался, снова зашел в светлое круглое помещение и закрыл за собой дверь.

Приготовившись терпеливо ждать, он присел на пол.

Из соседней комнаты донесся хриплый возглас: «Турджан? Ты здесь?»

Турджан вскочил: «Да, я вернулся с амулетом!»

«Скорее! — задыхаясь, произнес голос. — Прикрой глаза рукой, повесь амулет на шею и входи».

Невольно заразившись настойчивой тревогой, звучавшей в голосе, Турджан закрыл глаза и разместил амулет на груди. Нащупав дверь, он распахнул ее.

Какое-то мгновение продолжалось напряженное молчание потрясения, после чего разразился ужасный визгливый вопль, настолько дикий и демонический, что Турджан чуть не упал в обморок — у него звенело в ушах. Казалось, воздух сотрясали взмахи гигантских крыльев, что-то громко шипело, что-то скрежетало, как металл. На Турджана налетел глухо ревущий порыв ледяного ветра. Что-то еще раз прошипело — и наступила тишина.

«Позволь выразить тебе мою благодарность, — прозвучал спокойный голос Панделюма. — Не так уж часто мне случалось оказываться в настолько отчаянном положении, и без твоей помощи, возможно, мне не удалось бы изгнать это исчадие ада».

Рука сняла амулет с шеи Турджана. Панделюм замолчал, но вскоре заговорил снова — на этот раз издалека: «Теперь ты можешь открыть глаза».

Турджан подчинился. Он находился в лаборатории Панделюма; помимо прочих устройств и механизмов, он сразу заметил растильные чаны — почти такие же, как у него.

«Не буду больше тебя благодарить, — продолжал Панделюм, — но во имя поддержания

надлежащего равновесия во Вселенной отплачу тебе услугой за услугу. Я не только покажу тебе, как работать с растильными чанами, но и сообщу другие полезные сведения».

Таким образом Турджан стал подмастерьем Панделюма. Весь день и до глубокой переливчатой эмбелионской ночи он работал под невидимым руководством чародея. Он узнал секрет возвращения юности, выучил множество древних заклинаний, а также постиг основы причудливой абстрактной дисциплины, которую Панделюм называл «математикой».

«Сфера математики охватывает всю Вселенную, — пояснял Панделюм. — Само по себе это средство пассивно и не является волшебством, но оно позволяет пролить свет на сущность любой проблемы, каждой фазы бытия и всех тайн пространства-времени. В наших заклинаниях и рунах используется могущество математики — в основе мозаики процессов, которые мы называем „магией“, лежат математически закодированные формулы. О первоисточниках, порождающих эту мозаику, мы даже не догадываемся — все наши познания носят дидактический, эмпирический, спорадический характер. Фандаалу удалось угадать некую закономерность,

благодаря чему он сформулировал многие заклинания, названные в его честь. На протяжении тысячелетий я стремился проникнуть через туманное стекло этой истины, но до сих пор мои поиски ни к чему не привели. Тот, кто откроет эту закономерность, станет властелином всех чар — человеком, власть которого превзойдет любые потуги воображения».

Турджан прилежно приступил к поглощению знаний и усвоил многие математические методы.

«В математике я нахожу чудесную красоту, — говорил Панделюму Турджан. — Это не наука, это искусство: уравнения складываются из элементов, как разрешения последовательностей аккордов, и при этом постоянно сохраняется симметрия, очевидная или подспудная, но всегда хрустально безмятежная».

Несмотря на прочие занятия, бóльшую часть времени Турджан посвящал работе с растильными чанами под руководством Панделюма и добился в этом отношении желаемого мастерства. В качестве развлечения он сформировал девушку экзотической внешности и нарек ее Флориэлью. Ему почему-то запомнилась прическа девочки, которую он застал праздничной ночью

в обществе принца Кандива, и он наделил свое создание бледно-зелеными волосами. У Флориэли были большие изумрудные глаза и кожа оттенка кремового загара. Когда он помогал ей, влажной и безукоризненно сложенной, подняться из чана, Турджан был опьянен радостью. Флориэль быстро училась и вскоре могла уже говорить с Турджаном. Она отличалась мечтательным и томным нравом — ей больше всего нравилось гулять среди цветов на лугу или молча сидеть на берегу ручья; тем не менее, ее существование доставляло Турджану удовольствие, его забавляли ее изысканно-нежные манеры.

Но однажды мимо проезжала на коне черноволосая Тсаис — поблескивая непреклонно ненавидящими глазами, она косила шпагой цветы. Неподалеку бродила невинная Флориэль. Тсаис воскликнула: «Зеленоглазая женщина! Твоя внешность меня ужасает, ты заслуживаешь смерти!» — и отрубила ей голову таким же движением, каким рубила цветы.

Услышав топот копыт, Турджан вышел из лаборатории — как раз в тот момент, когда Тсаис вершила кровавую расправу. Турджан побледнел от ярости; с его уст готово было сорваться скручивающее шею проклятие. Тсаис обернулась

к нему и злобно выругалась; на ее искаженном лице, в ее темных глазах отражались мучительная тоска и непокорный дух, заставлявший ее бросать вызов судьбе и жить несмотря ни на что. В Турджане боролись противоречивые чувства, но в конце концов он позволил Тсаис ускакать прочь. Похоронив Флориэль на берегу ручья, он попробовал забыть ее, с головой погрузившись в исследования.

Через несколько дней он поднял голову и спросил: «Панделюм, ты здесь?»

«Что тебе угодно, Турджан?»

«Ты упомянул о том, что, когда ты формировал Тсаис, у нее в мозгу возникло нарушение. Теперь я хотел бы создать девушку, такую же, как она, столь же страстную и порывистую, но со здоровым духом в здоровом теле».

«Будь по-твоему», — безразлично отозвался Панделюм и продиктовал Турджану программу.

И Турджан стал выращивать сестру неистовой Тсаис, день за днем наблюдая за тем, как формировались такое же стройное тело, те же гордые черты.

Когда пришло время, она села в чане, открыв лучистые жизнерадостные глаза. У Турджана захватило дыхание — он поспешил помочь ей

спуститься на пол.

Она стояла перед ним — влажная и обнаженная сестра Тсаис. Но лицо Тсаис подергивалось от ненависти, а спокойное лицо ее сестры готово было радоваться жизни; глаза Тсаис пылали яростью, а в глазах ее сестры сверкали искры воображения.

Турджан дивился совершенству своего создания. «Тебя зовут Тсаин, — сказал он. — И я уже знаю, что ты станешь частью моей жизни».

Он забросил все дела, чтобы учить Тсаин — и она училась с чудесной быстротой.

«Скоро мы вернемся на Землю, — сообщил он ей. — В мой дом над широкой рекой в лесистой стране Асколаис».

«На Земле небо тоже переливается цветами радуги?» — спросила Тсаин.

«Нет, — ответил Турджан. — Земное небо — бездонная темная синева, и в этой синеве движется древнее красное Солнце. Когда наступает ночь, в небе загораются звезды — они образуют созвездия, я тебе их покажу. Эмбелион прекрасен, но Земля обширна, ее горизонты простираются в таинственную даль. Как только Панделюм мне позволит, мы вернемся на Землю».

Тсаин любила купаться в ручье; Турджан

иногда спускался с ней на берег и мечтательно забавлялся, обрызгивая девушку водой и бросая в ручей камешки. Он предупредил Тсаин об опасности, исходившей от ее сестры, и она обещала сохранять бдительность.

Но в один прекрасный день, когда Турджан уже готовился к отбытию, она ушла по лугам дальше обычного, забывшись в созерцании спектральных переливов неба, величественных высоких деревьев с утопающими в туманной дымке кронами, изменчивых цветов у нее под ногами; она смотрела на мир с изумлением, доступным только тем, кто недавно встал из растильного чана. Тсаин поднялась и спустилась по нескольким склонам, после чего зашла в тенистый лес, где журчал еще один ручей. Напившись прохладной воды, Тсаин прошла дальше по берегу и вскоре заметила небольшую землянку.

Дверь хижины была открыта. Тсаин заглянула внутрь — ей хотелось знать, кто там живет. Но землянка пустовала; единственными предметами в ней были аккуратная циновка из травы, полка с простой посудой из дерева и олова, а также стол, на котором стояла корзина с орехами.

Тсаин повернулась, чтобы уйти, но тут же услышала топот копыт, угрожающе приближав-

шийся, как дробь барабана судьбы. Черный конь остановился прямо перед ней. Тсаин робко отступила в хижину — все предупреждения Турджана пронеслись у нее в памяти. Но Тсаис спешилась и направилась к ней со шпагой наготове. Она уже замахнулась, чтобы нанести удар, когда глаза двух девушек встретились — и Тсаис удивленно замерла.

Если бы кто-нибудь стал свидетелем этой сцены, ему пришло бы в голову, что никто никогда не видел ничего подобного. Две одинаковые красавицы в одинаковых белых бриджах, подвязанных на талии, с одинаково горящими глазами и растрепанными черными волосами, одинаково стройные и бледные, стояли лицом к лицу — но лицо одной выражало ненависть к каждому атому мироздания, тогда как лицо другой с восхищением приветствовало жизнь.

Тсаис обрела дар речи: «Как это может быть, ведьма? Мы похожи, как две капли воды, но ты — не я. Или на меня снизошло наконец благословение безумия, чтобы помрачить мое восприятие мира?»

Тсаин покачала головой: «Меня зовут Тсаин. Ты, Тсаис — моя сестра, мы близнецы. Поэтому я должна тебя любить, а ты должна любить меня».

«Любить? Я не люблю никого и нечего! Я должна тебя убить и тем самым избавить мир от еще одного исчадия зла!» Она снова замахнулась шпагой.

«Нет! — отчаянно вскрикнула Тсаин. — Почему ты желаешь мне зла? Я на сделала ничего плохого!»

«Плохо уже то, что ты существуешь! Кроме того, ты издеваешься надо мной и оскорбляешь меня, явившись сюда в моем безобразном обличье!»

Тсаин рассмеялась: «Безобразном? Этого не может быть. Турджан говорит, что я — красавица. Поэтому ты — тоже красавица».

Бледное лицо Тсаис окаменело: «Ты надо мной смеешься».

«Ни в коем случае! Ты на самом деле прекрасна».

Острие шпаги Тсаис опустилось к земле. Ее лицо расслабилось, стало задумчивым: «Красота! Что такое красота? Может ли быть, что я лишена способности видеть, как все, что какой-то демон искажает мое зрение? Скажи мне: как увидеть красоту?»

«Не знаю, — призналась Тсаин. — Для меня это очень просто. Разве радужные переливы неба не прекрасны?»

Тсаис с изумлением посмотрела вверх: «Эти режущие глаза сполохи? Они вызывают либо раздражение, либо уныние, но в любом случае омерзительны».

«Смотри, как изящны эти цветы — хрупкие, очаровательные!»

«Паразиты! Причем они отвратительно воняют».

Тсаин была в замешательстве: «Не знаю, как объяснить тебе красоту. По-моему, ты ничему не радуешься. Что-нибудь приносит тебе удовлетворение?»

«Только убийство и разрушение. Надо полагать, в убийстве и разрушении есть красота».

Тсаин нахмурилась: «Я сказала бы, что убийство и разрушение — это зло».

«Ты на самом деле так думаешь?»

«Я в этом убеждена».

Тсаис снова задумалась: «Как же я могу решить, что́ мне следует делать? Я знала, что́ делать — а теперь ты говоришь, что это зло!»

Тсаин пожала плечами: «Я прожила всего несколько дней, мне не хватает мудрости. Но я знаю, что всё живое появляется на свет, чтобы жить. Турджан мог бы тебе это объяснить гораздо лучше меня».

«Кто такой Турджан?» — поинтересовалась Тсаис.

«Очень добрый человек, — отозвалась Тсаин. — Я его очень люблю. Мы скоро улетим на Землю, где небо — огромное, глубокое и темно-синее».

«На Землю… Если бы я улетела на Землю, смогла бы я найти красоту и любовь?»

«Может быть. Твой мозг способен понять красоту, а твоя собственная красота привлечет любовь».

«Тогда я больше не буду убивать — невзирая на отвращение ко всему, что я вижу. Я попрошу Панделюма отправить меня на Землю».

Тсаин сделала шаг вперед, обняла Тсаис и поцеловала ее: «Ты — моя сестра, и я тебя буду любить».

Тсаис оцепенела. «Разорви ее на куски! Проткни шпагой! Укуси ее!» — кричал ее мозг, но какое-то другое, более глубокое побуждение начало согревать ее взволнованную кровь, исходя из каждой клетки тела, и наполнило ее внезапной волной теплоты. Тсаис улыбнулась: «Хорошо! Я люблю тебя, сестра моя! Я больше не буду убивать, я найду и познаю красоту на Земле — или умру».

Тсаис вскочила в седло и ускакала прочь, чтобы искать любовь и красоту на Земле.

Тсаин стояла у входа в землянку, провожая глазами сестру, удалявшуюся в переливающийся радужными бликами лес. Кто-то позвал ее — к ней спешил Турджан.

«Тсаин! Эта сумасшедшая на тебя напала? — он не стал дожидаться ответа. — Довольно! Я испепелю ее одним проклятием, чтобы она больше никому не причиняла боль!»

Он повернулся лицом к лесу, чтобы произнести ужасное заклинание огненной струи, но Тсаин зажала ему рот: «Нет, Турджан, молчи! Она обещала больше не убивать. Она попросит Панделюма отправить ее на Землю, где она будет искать то, чего не может найти в Эмбелионе».

Турджан и Тсаин стояли и смотрели вслед фигуре наездницы, исчезавшей за стволами где-то в многоцветных холмах.

«Турджан!» — сказала Тсаин.

«Я тебя слушаю».

«Когда мы будем на Земле, ты найдешь мне черного коня — такого, как у Тсаис?»

Турджан рассмеялся: «Конечно!» И они направились обратно к усадьбе Панделюма.

2. Волшебник Мазириан

Погрузившись в глубокое раздумье, волшебник Мазириан бродил по своему саду. Ветви, усеянные всевозможными опьяняющими фруктами, протягивались над его головой, цветы подобострастно кланялись, когда он проходил мимо. Высунувшись на вершок из грядки, глазки мандрагор, тусклые, как агаты, следили за поступью его мягких черных туфель. Таков был сад Мазириана — три террасы, покрытые странной и чудесной растительностью. Клумбы переливалась радужными бликами, роскошные соцветия пульсировали, как морские анемоны — пурпурные, зеленые, сиреневые, розовые, желтые. Деревья, напоминавшие перистые зонты, создавали пеструю тень; другие подмигивали листвой, блестевшей, как металлическая фольга, причем каждый отдельный лист отливал оттенком того или иного металла — меди, серебра, синего тантала, бронзы, зеленого иридия. Здесь пучки светящихся пузырьков осторожно пробивались среди глянцевых темно-зеленых листьев, там куст красовался сотнями трубчатых соцветий, тихо насвистывавших мелодии древней Зем-

ли, каждое по-своему — музыку, навевавшую воспоминания о рубиновых солнечных лучах, о родниковой воде, сочившейся в черноземе, о ленивых дуновениях ветерка. А за плотной зеленой изгородью таинственной стеной вырастали высокие стволы темного леса. В эти последние дни земного бытия никто уже не мог указать с уверенностью местонахождение всех окружающих лощин и лужаек, ложбин и омутов, укромных прогалин, полуразрушенных павильонов, выгоревших на солнце парковых «капризов», оврагов и пригорков, ручьев, заводей и прудов, лугов, рощ, перелесков и скальных обнажений.

Нахмурившись и заложив руки за спину, Мазириан продолжал задумчиво бродить туда-сюда по волшебному саду. Некая особа возбуждала в нем замешательство, сомнения и пламенную страсть: женщина, обитавшая в лесу — привлекательнейшее существо! Она насмешливо подъезжала к ограде на черном коне, глаза которого сверкали, как золотистые кристаллы, однако всегда держалась настороже. Мазириан неоднократно пытался ее поймать, но каждый раз наездница ускользала — все его обольщения, угрозы и ухищрения были напрасны.

По саду разнесся вопль смертельного ужаса.

Ускорив шаги, Мазириан обнаружил крота, грызущего стебель животно-растительного гибрида. Волшебник убил вредителя; вопли почти затихли, превратившись в глухие задыхающиеся стоны. Мазириан погладил ворсистый лист, и красный зев гибрида зашипел от удовольствия.

После этого растение произнесло: «К-к-к-к-к-к-к…» Мазириан нагнулся, поднял грызуна за хвост и поднес его к красному зеву. Зев поглотил тельце вредителя, скользнувшее в подземный желудочный пузырь. Из глотки растения послышались булькающие звуки, последовала отрыжка; Мазириан с удовлетворением наблюдал за происходящим.

Солнце уже спускалось к горизонту — настолько потускневшее и покрасневшее, что в зените уже можно было видеть звезды. И теперь Мазириан почувствовал, что за ним кто-то наблюдает. Скорее всего, это была та самая женщина из леса — она и раньше нарушала его покой таким же образом. Волшебник стоял не шевелясь, пытаясь уловить, откуда исходил ее взгляд.

Мазириан выкрикнул заклинание, вызывавшее оцепенение. Животно-растительный гибрид у него за спиной стал жестким и неподвижным;

неподалеку мягко упал на землю огромный зеленый мотыль. Волшебник быстро развернулся на каблуках. Вот она, на краю леса! Ближе, чем когда-либо! Пока он приближался, женщина не двигалась. Молодые глаза старца Мазириана сверкнули. Он заключит ее в своей усадьбе, в каземате из зеленого стекла. Он испытает ее мозг огнем и холодом, болью и наслаждением. Она будет подавать ему вино и принимать восемнадцать поз обольщения при желтом свете мерцающих лампад. Возможно, ее подослали следить за ним — в таком случае Мазириану следовало немедленно выяснить всю подноготную, ибо никого на древней Земле он не мог назвать своим другом, и ему приходилось непрерывно охранять свой сад.

Незнакомка была всего лишь в двадцати шагах… но тут же послышался глухой топот черных копыт: наездница развернула коня и ускакала в лес.

Волшебник в ярости сбросил на землю свой плащ. Ее что-то защищало — противозаклятие или охранная руна — причем она неизменно появлялась именно тогда, когда Мазириан был меньше всего готов к преследованию. Чародей вглядывался в сумрачные глубины леса: вот ее

бледный силуэт появился на фоне багровеющих закатных лучей, вот он погрузился в черную тень — наездница исчезла… Кто она — ведьма? Приезжала ли она по своей прихоти или — что гораздо вероятнее — посылал ли ее враг, чтобы мучить его тревожными опасениями? Если так, кто повелевал назойливой посетительницей? Это мог быть принц Кандив Златокудрый из Кайина, у которого Мазириан выпытал секрет омоложения. Это мог быть Азван-астроном. Или Турджан? Вряд ли Турджан. Лицо Мазириана озарилось приятным воспоминанием… Но он отбросил эту мысль. По меньшей мере он мог проверить, не замешан ли тут Азван. Волшебник направился в лабораторию и подошел к столу, на котором покоился прозрачный хрустальный куб, окруженный дрожащим красным и синим ореолом. Мазириан достал из шкафа бронзовый гонг и серебряный молоток. Постучав по гонгу молотком, он извлек из него мягкий гулкий звон, разнесшийся по лаборатории и за ее пределы, по всему саду и дальше. Он ударил в гонг еще и еще раз. Внезапно в хрустальном кубе появилось лицо Азвана, искаженное болью и непритворным ужасом.

«Пощади, Мазириан! — взмолился Азван. —

Не бей по резонатору моей жизни!»

Рука Мазириана, замахнувшаяся молотком, задержалась: «Ты шпионишь за мной, Азван? Подсылаешь ко мне ведьму, чтобы она похитила гонг?»

«Не я, маэстро, не я! Мне слишком дорога жизнь!»

«Ты должен доставить ко мне эту женщину, Азван! Это приказ!»

«Невозможно, маэстро! Я даже не знаю, кто́ она и каковы ее побуждения!»

Мазириан притворился, что вот-вот снова ударит по гонгу. Но Азван разразился настолько исступленным потоком просьб и заверений, что Мазириан с отвращением опустил молоток и спрятал магический гонг в шкафу. Лицо Азвана постепенно растворилось в прозрачной глубине приемника, и вскоре переливчатый хрустальный куб на столе стал таким же, как прежде.

Мазириан поглаживал подбородок. По всей видимости, ему надлежало поймать девушку самостоятельно. Позже, когда черная ночь окутает лесную чащу, он найдет в своих книгах заклинания, позволявшие безопасно и незаметно передвигаться по лесным прогалинам, где его подстерегали непредсказуемые опасности.

Следовало выбрать мучительные, глубоко проникающие формулы, сначала приводящие обычного человека в замешательство, а затем вызывающие безумие. Благодаря усердным упражнениям, Мазириан мог запомнить до четырех самых грозных заклинаний одновременно — или не больше шести не столь губительных.

Отложив на время этот проект, волшебник подошел к продолговатому растильному чану, ярко озаренному зеленым светом. Под поверхностью прозрачной жидкости покоилось тело мужчины, в зеленом зареве производившее пугающе призрачное впечатление, но отличавшееся прекрасным сложением. Широкоплечее и узкое в бедрах, тело обладало длинными мускулистыми ногами со слегка изогнутыми ступнями, скуластое лицо сохраняло безмятежно-суровое выражение, голову окружали пыльно-золотистые кудри.

Мазириан внимательно разглядывал существо, выращенное из единственной клетки. Творению не хватало только одного — разума, но волшебник не знал, как вселить в него разум. Этот секрет был известен Турджану из Миира, а Турджан — Мазириан мрачно прищурился, взглянув на люк, закрывавший отверстие в полу — упрямо отка-

зывался раскрыть свою тайну.

Мазириан вернулся к задумчивому созерцанию тела, лежавшего в чане. Неужели нельзя было придать этой идеальной фигуре правильно организованный, послушный мозг? Что ж, попытка — не пытка. Волшебник включил устройство, откачивавшее жидкость из чана, и вскоре обнаженное тело лежало, поблескивая влажной кожей, ничем не защищенное от ярко-зеленых лучей. Мазириан впрыснул в шею существа каплю заранее приготовленного препарата. Тело вздрогнуло. Глаза открылись, но тут же зажмурились, ослепленные зеленым заревом. Мазириан повернул в сторону рефлектор излучателя.

Существо в чане слегка пошевелило руками и ногами — неуверенно, словно не понимая, как пользоваться конечностями. Мазириан напряженно наблюдал за происходящим: возможно, ему так-таки удалось найти подходящий рецепт синтеза мозга?

«Сядь!» — скомандовал Мазириан.

Существо сосредоточило глаза на лице волшебника — в нем явно пробуждались естественные мышечные рефлексы. Совершенно неожиданно оно с гортанным ревом выскочило из чана и схватило Мазириана за горло. Мазириан, че-

ловек здоровый и сильный, пытался вырваться, но мускулистая бестия болтала его в воздухе, как тряпичную куклу.

Несмотря на все его чары, Мазириан был беспомощен. Он уже истратил цепенящее заклинание и в данный момент не помнил никакого другого. В любом случае, он не смог бы произнести какую-либо многосложную формулу, искажающую пространство-время — ему стиснула горло бешеная хватка.

Отступая, волшебник нащупал рукой горлышко свинцовой бутыли. Размахнувшись, он огрел существо бутылью по голове — ожившее тело пошатнулось и распласталось на полу.

Не слишком огорченный результатом эксперимента, Мазириан разглядывал лежавшую у него под ногами влажную фигуру. Существо продемонстрировало успешную координацию функций спинного мозга. Мазириан присел за стол и приготовил белую смесь. Приподняв златокудрую голову своего создания, он влил ему в рот это зелье. Существо ожило, открыло глаза, приподнялось на локтях. Безумие покинуло его, но волшебник напрасно искал в нем признаки сознания. Редко мигавшие глаза существа оставались пустыми, как у ящерицы.

Мазириан раздраженно покачал головой. Он подошел к окну — мрачный силуэт наклонившего голову волшебника выделялся четкой черной тенью на фоне овального стекла… Снова допросить Турджана? Турджан не выдал свой секрет даже под самой изощренной пыткой. Тонкие губы Мазириана иронически покривились. Может быть, если прибавить еще один поворот…

Солнце уже зашло, волшебный сад Мазириана погрузился в сумерки. Раскрылись ночные белые цветы, и заключенные в них серые мотыльки выпорхнули, перелетая с одной клумбы на другую. Мазириан распахнул люк в полу лаборатории и стал спускаться по лестнице — ниже, ниже, еще ниже… Наконец он повернул под прямым углом направо в коридор, освещенный желтым пламенем вечных светильников. За спиной остались его пещерные грибные грядки, справа в стене была устроена крепкая дубовая дверь, окованная чугуном и запертая на три замка. Впереди, скрывались во мраке каменные ступени, ведущие дальше вниз.

Мазириан открыл три замка и распахнул дверь настежь. В помещении за дверью ничего не было, кроме каменного пьедестала с установленной на нем застекленной сверху квадратной короб-

кой примерно метровой ширины и высотой сантиметров двенадцать. В коробке — по сути дела, в устроенном вдоль ее стенок проходе с четырьмя поворотами по углам — двигались две небольшие фигурки: преследователя и преследуемого. Хищником был маленький дракон с яростно горящими красными глазами и отвратительной клыкастой пастью. Жертвой был человечек в два раза меньше дракона — обнаженный, с решительным лицом и длинными черными волосами, стянутыми медным обручем. Лилипут бежал чуть быстрее преследователя, неустанно продолжавшего погоню и применявшего кое-какие уловки: время от времени дракончик уставал от попыток дотянуться до человечка зубами, поворачивал назад и прятался за углом — на тот случай, если человечек не обернется вовремя и неосторожно забежит за угол. Но лилипут, бдительно следивший за поведением дракончика, все время умудрялся избегать зубов преследователя. Человечком был Турджан, которого Мазириан, применив несколько подлых трюков, пленил две недели тому назад, уменьшил в размерах и заключил в застекленную коробку.

Мазириан с удовольствием наблюдал за тем, как рептилия прытко бросалась на человека,

как только тот останавливался, чтобы перевести дыхание — но человек каждый раз успевал оставаться за пределами досягаемости. Мазириан подумал, что пора было дать обоим передохнуть и накормить их. Он опустил панели, перегородившие квадратный проход по углам и разделившие его на две половины: в одной остался человек, в другой — дракон. Поставив каждому по наперстку с водой, он подбросил им по кусочку мяса.

Турджан тут же опустился на дно коробки, прислонившись спиной к стенке.

«Ага! — сказал Мазириан. — Ты устал? Хочешь отдохнуть?»

Турджан закрыл глаза и молчал. Ход времени и весь мир уже не имели для него никакого значения. Единственной реальностью были серый коридор и бесконечное бегство. Иногда, не слишком регулярно, его кормили и позволяли несколько часов подремать.

«Вспомни о синем небе, — говорил Мазириан, — о серебристых звездах, о твоем замке Миир над рекой Дерной, подумай о том, как хорошо и вольно гулять по лугам!»

Мышцы вокруг рта Турджана чуть дрогнули.

«Ты мог бы раздавить дракона каблуком — по-

думай только!»

Турджан поднял голову: «Я предпочел бы свернуть шею тебе, Мазириан».

Мазириан ухом не повел: «Расскажи, как ты прививаешь разум существам, выращенным в чанах. И я выпущу тебя на свободу».

Турджан рассмеялся — смехом сумасшедшего: «Рассказать тебе? И что дальше? Сразу после этого ты сваришь меня в кипящем масле!»

Уголки тонких губ Мазириана капризно опустились: «Негодяй, я знаю, как заставить тебя говорить! Ты все расскажешь, даже если твой рот будет набит ватой и воском, а потом заклеен! Завтра я обнажу нерв в твоей руке и проведу по нему наждачной тканью!»

Маленький Турджан, вытянув ноги поперек прохода в коробке, пил воду и молчал.

«Сегодня ночью, — произнес Мазириан нарочито зловещим тоном, — я добавлю еще один угол. Теперь тебе придется бегать по пятиугольнику».

Турджан отвлекся от наперстка с водой и взглянул наверх, на врага, склонившегося над стеклянной крышкой, после чего снова стал прихлебывать воду. В пятиугольном проходе оставалось бы меньше времени на то, чтобы заметить появившееся из-за поворота чудовище

и начать от него убегать.

«Завтра, — продолжал Мазириан, — тебе потребуется все твое проворство». Волшебнику пришла в голову новая мысль: «Но даже от этого испытания я тебя избавлю, если ты поможешь мне решить одну проблему».

«В чем состоит твое затруднение, чокнутый чародей?»

«Меня преследует наваждение в образе женщины. Я хотел бы ее поймать! — одна мысль о такой возможности заставила затуманиться глаза волшебника. — По вечерам она приезжает к ограде моего сада на огромном черном коне — ты ее знаешь, Турджан?»

«Нет, понятия не имею», — Турджан продолжал понемногу прихлебывать воду.

Мазириан продолжал: «Она достаточно владеет магией, чтобы оградить себя от второго гипнотического заклинания Фелойуна. Или, возможно, кто-то снабдил ее охранной руной. Когда я к ней приближаюсь, она скрывается в лесу».

«Так что же?» — спросил Турджан, закусывая предоставленным Мазирианом кусочком мяса.

«Кто эта женщина?» — настаивал Мазириан, опустив кончик длинного носа над головой миниатюрного пленника.

«Откуда мне знать?»

«Я должен ее поймать! — теперь Мазириан говорил скорее с самим собой, нежели с пленником. — Но какие для этого выбрать заклинания? Какие заклинания?»

Турджан смотрел вверх, хотя гигантскую физиономию волшебника трудно было разглядеть — она расплывалась за стеклом: «Освободи меня, Мазириан — и, даю слово избранного иерарха Марам-Ора, я приведу к тебе эту девушку!»

«Как ты это сделаешь?» — с подозрением спросил волшебник.

«Надену сапоги-скороходы, вооружусь горстью заклинаний и настигну ее в лесу».

«У тебя это получится не лучше, чем у меня, — возразил Мазириан. — Свободу ты получишь только тогда, когда разъяснишь методы выращивания разумных существ. А за женщиной на черном коне я буду охотиться сам».

Турджан опустил голову, чтобы волшебник не мог прочесть выражение в его глазах. Немного погодя Турджан спросил: «И что будет со мной, Мазириан?»

«Тобой я займусь, когда вернусь».

«Что, если ты не вернешься?»

Мазириан погладил подбородок и улыбнулся,

обнажив мелкие белоснежные зубы: «Если бы не твой проклятый секрет, дракон сожрал бы тебя уже сию минуту!»

Волшебник поднялся по каменной лестнице. В полночь он все еще сидел в лаборатории, перелистывая страницы томов в кожаных переплетах и листы, беспорядочно вложенные в папки… Когда-то были известны больше тысячи рун, заклинаний, магических формул, проклятий и чар. Просторы Великого Мофолама — Асколаис, Кочикский Айд, Альмерия на юге, степи Рухнувшей Стены на востоке — буквально кишели всевозможными чародеями и кудесниками, самым влиятельным из которых слыл архинекромант Фандаал. Фандаал сам сформулировал сотню заклинаний — хотя ходили слухи, что формулы великого мага ему нашептывали демоны. Понтесилья Благочестивый, правивший в те времена Великим Мофоламом, подверг Фандаала пыткам и, наутро после ужасной ночи, казнил его, а затем запретил колдовство по всей своей империи. Чародеи Мофолама разбежались по щелям, как тараканы, испуганные внезапно включенным светом; их знания постепенно рассеивались и подвергались забвению — до тех пор, пока Солнце не стало темнеть над одичавшим Аско-

лаисом, пока белокаменный город Кайин не стал превращаться в руины. Ныне оставались известными лишь сто заклинаний, причем Мазириану были доступны семьдесят три — мало-помалу, посредством махинаций и переговоров, он приобретал другие.

Мазириан выбрал из книг надлежащие формулы и, приложив немалые усилия, запечатлел в уме пять заклинаний: «Фазовращатель Фандаала», «Второе гипнотическое заклинание Фелойуна», «Великолепный призматический спрыск», «Заклятие неистощимой бодрости» и «Вызов непроницаемой сферы». Закончив этот труд, Мазириан выпил вина и улегся на койку.

На следующий день, незадолго перед заходом Солнца, Мазириан отправился на прогулку по саду. Ему не пришлось долго ждать. Пока он разрыхлял почву вокруг корней лунных гераней, топот копыт возвестил о прибытии предмета его вожделений.

Она держалась в седле, гордо выпрямившись — молодая женщина изысканного телосложения. Медленно наклонившись, чтобы, паче чаяния, не спугнуть красавицу, Мазириан надел сапоги-скороходы и застегнул их над коленями.

Поднявшись во весь рост, он воскликнул: «Пре-

красная незнакомка! Ты снова здесь. Что ты делаешь в моем саду по вечерам? Восхищаешься розами? Их алые лепестки насыщены свежей кровью. Если сегодня ты останешься со мной, я подарю тебе одну из этих роз».

Мазириан сорвал розу с ветки содрогнувшегося куста и начал потихоньку приближаться к наезднице, сопротивляясь настойчивым порывам сапог-скороходов. Он успел сделать только четыре шага, когда женщина ударила коня коленями по ребрам и поскакала прочь, скрываясь между древесными стволами.

Мазириан позволил сапогам сорваться с места и мчаться со всей возможной скоростью. Сапоги совершали, один за другим, частые длинные прыжки — Мазириан пустился в погоню.

Так волшебник оказался в сказочном лесу. Со всех сторон покрытые мхом, вздувшиеся в основаниях стволы извивались к небу, поддерживая высокие кроны. Солнечные лучи то и дело пробивались сквозь листву, разбрасывая карминовые блики по лесной подстилке. В тени покачивались на длинных стеблях бледные цветы и хрупкие нежные грибы; в эти последние годы Земли природа не торопилась и словно отдыхала от потрясений минувшего.

Но Мазириан торопился — сапоги-скороходы несли его гигантскими скачками. Черный конь, однако, постоянно опережал его, не прилагая никаких особенных усилий.

Женщина с черными волосами, развевавшимися подобно вымпелу, проехала уже несколько лиг. Она обернулась, и Мазириан увидел ее лицо — лицо недостижимой мечты. Наездница пригнулась к гриве — черный конь с золотистыми глазами понесся с удвоенной прытью и вскоре скрылся из виду. Теперь, чтобы не сбиться с пути, Мазириану приходилось разыскивать следы копыт.

Сапоги-скороходы начинали терять пружинистую бодрость — они бежали уже давно и быстро. Гигантские прыжки становились короче и тяжелее, но черный конь, судя по следам, тоже устал и бежал уже не галопом, а мелкой рысью. Через некоторое время Мазириан вышел из леса на луг и увидел пасущегося коня, без наездницы. Волшебник тут же остановился. Перед ним было обширное открытое пространство, поросшее нежной травой. Следы вели на луг, но, судя по тем же следам, конь не покидал пастбище. Следовательно, женщина спешилась где-то раньше — и ничто не позволяло Мазириану определить, где именно.

Он попробовал приблизиться к коню, но животное отпрянуло и ускакало в лес. Волшебник не пытался догнать его — он обнаружил, что чудесные сапоги обмякли и больше не работали.

Мазириан отшвырнул сапоги, проклиная этот день и свою неудачу. Раздраженно завернувшись в плащ, он направился назад по тропе — на лице его застыло выражение злобного напряжения.

В этой части леса часто встречались обнажения черной и темно-зеленой скальной породы, базальта и серпентинита — предвестники утесов, возвышавшихся над рекой Дерной. На одном из таких каменных выступов Мазириан заметил маленького человечка верхом на стрекозе. Кожа лесного эльфа отливала зеленоватым блеском; на нем была легкая полупрозрачная накидка, а в руке он держал копье в два раза длиннее своего роста.

Мазириан остановился. Человечек смотрел на волшебника — молча и неподвижно.

«Ихневмон, ты видел, как здесь проходила женщина моей расы?» — спросил Мазириан.

Поразмыслив пару секунд, зеленый человечек кивнул: «Видел».

«Где она теперь?»

«А что ты мне дашь, если я тебе скажу?»

«Соль — столько, сколько сможешь взять».

Эльф-ихневмон покрутил копьем в воздухе: «Соль? Зачем она мне? Странник Лианэ приносит соль вождю Данданфлоресу — столько, что всему племени хватает».

Мазириан мог представить себе, за какие услуги трубадур-разбойник платил эльфам солью. Эльфы-ихневмоны, стремительно летавшие на стрекозах, знали обо всем, что происходило в лесу.

«Ампулу елея, выжатого из лепестков теланксиса?»

«Хорошо! — уступил эльф. — Покажи флакон».

Мазириан продемонстрировал ампулу.

«Она свернула с тропы у расщепленного молнией дуба — он неподалеку — и спустилась в речную долину. Это кратчайший путь к озеру».

Мазириан положил ампулу на камень рядом со стрекозой и поспешил к искореженному дубу над рекой. Тем временем ихневмон спешился и привязал ампулу к брюшку стрекозы рядом с мотком тончайшей пряжи, который женщина дала ему, чтобы он направил волшебника ей вдогонку.

Повернув в долину там, где рос расщепленный дуб, Мазириан нашел следы среди опавших

листьев. Перед ним к реке полого спускалась широкая просека. По обеим сторонам просеки выстроились частые стволы лесной чащи; там, где их озаряли лучи заходящего Солнца, они казались пропитанными кровью, а с другой стороны — угольно-черными. Тень с западной стороны была настолько глубокой, что волшебник не приметил тварь, сидевшую на упавшем трухлявом дереве — он почувствовал ее присутствие только тогда, когда она уже приготовилась броситься ему на спину.

Мазириан отпрянул, повернувшись лицом к опять присевшему в угрожающей позе деоданду: атлетически сложенному, красивому человекообразному существу с матовой черной кожей и раскосыми глазами-щелочками.

«Привет, Мазириан! — деоданд говорил тихо и вкрадчиво, но эхо его голоса разносилось по всей просеке. — Ты, я вижу, забрел далеко в лес».

Мазириан знал, конечно, что деоданды обожали человеческое мясо. Каким образом девушка избежала нападения? Ее следы вели вниз, вдоль тенистой чащи.

«Я кое-кого ищу, деоданд. Если ты ответишь на мои вопросы, я обещаю скормить тебе чело-

века».

Деоданд смерил волшебника хищным взглядом с головы до ног, его глаза сверкнули: «Твоя плоть подойдет не хуже плоти любого другого. Надо полагать, ты вооружился мощными заклинаниями?»

«Разумеется. Как давно здесь проходила девушка? Торопилась она или нет? Кто-нибудь ее сопровождал? Отвечай — и я накормлю тебя человечиной, когда это тебя устроит, в условленное время».

Деоданд издевательски оскалился: «Мазириан, ты ослеп? Она все еще на просеке — смотри!» Хищник протянул угольно-черную руку. Мазириан повернулся в ту сторону, но тут же отпрыгнул в сторону — деоданд снова на него бросился. На этот раз с уст волшебника гневно сорвалась многосложная формула фазовращателя Фандаала. Ступни деоданда оторвались от земли, его подбросило высоко в воздух, где он принялся безудержно кувыркаться то быстрее, то медленнее, то взмывая над кронами деревьев, то падая почти к самой земле. Мазириан с усмешкой наблюдал за этими пертурбациями, после чего опустил черное тело пониже и заставил его кружиться равномерно, на одном уровне.

«Как ты хочешь умереть — быстро или медленно? — поинтересовался волшебник. — Помоги мне, и я убью тебя сразу. Иначе ты поднимешься под облака — туда, где кормятся пельграны».

Деоданд хрипел, задыхаясь от ярости и страха: «Да выколет тебе глаза темный дух Фиала! Пусть Краан обольет кислотой твой обнаженный мозг!» Людоед продолжал сыпать настолько ужасными проклятиями, что Мазириан вынужден был пробормотать несколько противосглазов.

«Так улетай же!» — сказал волшебник и взмахнул рукой. Болтающее руками и ногами черное тело воспарило высоко над лесом и стало медленно кружиться в малиновых лучах заходящего Солнца. Уже через несколько секунд пятнистая тварь, подобная гигантской летучей мыши с клювом, подлетела к деоданду и вцепилась ему в ногу. Отчаянно брыкаясь, деоданд сумел отбросить ее, но к нему уже приближались другие черные тени, порхающие на фоне заката.

«Отпусти, Мазириан! — донесся слабый крик из неба. — Я скажу все, что знаю!»

Мазириан опустил деоданда ближе к земле.

«Она здесь пробежала перед тем, как появился ты. Я готовился на нее напасть, но она отпугнула меня горстью колдовского порошка. В конце про-

секи она повернула и спустилась по тропе к реке. Тропа эта ведет мимо логова Франга. Ей конец, потому что Франг будет сосать ее кровь, пока она не умрет».

Мазириан погладил подбородок: «Она запаслась заклинаниями?»

«Не знаю. Чтобы спастись от демона Франга, нужны могущественные чары».

«Что еще ты можешь рассказать?»

«Ничего».

«Тогда умри!» — Мазириан заставил людоеда вертеться все быстрее и быстрее, с огромной скоростью, пока его фигура не превратилась в сплошное размытое пятно. Из пятна послышался сдавленный вой, после чего тело деоданда разорвалось: голова пулей пронеслась по воздуху и упала в нижней части просеки; руки, ноги, внутренности разлетелись во все стороны.

Мазириан продолжил путь. В нижнем конце просеки тропа круто спускалась к реке по темно-зеленым уступам серпентинита. Солнце уже зашло, долина наполнилась сумраком. Мазириан вышел на речной берег и направился вниз по течению — туда, где вдали блестели воды Санры, озера сновидений.

В воздухе повеяло зловещей вонью разложе-

ния и гниющих отбросов. Теперь Мазириан продвигался вперед осторожнее, так как логово упыря-медведя Франга было где-то неподалеку; волшебник уже ощущал присутствие черной магии, настойчивых грубых чар, способных оказаться сильнее его изощренных заклинаний.

Послышались голоса — хриплые гортанные возгласы Франга и задыхающиеся вопли ужаса. Мазириан выглянул из-за выступа скалы, чтобы определить, откуда доносились эти звуки.

Логовом Франгу служил обширный альков под навесом скалы, где упырь устроил зловонную подстилку из подгнившей соломы и шкур. Рядом он соорудил нечто вроде примитивного загона, в котором сидели три женщины, покрытые многочисленными кровоподтеками; на лицах женщин застыло выражение безысходного ужаса. Франг похитил их на берегу озера, где обитало племя, рыбачившее на баржах из бревен, переплетенных шелковыми лентами. Теперь пленницы наблюдали за тем, как упырь принуждал к подчинению только что пойманную жертву. Серое человеческое лицо кровопийцы нетерпеливо гримасничало — он пытался сорвать с девушки блузу-безрукавку почти человеческими руками. Но та проявляла невероятную

ловкость, уклоняясь от приближения огромного потного тела упыря. Мазириан прищурился: несомненно, здесь дело не обходилось без магии!

Волшебник продолжал стоять и наблюдать, размышляя над тем, каким способом можно было бы уничтожить Франга, не причиняя особого ущерба девушке. Но та успела его заметить, выглянув за плечо упыря.

«Смотри! — лихорадочно вскрикнула она. — Мазириан пришел тебя убить!»

Франг развернулся одним прыжком. Увидев волшебника, он издал страстный торжествующий рев и помчался к нему галопом на четвереньках. Впоследствии Мазириан предположил, что упырь так-таки пользовался какими-то чарами, потому что в этот момент мозг волшебника словно парализовало страхом. Возможно, однако, что помрачение ума было вызвано исключительно внешностью медведя-упыря: жутким серовато-белым человеческим лицом и огромными руками, тянувшимися к шее Мазириана.

Старый волшебник сумел сбросить оцепенение — чем бы оно ни было вызвано — и поспешно произнес заклинание: всю долину тут же озарили потоки огненных стрел, растерзавших уткнувшееся головой в землю тело Франга на тысячи

кусков. Таков был великолепный призматический спрыск разноцветных разрядов, острых, как бритвы. Франг умер почти мгновенно — его темно-багровая кровь хлынула из бесчисленных сквозных ран, оставленных ослепительным шквалом молний.

Мазириана мало интересовала судьба упыря. Девушка сбежала. Ее облаченная в белое фигура спешила к озеру по берегу Дерны. Волшебник пустился в погоню, не обращая внимания на умоляющие вопли трех женщин, запертых в загоне.

Вскоре перед ним раскинулось обширное зеркальное водное пространство, окаймленное смутно-серой, едва заметной полоской берегов. Мазириан спустился на песчаную косу и стоял, глядя в сумрак над водами Санры, озера сновидений. Последняя заря заката уже почти погасла, небо стало бархатно-черным, на поверхности озера отражались звезды. Прохладные спокойные воды не знали ни приливов, ни отливов — так же, как и все остальные воды Земли с тех пор, когда Луна покинула свою орбиту.

Куда пропала женщина? Вот она! Бледная фигура неподвижно стояла в тени на другом берегу реки. Мазириан вышел на край песчаной косы, высокий и величественный; легкий ветерок те-

ребил нижний край его плаща.

«Эй, красавица! — позвал он. — Я, Мазириан, спас тебя от зубов Франга! Подойди ближе, я хочу с тобой поговорить».

«Я и так хорошо тебя слышу, — ответила она. — А чем ближе я к тебе подойду, тем дальше мне придется от тебя бежать».

«Зачем же тебе бежать? Вернись со мной, и ты станешь владычицей многих тайн и хозяйкой моей усадьбы».

Девушка рассмеялась: «Если бы я этого хотела, Мазириан, заставила бы я тебя гнаться за мной так долго и так далеко?»

«Если ты не стремишься познать тайны волшебства, кто ты такая и что тебе нужно?»

«Для тебя, Мазириан, у меня нет имени — я не хочу, чтобы ты меня сглазил. А теперь я ухожу туда, где ты меня не найдешь». Она пробежала по берегу, медленно зашла в воду по пояс, по плечи — и скрылась в глубинах озера.

Мазириан пребывал в нерешительности. Было бы непредусмотрительно использовать слишком много заклинаний и таким образом лишиться всякой защиты. Кто знает, что скрывалось под поверхностью озера? Уже здесь, на берегу, ощущалась малозаметная магия; Мази-

риан не враждовал с Хозяином озера, но другие существа могли рассматривать погружение как вторжение в их вотчину. Тем не менее, убедившись в том, что девушка не намерена снова появиться, волшебник произнес заклятие неистощимой бодрости и зашел в прохладную воду.

Погрузившись глубоко в озеро сновидений, Мазириан стоял на дне. Благодаря заклятию его легкие не испытывали ни малейшего неудобства; он дивился странности окружающего подводного ландшафта. Вопреки его ожиданиям, здесь не было темно — всё брезжило зеленоватым светом, и вода была лишь немногим мутнее воздуха. Растения покачивались, потревоженные течением впадающей реки, и вместе с водорослями плавно трепетали на гибких стеблях озерные цветы — красные, синие и желтые. Выплывали и снова прятались в зарослях причудливые глазастые рыбы.

Скальные уступы-ступени озерного дна спускались к широкой равнине, где подводные деревья протягивали вверх изящные мягкие стволы с ажурными перистыми ветвями, усеянными темно-лиловыми озерными фруктами, постепенно сливаясь на расстоянии с призрачными глубинами. Мазириан видел беглянку, теперь

превратившуюся в белую речную нимфу с туманно распущенными темными волосами. Она плыла, отталкиваясь ступнями от песчаного дна подводного мира и время от времени оглядываясь. Мазириан, в развевающемся под водой плаще, последовал за ней.

Волшебник приближался к девушке и уже торжествовал. Конечно, ее надлежало наказать за то, что она слишком долго водила его за нос… Древняя каменная лестница под его лабораторией уводила в глубокие подземелья, и чем глубже были подземелья, тем обширнее они становились. Когда-то в одном из этих мрачных сводчатых подземелий Мазириан обнаружил ржавую клетку. Через пару недель, проведенных в полной темноте, у красавицы поубавится дерзкой самоуверенности. Ему уже приходилось укрощать одну строптивую женщину, уменьшив ее так, чтобы она помещалась на ладони, и посадив ее в стеклянную бутыль, в которой летали две раздраженные мухи…

В зеленой подводной перспективе показались развалины беломраморного храма: множество колонн — одни опрокинулись, другие еще поддерживали карниз фронтона. Женщина заплыла в тень под архитравом огромного портика. Воз-

можно, она надеялась спрятаться; нужно было внимательно следить за ее перемещениями. Белая фигура мелькнула в дальнем конце нефа — теперь она проплыла над ростром в полукруглую нишу.

Мазириан преследовал ее со всей возможной быстротой: так же, как она, волшебник плыл в торжественном сумраке, время от времени отталкиваясь носками ступней от мраморных плит и обломков. Он вглядывался в полутьму. Колонны потоньше не слишком надежно поддерживали купол, из которого давно выпал центральный замковый камень. Волшебника внезапно охватил страх, тут же оправдавшийся, как только он заметил какое-то движение наверху. Со всех сторон на него повалились колонны, а за ними сыпалась лавина мраморных блоков. Мазириан отпрянул, лихорадочно пытаясь отплыть назад.

Обвал закончился, белая пыль древней кладки постепенно рассеялась и осела. Женщина опустила изящные колени на край цоколя храма и напряженно смотрела вниз, пытаясь понять, удалось ли ей убить похотливого старого колдуна.

Не удалось. По чистой случайности две колон-

ны свалились по бокам волшебника, а упавший на них обломок плиты образовал перекладину, защитившую его тело от тяжелых блоков. Почти погребенный, Мазириан с трудом повернул голову. Сквозь прореху в куче мрамора он видел женщину, наклонившуюся, чтобы разглядеть его. Значит, она хотела его убить? Его, Мазириана, прожившего столько лет, что он даже не затруднялся их подсчитывать? Что ж, тем больше оснований будет у нее теперь бояться и ненавидеть его! Волшебник произнес оставшееся у него заклинание, вызов непроницаемой сферы. Вокруг него образовалась потрескивающая искрами оболочка силового поля, быстро расширявшаяся, расталкивая все, что его окружало. Когда мраморные обломки раздвинулись, Мазириан уничтожил сферу, поднялся на ноги и снова стал разыскивать женщину, гневно озираясь по сторонам. Она уже почти скрылась за густой порослью длинных пурпурных водорослей, поспешно поднимаясь на берег по скальным уступам. Мазириан энергично бросился в погоню.

Тсаин едва выбралась на берег, силы покидали ее. Тем не менее, волшебник Мазириан все еще преследовал ее, и его чары нарушили все ее планы. Вспомнив выражение его лица, она

содрогнулась. Нет, сдаваться было нельзя.

Усталость и отчаяние мешали ей двигаться. Она отправилась в путь, вооружившись двумя чарами: заклинанием неистощимой бодрости и заклятием, придававшим силу и ловкость ее рукам. Второе заклятие позволило ей сопротивляться Франгу и обрушить на Мазириана обломки храма. Но эти чары были истрачены, ее больше ничто не защищало. С другой стороны, у Мазириана тоже могло не остаться никаких магических средств.

Возможно, волшебник забудет в спешке об угрозе, исходившей от травы-вампира? Тсаин бегом поднялась во склону и остановилась за порослью бледной, словно прибитой ветром к земле травы. Из воды на берег вышел Мазириан — худощавый высокий силуэт на глянцевом фоне озера.

Девушка стала отступать так, чтобы невинная поросль оставалась между ней и волшебником. Если ей не поможет трава, что еще ей оставалось? Она отказывалась даже помыслить об этом.

Мазириан забрел в траву. Бледные вялые побеги сразу превратились в жилистые щупальца. Обвившись вокруг его лодыжек, они удерживали волшебника железной хваткой, в то время как другие приготовились проткнуть ему кожу.

Мазириану пришлось истратить последнее заклинание, вызывавшее гипнотический паралич у всех ближайших живых существ. Трава-вампир обмякла и распласталась по земле. Надежда Тсаин не оправдалась. Чародей почти догонял ее, она уже слышала, как хлопал на ветру плащ у него за спиной. Неужели он не устал? Неужели его мышцы не болели, почему он не задыхался? Девушка бежала по лугу к роще черных деревьев. Она похолодела при виде безжизненной тенистой почвы между угрюмыми стволами. Но топот ног Мазириана приближался. Она бросилась в мертвую сень: нужно было пробежать как можно дальше прежде, чем роща проснется!

Щелк! Ее стегнуло жесткой веткой-бичом. Она продолжала бежать. Ветви безжалостно били ее еще и еще раз — девушка упала. Снова и снова щелкали полосовавшие ее бичи. Тсаин с трудом поднялась на ноги и сделала еще несколько шагов, пошатываясь и прикрывая лицо руками. Щелк! Ветви-бичи со свистом рассекали воздух — очередной взмах заставил ее развернуться на месте. Она увидела Мазириана.

Волшебник отбивался. Стоя под градом ударов, он пытался хватать и ломать хлещущие ветви. Но гибкие упругие плети не поддавались — они

изворачивались, вырывались, оттягивались и снова били его. Взбешенные сопротивлением, черные деревья-убийцы сосредоточили усилия на несчастном волшебнике, бешено защищавшемся с пеной у рта. Пользуясь неожиданной передышкой, девушка уползла из рощи на четвереньках и таким образом спаслась.

Сидя на земле, она обернулась и неотрывно смотрела на Мазириана: старый волшебник демонстрировал жажду жизни, вызывавшую смешанное чувство ужаса и почтения. В сумраке рощи еще видна была его долговязая упрямая фигура, он все еще стоял, хотя удары непрерывно обрушивались на него со всех сторон. Волшебник слабел, он пытался бежать — и наконец упал. Ветви хлестали его по голове, по плечам, по длинным ногам. Он пробовал подняться, но снова упал.

Тсаин облегченно закрыла глаза. Кровь сочилась из ее шрамов. Ей оставалось, однако, сделать самое главное. Она заставила себя подняться на ноги и, пошатываясь, пошла прочь. Но еще долго до ее ушей доносились свист и стук разъяренных плеток-ветвей.

Ночью сад Мазириана становился невыразимо прекрасным. Широко распускались магически

совершенные звездчатые соцветия, выпуская порхающих над ними полурастительных пленников-мотыльков. Фосфоресцирующие водяные лилии плавали в пруду, изображая очаровательные лица, а куст, который Мазириан привез из далекой Южной Альмерии, придавал воздуху сладковатый фруктовый привкус.

Шатаясь и задыхаясь, хватаясь за ветки, чтобы удержаться на ногах, Тсаин пробиралась по саду. Некоторые цветы просыпались и с любопытством посматривали на нее. Животно-растительный гибрид приветствовал ее сонным щебетом — ему показалось, что подходит хозяин-волшебник. Едва слышно раздавалась тоскливая музыка голубых цветов-свирелей, напевавших о ночах глубокой старины, когда Луна еще плыла по небосклону, когда деревья гнулись под ураганным ветром и молнии рассекали пелену грозовых туч.

Тсаин не замечала ничего вокруг. Проникнув в усадьбу Мазириана, она нашла лабораторию, освещенную вечными желтыми лампадами. Златокудрое создание волшебника, лежавшее в растильном чане, внезапно село и уставилось на девушку красивыми бессмысленными глазами.

Тсаин отыскала ключи Мазириана в шкафу и сумела, приложив немалые усилия, открыть люк в полу. После этого она опустилась на пол, чтобы передохнуть — розовая пелена в глазах мешала ей видеть. Но ее внутреннему взору все еще являлись недавние яркие воспоминания: Мазириан, высокий и самоуверенный, выступивший из-за уступа скалы, чтобы расправиться с Франгом, странные зеленовато-желтые и зеленовато-лиловые подводные цветы в озере, лишенный чар Мазириан, обреченно дерущийся с ветвями-плетьми… Она очнулась от полудремы, когда вылезшее из чана мокрое существо боязливо погладило ее по голове.

Заставив себя двигаться, Тсаин не то чтобы спустилась, а скорее сползла, держась за стены, по каменной лестнице, открыла три замка дубовой двери и распахнула ее, затратив практически последнюю энергию, сохранившуюся в ее теле. Чтобы не упасть, она схватилась за пьедестал застекленной коробки, в которой маленький Турджан и маленький дракон продолжали отчаянную игру в прятки. Тсаин приподняла прозрачную крышку, со звоном отбросила ее в сторону, осторожно приподняла Турджана и поставила его на пол.

Прикосновение руны на ее браслете рассеяло чары, и Турджан снова стал человеком обычного роста. Увидев, во что превратилась Тсаин, он ужаснулся.

Она пыталась ему улыбнуться: «Турджан, ты свободен…»

«А Мазириан?»

«Мертв». Она бессильно опустилась на каменный пол и лежала без движения. В глазах Турджана появилось странное выражение: он понял, что девушка умерла.

«Тсаин, дражайшее создание мое! — прошептал он. — Ты благороднее меня, ты пожертвовала своей короткой жизнью, чтобы выпустить меня на волю».

Турджан поднял ее тело: «Но я воскрешу тебя в растильном чане. Твой мозг будет жить в теле новой Тсаин — такой же красавицы, как ты. Пойдем!»

И он поднялся по лестнице с безжизненным телом в руках.

3. Тсаис

Выезжая из рощи, Тсаис придержала коня. Словно в нерешительности, она смотрела на переливающийся пастельными тонами луг, спускавшийся к ручью… Понукаемый легким движением ее коленей, черный конь неспешно засеменил по лугу.

Девушка ехала, глубоко задумавшись, а над ней, как по возбужденному порывами ветра водному пространству, по небу бежали, распространяя огромные тени от горизонта до горизонта, расходящиеся и пересекающиеся волны. Небесный свет, преобразованный и преломленный, заливал землю тысячами оттенков — пока Тсаис ехала, ее озаряли то зеленые, то ультрамариновые, то светло-голубые, как топаз, то рубиновые лучи, и по всему ландшафту вокруг плыли, как по вечно изменчивой изысканной палитре, размытые полосы той же спектральной ряби.

Тсаис зажмурилась, чтобы не видеть радужные наплывы. Они жгуче раздражали ее нервы и приводили в замешательство зрительное восприятие. Красные лучи обжигали, зеленые — душили, синие и пурпурные намекали на непознаваемые

тайны. Вся Вселенная будто предназначена была причинять ей мучения и возбуждать в ней дикую ярость… Мимо пролетела бабочка с узором крыльев, напоминавшим драгоценный ковер, и Тсаис замахнулась шпагой, чтобы рассечь ее. Но она сдержалась, приложив при этом огромное усилие — ибо Тсаис была свойственна страстная натура, не расположенная к сдержанности. Она смотрела вниз, на цветы под копытами коня — бледные ромашки, голубые колокольчики, рыжие вьюнки, оранжевые астры. Но она больше не растаптывала их в крошево, не вырывала их с корнями. Ей объяснили, что Вселенная не заслуживала наказания, что такова была ошибка ее собственного мироощущения. Подавляя в себе пылающую ненависть к бабочке, к цветам и к брезжащему спектральными волнами небу, Тсаис продолжала путь.

Перед ней луг окаймляла роща темных деревьев, а за ней можно было заметить поросли тростника и блеск воды — оттенки разных частей пейзажа постоянно менялись, отражая состояние неба. Тсаис повернула коня и поехала по берегу ручья в продолговатой приземистой усадьбе.

Спешившись, она медленно прошла к двери из черного закопченного дерева. На двери висела

резная издевательская маска. Тсаис потянула маску за язык — прозвенел колокольчик.

Никто не отозвался.

«Панделюм!» — позвала Тсаис.

Через некоторое время послышался приглушенный ответ: «Заходи».

Тсаис распахнула дверь и зашла в помещение с высоким потолком, где, помимо небольшого мягкого дивана, не было ничего, кроме потертых ковров.

Из-за стены донесся голос — мягкий, полный безграничной печали: «Что тебе нужно?»

«Панделюм, сегодня я узнала, что убийство — это зло, что мои глаза меня обманывают, и что там, где я вижу только режущие взор цветные пятна и отвратительное уродство, другие видят красоту».

Панделюм помолчал, после чего снова послышался его приглушенный голос; чародей согласился удовлетворить невысказанную просьбу о разъяснении: «То, о чем ты говоришь, по большей части верно. Если у живых существ есть какое-нибудь право, это право на жизнь. Жизнь — их единственное на самом деле драгоценное имущество, и похищение жизни хуже любого другого грабежа… Что же касается другой

проблемы, то здесь ты ни в чем не виновата. Красота — повсюду, ей могут восхищаться все, кто наделен зрением — все, кроме тебя. Меня это огорчает, потому что я тебя создал. Я сконструировал твою исходную клетку, я наложил печать, определившую закономерности развития твоего тела и твоего мозга. Однако, несмотря на свое мастерство, я допустил ошибку. Когда ты выступила из растильного чана, я обнаружил, что в твоем мозгу возникло нарушение, что для тебя красота выглядит, как уродство, а добро тебе кажется злом. Настоящее уродство, настоящее зло ты никогда не видела, ибо в Эмбелионе нет ничего отвратительного, ничего подлого. Если бы тебе действительно привелось столкнуться с уродством или злом… боюсь, это привело бы к помешательству».

«Разве ты не можешь меня изменить? — воскликнула Тсаис. — Ты же чародей! Неужели я обречена на безрадостное существование до конца своих дней?»

Из-за стены донесся едва слышный вздох: «Да, я чародей. Мне известны все заклинания, изобретенные по сей день, все заколдованные руны, магические формулы, чудесные механизмы, заговоры, амулеты и талисманы. Я — магистр

математики, первый с тех пор, как погиб Фандаал. Тем не менее, я не могу изменить твой мозг, не уничтожив при этом твой разум, твою личность, твою память — называй это как хочешь — потому что я не бог. Бог мог бы воплотить в жизнь любое желание, но мне приходится довольствоваться магией — формулами, вызывающими резонанс, искажая пространство».

Глаза Тсаис, заискрившиеся было надеждой, потухли. «Я хочу оказаться на Земле, — помолчав, сказала она. — На Земле неподвижно-синее небо, и над горизонтами движется красное Солнце. Я устала от Эмбелиона. Здесь никто ничего не говорит, кроме тебя».

«Земля… — задумчиво протянул Панделюм. — Сумрачная планета неописуемой древности. Когда-то это был гордый мир с заоблачными вершинами гор и блестящими лентами рек, а Солнце горело, как ослепительный белый шар. Но бесконечные века дождей и ветров раскрошили и размыли гранит, а Солнце стало тусклым и красным. Континенты погружались в океаны и снова поднимались. Вырастали башни миллионов городов — и обрушивались, превращаясь в прах. Теперь там, где плодились и размножались древние народы, живут от силы несколько

тысяч человек. И на Земле есть зло — зло, утонченное и дистиллированное временем… Земля умирает, и в сумерках бытия…» — чародей замолчал.

«И все же, — с сомнением сказала Тсаис, — я слышала, что на Земле много красоты. Я хочу познать красоту, даже если для этого мне придется умереть».

«Как ты узна́ешь красоту, когда ее увидишь?»

«Все человеческие существа способны познавать красоту. Ведь я — человеческое существо?»

«Несомненно».

«Тогда я найду красоту и, может быть, даже…» — Тсаис не смогла произнести слово, слишком чуждое ее уму, слишком чреватое тревожными, приводящими в замешательство последствиями.

Панделюм долго молчал. Наконец он сказал: «Отправляйся на Землю, если хочешь. Я помогу тебе в меру своих возможностей. Я одушевлю твою шпагу. Кроме того, я дам тебе совет, и он заключается в следующем: не доверяй мужчинам, ибо мужчины расхищают красоту, чтобы удовлетворять похоть. Не вступай в близость ни с кем… Я дам тебе драгоценности — на Земле они сделают тебя богатой. Пользуясь ими, ты сможешь многого достичь. Но — опять же — никому

и нигде их не показывай; некоторые люди готовы убивать за гроши».

Снова наступила напряженная тишина, после чего воздух словно освободился от тяжести.

«Панделюм!» — тихо позвала Тсаис. Ответа не было.

Через несколько секунд, однако, чародей вернулся — ум девушки снова стеснило ощущение его присутствия.

«Немного подожди, — сказал Панделюм, — а затем зайди в соседнее помещение».

Тсаис подошла к внутренней двери, чуть задержалась, выполняя указание чародея, после чего открыла дверь и зашла в следующую комнату.

«На скамье слева, — прозвучал голос Панделюма, — ты найдешь браслет с амулетом и мешочек с драгоценными камнями. Надень амулет на кисть руки — он отражает вредоносные чары и сосредоточивает их на том, кто произнес заклинание. Это самая могущественная из рун, не потеряй ее!»

Тсаис надела браслет и привязала к поясу мешочек с драгоценностями.

«Теперь положи шпагу на скамью, встань на каменную плиту с вырезанными рунами и плотно закрой глаза. Мне нужно будет зайти в поме-

щение. Ни в коем случае не пытайся на меня взглянуть. Слышишь? Последствия ослушания будут ужасны».

Тсаис вынула шпагу, положила ее на скамью, встала на руны, вырезанные в полу, и зажмурилась. Послышались медленные шаги и тихий звон металла, а затем — высокий, напряженный подвывающий звук, постепенно затихший.

«Твоя шпага ожила! — сообщил Панделюм; его голос показался девушке необычно громким, потому что чародей стоял рядом, у нее за спиной. — Шпага будет убивать твоих врагов, руководствуясь своим собственным разумом. Протяни руку и возьми ее».

Тсаис вложила шпагу в ножны — клинок стал теплым и дрожал.

«В какое место на Земле ты желаешь отправиться? — спросил Панделюм. — В страну, населенную людьми, или в бескрайние пустоши, усеянные руинами?»

«В Асколаис», — ответила Тсаис: просто потому, что сестра, говорившая с ней о красоте, упомянула об этой стране.

«Как тебе угодно, — отозвался Панделюм. — А теперь внемли! Если ты когда-нибудь пожелаешь вернуться в Эмбелион…»

«Нет! — прервала его Тсаис. — Это хуже смерти».

«Что ж, вольному воля, как говорится».

Тсаис молчала.

«Я должен буду к тебе прикоснуться. На мгновение у тебя закружится голова, после чего ты откроешь глаза уже на Земле. Там уже наступает ночь, а по ночам просыпаются кошмарные твари. Постарайся сразу найти убежище».

Тсаис с радостным волнением почувствовала прикосновение чародея. У нее в голове все смешалось и перевернулось, она ощутила невесомость невероятного полета на немыслимое расстояние… У нее под ногами была незнакомая почва, в лицо дул ветерок с незнакомым пряным привкусом. Тсаис открыла глаза.

Перед ней открылся странный пейзаж поразительной новизны. В темно-синем небе багровело древнее Солнце. Тсаис стояла на лугу, окруженном высокими мрачноватыми деревьями. Деревья эти ничем не напоминали высоких спокойных гигантов Эмбелиона; земные деревья росли плотной угрюмой толпой и отбрасывали загадочную тень. Ничто в поле зрения, ничто земное не казалось оскорбляющим или режущим глаз: луг, деревья, выступающее из почвы

пологое скальное обнажение — здесь все размылось, сгладилось, состарилось, смягчилось. Неяркие лучи Солнца были, однако, насыщенными и придавали всему окружающему — камням, деревьям, тихой траве и скромным цветам — дух преданий и легенд, воспоминаний о древности.

Поодаль возвышались мшистые развалины давно обвалившихся крепостных стен. Их камни, покрытые темным лишайником, почернели от дыма и времени, трещины и провалы заросли травой — причудливая картина в косых лучах вечернего Солнца.

Тсаис медленно подошла к руинам. Кое-где стены еще стояли — одни выветренные камни держались на других, хотя скреплявший кладку раствор давно вымыло дождями. Девушка с удивлением обошла по кругу огромное, заплесневевшее, щербатое и растрескавшееся каменное изображение лица, почти полностью погребенное; она попыталась прочесть символы, вырезанные в основании монумента, но они не поддавались пониманию. Широко открыв глаза, Тсаис изучала остатки каменной физиономии — жестокие глаза, издевательски усмехающийся рот, разбитый нос. Выражение этого лица заставило ее вздрогнуть; она отверну-

лась — здесь ей больше нечего было делать.

Откуда-то по лугу разнесся смех — ликующий, почти хихикающий. Не забывая о предупреждениях Панделюма, Тсаис попятилась в темное углубление древней стены. Между стволами деревьев возникло какое-то движение; пошатываясь, на залитый предзакатными лучами луг вышли двое — мужчина и женщина. Их руки были связаны за спиной. За ними легко и упруго шагал, напевая и посвистывая, молодой человек, погонявший пленников тонкой рапирой.

Все трое остановились у развалин — так близко, что Тсаис могла разглядеть их лица. Глаза связанного мужчины, скуластого оборванца со всклокоченной рыжей бородой, испуганно бегали по сторонам. Женщина, низенькая толстушка, тоже испуганно молчала. Их привел сюда Странник Лианэ — находившийся в постоянном возбуждении юноша располагающей к себе наружности, с приятным выразительным лицом, мягкой каштановой шевелюрой и большими, красивыми золотисто-карими глазами. На нем были красные кожаные сапожки с отворотами, костюм из красной и зеленой ткани, зеленый плащ и остроконечная шляпа с красным пером.

Тсаис наблюдала за землянами, ничего не по-

нимая. Все трое представлялись ей одинаково омерзительными тварями из липкой крови, губчатой темно-розовой плоти и вонючих внутренностей. Лианэ казался не столь вульгарным по сравнению с двумя другими — по меньшей мере, он был проворен и двигался почти элегантно. Тсаис мало интересовали эти люди, но она не выходила из укрытия.

Лианэ ловко стянул петлями лодыжки пленников, после чего подтолкнул обоих, чтобы они растянулись плашмя между камнями. Мужчина тихо стонал, женщина истерически всхлипывала.

Разбойник снял шляпу и отвесил жертвам насмешливый поклон, после чего, пританцовывая, направился к обломку стены. Шагах в двадцати от Тсаис он вытащил камень из-под древней плиты, пошарил рукой в отверстии, вернулся с трутом и огнивом и развел костер. Из поясной сумки Лианэ вынул кусочек мяса, поджарил его на огне, брезгливо съел его и облизал пальцы.

До сих пор никто не сказал ни слова. Лианэ наконец встал, потянулся и взглянул на небо. Солнце уже скрывалось за темной стеной деревьев, на луг легли синие тени.

«А теперь — за дело!» — воскликнул Странник

Лианэ. У него был резкий, ясный голос, напоминавший громкие звуки флейты. «Прежде всего, — с развязной торжественностью поднял руку разбойник, — необходимо позаботиться о том, чтобы вы относились к допросу со всей серьезностью, и чтобы предстоящие откровения соответствовали действительности».

Нырнув в еще один тайник под каменными плитами, разбойник принес четыре крепких деревянных шеста. Один из шестов он положил поперек бедер рыжебородого мужчины, а второй продел между ногами пленника продольно над первым — таким образом, чтобы, не прилагая особых усилий, он мог одновременно давить на бедра пленника вниз и на копчик и поясницу вверх. Проверив это устройство в действии, Лианэ удовлетворенного крякнул, когда мужчина вскрикнул от боли. Для женщины он приготовил такое же пыточное перекрестие шестов.

Тсаис пребывала в замешательстве. По всей видимости, молодой человек намеревался причинять своим пленникам боль. Может быть, таков был земной обычай? Но как она могла об этом судить, если она ничего не знала о добре и зле?

«Лианэ! Лианэ! — взмолился рыжебородый мужчина. — Не мучай мою жену! Она ничего

не знает! Пощади ее — я отдам тебе все свое имущество и буду служить тебе до конца моих дней!»

«Хо-хо! — Лианэ расхохотался так, что перо у него на шляпе стало раскачиваться. — От души благодарю за щедрое предложение! Но зачем мне связки хвороста, зачем мне твоя репа? Я люблю шелк и золото, я люблю блеск кинжалов и стоны девушек, изнывающих от любви. К сожалению, твое имущество и твои услуги мне ни к чему. Я хотел бы знать, однако, где скрывается брат твоей жены — и, когда твоя супруга начнет захлебываться воплями, ты мне об этом расскажешь».

Тсаис начинала осознавать смысл происходящего. Пленники скрывали сведения, которые хотел добыть молодой человек. Поэтому он собирался причинять им боль, пока те, в отчаянии, не раскроют ему эти сведения. Хитроумный замысел! Она сама до такого не додумалась бы.

«Что ж, — продолжал разбойник, — теперь следует предотвратить всякую возможность искусного сочетания истины с вымыслом. Видишь ли, — доверительно пояснил он, наклонившись к мужчине, — под пыткой человек неспособен достаточно сосредоточиться для того, чтобы что-нибудь изобретать и обманывать, он

не может вымолвить ничего, кроме правды». Разбойник выхватил из костра горящую ветку, вставил ее между связанными лодыжками мужчины и тут же вспрыгнул на шест-рычаг, надавивший на ноги и поясницу женщины.

«Я ничего не знаю, Лианэ! — хрипло бормотал мужчина. — Ничего! Это правда, чистая правда!»

Лианэ отступил и нахмурился. Женщина потеряла сознание. Выдернув ветку, горевшую между ногами пленника, бандит раздраженно бросил ее в костер.

«Чепуха какая-то! — юноша сплюнул, но к нему быстро вернулось хорошее настроение. — Ничего, нам некуда торопиться». Лианэ нервно поглаживал острый подбородок. «Может быть, ты не врешь, — размышлял он вслух. — Может быть, твоя верная супруга окажется полезнее». Он поднес к носу женщины щепотку ароматической соли и привел ее в чувство пощечинами. Она открыла помутневшие глаза и тупо смотрела на мучителя; лицо ее налилось кровью и подергивалось.

«Слушай меня внимательно! — строго произнес Странник Лианэ. — Начинается второй этап допроса. Я думаю, я предполагаю, я делаю логические выводы. Я говорю себе: возможно, муж

не знает, куда сбежал человек, которого я ищу. Возможно, это известно только его жене».

Женщина чуть приоткрыла рот: «Пожалуйста! Он мой брат…»

«Ага! Так ты все знаешь! — торжествующе воскликнул Лианэ, расхаживая взад и вперед перед костром. — Ты знаешь! Возобновим допрос. Обрати внимание! Этим шестом я раздавлю ноги твоего мужа и сломаю ему позвоночник, если ты не скажешь, где прячется твой брат».

Он приступил к исполнению угрозы.

«Ничего не говори…» — прошипел мужчина прежде, чем боль заставила его нечленораздельно выть. Женщина ругалась, всхлипывала, умоляла. Наконец она закричала: «Я скажу, все скажу! Делларе в Эфреде!»

Лианэ приостановил пытку: «В Эфреде. Вот как. В степях Рухнувшей Стены». Разбойник поджал губы. «Может быть, это так. Но я тебе не верю. Ты должна подтвердить свои слова — мне нужна правда, только правда и ничего, кроме правды!» Он снова взял из костра горящую ветвь и вставил ее между лодыжками женщины, после чего опять принялся пытать мужчину. Женщина молчала.

«Говори, мерзавка! — пыхтя, приказывал Лианэ. — Я уже вспотел, а вы ты все еще упираешь-

ся!» Женщина молчала. Ее широко раскрытые глаза остекленели и смотрели прямо в небо.

«Она умерла! — воскликнул ее муж. — Умерла! Моя жена умерла!» Рыжебородый человек забыл о боли и страшно кричал: «А! Лианэ, ты — демон, ты — исчадие ада! Будь ты проклят! Клянусь Фиалом, клянусь Крааном…» Его слова сливались в один непрерывный истерический вопль.

Тсаис ощущала беспокойство. Женщина умерла. Разве убийство — не зло? Панделюм говорил, что похищение жизни — преступление. Если женщина была добрым существом, а рыжебородый мужчина явно так считал, значит, разбойник был преступником. Все они, конечно, состояли из липкой крови и омерзительной плоти. Тем не менее, причинение боли, приводящее к смерти живого существа, следовало рассматривать как зло.

Бесстрашная в своем невежестве, Тсаис выступила из укрытия и подошла к костру. Разбойник обернулся и отскочил. Но при виде грациозной красавицы страх его тут же сменился вожделением. Лианэ веселился, Лианэ танцевал!

«Добро пожаловать! Приветствую тебя, прекрасная незнакомка! — разбойник досадливо покосился на распростертые тела своих жертв. —

Неприятная история! Не обращай на них внимания». Странник Лианэ скинул плащ, похотливо разглядывая девушку яркими карими глазами и горделиво вышагивая подобно распустившему хвост петуху: «Прекрасно, замечательно, дорогая моя! Причем — и ты скоро в этом убедишься — такого мужчину, как я, днем с огнем не найдешь!»

Тсаис положила руку на эфес шпаги, и та сразу выскочила из ножен. Лианэ отпрянул, встревоженный ненавистью, сверкнувшей в глазах девушки с извращенным мозгом, не меньше, чем ее сверкнувшим клинком.

«Что это значит? Успокойся, успокойся! — торопливо говорил разбойник. — Спрячь свою шпагу — она острая и твердая! Будь так любезна, опусти ее, выбрось! Я великодушный человек, но мне досаждать опасно».

Тсаис стояла между телами двух жертв. Рыжебородый мужчина был жив и смотрел на нее лихорадочно выпученными глазами. Женщина неподвижно уставилась в темное небо.

Лианэ бросился вперед, намереваясь схватить девушку, пока она отвлеклась. Живая шпага поднялась, сделала выпад и проткнула проворное тело разбойника.

Странник Лианэ опустился на колени, вы-

кашливая кровь. Тсаис вытерла с клинка кровь серовато-зеленым плащом бандита и с трудом вложила клинок в ножны: шпага хотела колоть, рубить, убивать!

Разбойник лежал без сознания. Тсаис отвернулась, ее тошнило. Слабый голос позвал: «Освободи…»

Поразмыслив, Тсаис разрубила путы. Пошатываясь, мужчина бросился к жене и стал гладить ее, сорвал с нее веревки, звал, склонившись к ее обращенному к небу лицу. Женщина не отвечала. Бородач вскочил и безумно взвыл, протянув руки вверх. Подхватив на руки безжизненное тело, он побежал, спотыкаясь, падая и снова поднимаясь, куда-то в темноту, непрерывно проклиная судьбу…

Тсаис дрожала. Она перевела взгляд с неподвижной фигуры разбойника на черный лес, начинавшийся далеко за пределами круга, освещенного мигающим пламенем костра. Медленно, часто оглядываясь, она стала отходить по лугу от развалин. Истекающий кровью Лианэ остался лежать у гаснущего костра.

Последние язычки пламени померкли и пропали в темноте. Тсаис зашла в рощу и на ощупь пробиралась между стволами угрожающе нависших

над ней деревьев; в ее извращенном восприятии ночной лес был еще мрачнее, еще страшнее, чем в глазах обычного человека. В Эмбелионе никогда не было настоящей ночи — только озаренные переливчатыми сполохами сумерки. Тсаис продолжала брести по невидимым лесным тропам под вздыхающими невидимыми кронами — напряженная, подавленная, но не подозревающая о том, что могло ей встретиться: о деодандах, о пельгранах, о рыскающих в лесу эрбах (звероподобных двуногих демонах), о гиддах, способных совершать семиметровые прыжки, присасываясь к настигнутым жертвам.

Но Тсаис повезло — невредимая, она вышла из леса и стала подниматься по склону. Здесь деревья росли редко; здесь начиналось бескрайнее темное пространство — знаменитые верещатники Модавны, слышавшие поступь бесчисленных ног и поглотившие реки крови. В один не столь прекрасный, все еще не забытый день Голикан Кодек по прозвищу Кодек-Завоеватель согнал на Модавну население двух больших городов, Гвасана и Баутику, сосредоточив миллионы людей в круге трехмильного диаметра, и заставил их, погоняемых наездниками-недолюдьми, вооруженными молотильными цепями, в панике

толпиться в центре круга все плотнее и плотнее, карабкаясь друг на друга, пока человеческие тела не образовали гигантскую шевелящуюся насыпь высотой в триста с лишним метров — пирамиду вопящей плоти. Говорят, что Кодек провел десять минут, любуясь неслыханным монументом, после чего повернул коня и ускакал в Лайденур — туда, откуда он начал свой поход.

С тех пор призраки древности побледнели и растворились; вересковые пустоши Модавны выглядели не столь удручающе по сравнению с лесной чащей. Разбросанные поросли кустарника напоминали чернильные пятна. Вереница утесов на горизонте выделялась четкой зазубренной полосой на фоне бледно-фиолетового зарева, оставшегося от заката. Тсаис старалась обходить самые заболоченные места, чувствуя облегчение от того, что у нее над головой было открытое небо. Через некоторое время она вышла на древнюю дорогу из растрескавшихся, разбитых каменных плит; вдоль дороги тянулась канава — в ней росли тускло светящиеся звездчатые цветы. Порывы ветра, со вздохами проносившиеся над пустошью, увлажняли туманом ее лицо. Тсаис устало шагала по дороге. Она не замечала никакого убежища; ветер холодно

похлопывал плащом по ее ногам.

Шорох поспешных шагов, смутные фигуры в темноте! Тсаис схватили жесткие сильные руки. Она вырывалась, пытаясь дотянуться до шпаги, но ей заломили руки за спину.

Кто-то зажег огонь и поднес к ней факел, чтобы рассмотреть добычу. Тсаис увидела трех обросших, покрытых рубцами шрамов и язв бродяг; на них были мешковатые серые комбинезоны, забрызганные грязью и пропотевшие.

«Смотри-ка, девица что надо!» — ухмыляясь, сказал один из них.

«Не помешает ее обыскать — может, найдется какое серебро», — отозвался другой, и его руки стали со злорадным вожделением ощупывать тело Тсаис. Он нашел мешочек с драгоценностями и высыпал на ладонь горстку самоцветов, вспыхнувших в зареве факела сотнями разноцветных отблесков: «Ничего себе! Королевские сокровища!»

«Или колдовские!» — предупредил другой. Внезапно охваченные сомнениями, бродяги слегка ослабили хватку, но Тсаис все еще не могла дотянуться до шпаги.

«Кто ты такая и куда идешь посреди ночи? — осторожно, даже с некоторым уважением спро-

сил третий бродяга. — Только ведьма осмелится блуждать по Модавне одна и носить с собой бриллианты!»

Жизнь еще не научила Тсаис хитрить и обманывать: «Я не ведьма! — воскликнула она. — Отпустите меня, вонючие животные!»

«Не ведьма? А тогда кто ты? И откуда?»

«Меня зовут Тсаис, я из Эмбелиона! — гневно ответила она. — Меня сотворил Панделюм, я ищу на Земле любовь и красоту. А теперь уберите руки, я пойду своим путем!»

Первый бродяга усмехнулся: «Хо-хо! Она ищет любовь и красоту! Что ж, ты нашла нечто в этом роде, дорогуша. Нас, конечно, не назовешь красавчиками — у Тагмана вся рожа исполосована, а у Лазарда не осталось ни зубов, ни ушей — но любви нам не занимать. Не так ли, товарищи? От нас ты получишь столько любви, что по гроб жизни хватит! Айда, пацаны!»

Не обращая внимания на возмущенные крики Тсаис, проходимцы потащили ее по верещатнику к каменной хижине.

В хижине один из грабителей развел ревущий огонь в очаге, а два других отобрали у девушки шпагу и швырнули ее в угол, после чего закрыли дверь на замок большим чугунным ключом

и только тогда отпустили ее. Тсаис тут же бросилась к шпаге, но тяжкая оплеуха повалила ее на грязный пол.

«Втяни когти, кисонька! — рявкнул Тагман. — Тебе еще повезло». К нему тут же вернулось шутливое настроение: «Твоей красоты хватит на всех, а уж полюбим мы тебя на славу!»

Тяжело дыша, Тсаис подползла к стене, прижалась к ней спиной и обхватила колени руками: «Я не знаю, что такое любовь. В любом случае, ваша любовь мне не нужна!»

«Как же так? — с издевательской нежностью спросил Лазард. — Ты все еще девственница?» Тсаис, сверкавшей ненавидящими глазами, пришлось выслушать во всех похабных подробностях лекцию о любви в том смысле, в каком ее понимали разбойники с большой дороги.

Тсаис вскочила и набросилась на трех обидчиков, лихорадочно осыпая их пинками и ударами кулаков. Вскоре она снова распласталась на полу у стены, покрытая синяками и почти без чувств, а «товарищи» тем временем достали из кладовки пузатый бочонок медовухи, чтобы покрепиться перед приятным времяпровождением.

Теперь они бросали жребий, чтобы определить, кто из них будет первый пользоваться

девушкой. Счастливчика обвинили в обмане — началась перепалка. Бродяги принялись грязно ругаться и угрожать друг другу — ошеломленная Тсаис следила за ними с ужасом, многократно обостренным ее искаженным восприятием. Пьяные разбойники толкались и ревели, как возбужденные течкой быки — злобная ругань сменилась ударами тяжелых кулаков. Тсаис потихоньку подползала к своей шпаге. Как только она взялась за эфес, живая шпага птицей взлетела в воздух, потянув девушку за собой, и бросилась в бой. Бродяги хрипло кричали, клинок сверкал, повторяя выпады быстрее, чем мог проследить человеческий глаз. Вопли и стоны замолкли: на земляном полу, разинув рты, валялись три трупа. Тсаис нашла чугунный ключ, открыла дверь и, как безумная, убежала в ночь.

Тсаис бежала навстречу ветру по темному верещатнику, пересекла дорогу и упала в канаву, выбралась из нее на холодную грязную обочину и опустилась на колени… Вот какой оказалась Земля! Она вспомнила Эмбелион, где самыми отвратительными существами были цветы и бабочки. Она вспомнила, как она косила шпагой цветы и рубила бабочек…

Эмбелион был потерян навсегда, она отвергла

его. Тсаис разрыдалась.

Ее насторожил шорох вереска. Тсаис настороженно подняла голову, прислушалась. Какое еще надругательство грозило ее перевернутому представлению о мире? Зловещие звуки донеслись снова — звуки осторожных шагов. Девушка с ужасом вглядывалась в темноту.

Благодаря мерцанию роящихся светлячков она различила вскоре крадущееся вдоль канавы исчадие мрака. В поисках добычи из леса вышел деоданд — безволосое человекообразное существо с угольно-черной кожей и красивым лицом, обезображенным двумя острыми белыми клыками, нависшими над нижней губой и придававшими ему демонический вид. Деоданд, носивший нечто вроде сбруи из кожаных ремней, сосредоточил на девушке раскосые глаза с напряжением голодного хищника. Как только он понял, что жертва его заметила, деоданд с торжествующим кличем выскочил из канавы.

Тсаис отпрянула, упала, вскочила на ноги и с воплями помчалась со всех ног по пустоши, не замечая царапавшие ноги пучки дрока и терзавшие руки заросли терновника. Деоданд гнался за ней вприпрыжку, испуская отвратительные умоляющие стоны.

Так они бежали, не разбирая дороги, по жесткому вереску, по влажному торфу, по каменистым пригоркам и топким ложбинам, перепрыгивая ручейки и продираясь через шиповатый кустарник. Широко открытые от страха глаза Тсаис практически ничего не видели; деоданд жадно постанывал и не отставал.

Впереди блеснул огонек: появилось неясное очертание какой-то избушки. Задыхаясь и всхлипывая, Тсаис добралась до порога и нажала на дверь локтями. К счастью, дверь подалась. Тсаис ввалилась внутрь, захлопнула дверь и опустила засов. Почти в тот же момент дверь задрожала под весом ударившегося с разбега деоданда.

Крепкая дверь защищала ее от вторжения, маленькие окна избушки были снабжены чугунными решетками. Хрипло и часто дыша, Тсаис упала на колени и постепенно потеряла сознание…

Обитатель избушки поднялся из глубокого кресла перед камином — высокий широкоплечий человек, передвигавшийся странно замедленной поступью. Он мог быть молод или стар — возраст его невозможно было определить со стороны, так как все его лицо и голова были закутаны черным

капюшоном с маской. Из прорезей маски смотрели голубые глаза.

Человек этот встал над Тсаис, валявшейся, как тряпичная кукла, на красном кирпичном полу. Наклонившись, он поднял безвольное тело и отнес ее на широкую скамью с мягкой обивкой, стоявшую поблизости от пылающего камина. Он снял с нее сандалии и промокший разорванный плащ, отложил в сторону дрожащую в ножнах шпагу, после чего принес какую-то мазь и нанес ее на царапины и кровоподтеки девушки. Подложив ей под голову подушку, он завернул ее в мягкое фланелевое покрывало и, убедившись в том, что она расположилась удобно, снова опустился в кресло у огня.

Деоданд все еще ошивался снаружи — он заглядывал внутрь через окошко, пересеченное решеткой. Через некоторое время людоед постучался в дверь.

Человек в черной маске обернулся: «Кто там?»

«Мне нужна та, что вошла. Я голоден, мне нужна ее плоть», — тихо и вежливо сказал деоданд.

«Уходи, пока я не сжег тебя заживо страшным проклятием! — резко ответил человек в маске. — И никогда не возвращайся!»

Деоданд боялся колдовских чар. «Я ухожу!» —

отозвался он и растворился в ночи.

Тсаис открыла глаза, чувствуя во рту теплую, острую на вкус жидкость. Над ней склонился, стоя на коленях, высокий человек в черной маске с отверстиями для глаз. Одной рукой он поддерживал ее плечи и голову, а другой подносил к ее рту серебряную ложку.

Тсаис отпрянула. «Тихо, тихо! — сказал человек. — Тебя больше никто не обидит». Тсаис сомневалась в добросовестности этого заверения, но постепенно расслабилась и стала лежать спокойно.

Из окон лился красноватый солнечный свет, в избушке было тепло. Стены, обшитые золотистым деревом, украшал сверху, под потолком, бордюр с красными, синими и коричневыми узорами. Хозяин избушки снял с огня миску бульона, поставил ее у изголовья скамьи, вынул из шкафчика кусок хлеба и положил его рядом с миской. Немного поколебавшись, Тсаис решилась подкрепиться.

Внезапно вспомнив события ночи, она вздрогнула и стала дико озираться. Человек в маске заметил, как напряглось ее лицо. Он наклонился над ней, положил руку ей на голову. Тсаис замерла, наполовину ожидая самого худшего.

«Здесь тебе ничто не угрожает, — успокоил ее странный незнакомец. — Ничего не бойся».

Мысли Тсаис смешались, ее веки смежались сами собой. Она заснула.

Когда она снова проснулась, в избушке больше никого не было; из противоположного окна сочился темно-бордовый вечерний свет. Тсаис потянулась, подложила руки под голову и задумалась. Кто был этот человек в черной маске? Все земное казалось ей непостижимым. Тем не менее, обитатель избушки не нанес ей никакого ущерба… Тсаис заметила свою одежду, лежавшую на полу. Поднявшись со скамьи, она оделась. Подойдя к двери, она распахнула ее. Перед ней простиралась до самого низкого горизонта и терялась вдали вересковая пустошь. Слева торчали, отбрасывая черные тени, скалистые утесы; перед ними по торфянику были разбросаны грязновато-красные валуны. Справа тянулась черная полоса леса.

Была ли в этом пейзаже какая-то красота? Тсаис не могла ответить на этот вопрос. В ее искаженном представлении туманный горизонт верещатника и зазубренная гряда утесов казались безжизненно-унылыми, а лес не вызывал ничего, кроме ужаса.

В чем заключалась красота? Девушка растерянно вертела головой, прищуриваясь и приглядываясь то в одну, то в другую сторону. Услышав звуки шагов, она резко обернулась, широко раскрыв глаза и ожидая новых неприятных неожиданностей. Но это был человек в черном капюшоне с маской. Тсаис облегченно прислонилась спиной к косяку двери.

Хозяин избушки, высокий и сильный, приближался медленными шагами. Почему он закрывал голову и лицо? Он почему-то стыдился показывать лицо? Тсаис ничего не понимала — ей самой любые человеческие лица, с их водянистыми глазами, влажными неприятными отверстиями и щетинистой порослью, казались отвратительными.

Человек в маске остановился напротив: «Ты хочешь есть?»

Подумав, Тсаис ответила: «Хочу».

«Тогда давай поедим».

Хозяин избушки зашел внутрь, расшевелил угли в камине и нанизал на вертела кусочки мяса. Тсаис неуверенно стояла поодаль. Она всегда готовила для себя сама. Она ощущала неудобство — идея сотрудничества еще никогда не приходила ей в голову.

Через некоторое время человек в маске выпрямился, и они сели друг против друга за стол, чтобы подкрепиться.

Через некоторое время хозяин произнес: «Расскажи мне о себе». И Тсаис, еще не научившаяся о чем-либо умалчивать или притворяться, объяснила ему свое происхождение следующим образом: «Меня зовут Тсаис. Я прибыла на Землю из Эмбелиона, где меня сотворил чародей Панделюм».

«Эмбелион? Где это? И кто такой Панделюм?»

«Где Эмбелион? — в замешательстве переспросила девушка. — Не знаю. Эмбелион — не на Земле. Это не очень большое место, там в небе переливаются разноцветные волны. Панделюм живет в Эмбелионе. Он — величайший из ныне живущих чародеев. По меньшей мере, он так говорит».

«А! — откликнулся человек в маске. — Кажется, я начинаю понимать».

«Панделюм меня сотворил, — продолжала Тсаис, — но он допустил какую-то ошибку, когда меня выращивал». Тсаис неподвижно смотрела в огонь: «Весь мир кажется мне мрачным и зловещим, наполненным уродством и ужасом. Любые звуки режут мне уши, все живые существа в той

или иной степени мне отвратительны — неуклюжие кожаные мешки, набитые вонючими внутренностями! Как только я появилась на свет, я хотела только рубить, крушить, давить, уничтожать! Я ничего не знала, кроме ненависти. А потом я встретила свою сестру, Тсаин — она такая же, как я, но без изъяна в мозгу. Она сказала, что существуют любовь и красота и счастье… Я попросила Панделюма отпустить меня на Землю, чтобы я могла найти любовь и красоту».

Ее изучали серьезные голубые глаза: «И ты их нашла?»

«До сих пор, — тихо и озадаченно отозвалась Тсаис, — я не встретила ничего, кроме зла — такого зла, какое не приснилось бы в кошмарном сне». Постепенно, с трудом выбирая слова, она поведала человеку в маске о своих несчастьях.

«Тебе не повезло», — заметил тот, продолжая внимательно ее разглядывать.

«Мне кажется, что я должна себя убить, — сказала Тсаис тем же отстраненным, словно исходящим издали голосом. — Потому что я никогда не найду то, что ищу». Наблюдая за ней, человек в маске видел, как нежная кожа девушки отливала медью в красноватых лучах вечернего Солнца, как распустились по ее плечам чер-

ные волосы, как задумчиво смотрели в огонь ее большие миндалевидные глаза. Он внутренне содрогнулся при мысли о том, что это грациозное создание погибнет и смешается с прахом триллионов, удобривших древнюю почву Земли.

«Нет!» — резко произнес хозяин избушки. Тсаис удивленно обернулась к нему: неужели он считал, что ее жизнь ей не принадлежит, что она не вправе распоряжаться собой по своему усмотрению?

«Разве ты не нашла в этом мире ничего, с чем не хотела бы расстаться?» — спросил он.

Тсаис нахмурилась: «Не помню ничего такого… Хотя, пожалуй, мне нравится твоя хижина — в ней чисто и тихо».

Человек в маске рассмеялся: «Тогда живи здесь сколько хочешь — она твоя! А я попробую показать тебе, что мир иногда не так уж плох — хотя на самом деле…» Он прервался, после чего с горечью сказал: «Со мной этот мир обошелся жестоко».

«Как тебя зовут? — спросила Тсаис. — И почему ты носишь черную маску?»

«Как меня зовут? — казалось, хозяин избушки был не слишком доволен этим вопросом. — Итарр. Да, пусть будет так — Итарр. Я ношу маску

потому, что самая подлая женщина в Асколаисе — и не только в Асколаисе, подлее нет ни в Альмерии, ни в Кочике — во всей Вселенной! — сделала мое лицо таким, что я не могу на него смотреть». Слегка успокоившись, он устало рассмеялся: «Но время для гнева давно прошло».

«Она еще жива?»

«О да, она жива! И, без сомнения, околдовывает губительными чарами всех, кого встречает». Итарр повернулся, глядя в огонь: «Когда-то я ни о чем таком даже не подозревал. Она была молода и прекрасна, она источала бесчисленные тонкие ароматы и завораживала прелестными игривыми манерами. Я жил на берегу океана в белоснежной вилле, окруженной тополями. Напротив, на другом берегу Сумрачного залива, темнел выступавший далеко в море мыс Печальной Памяти. Когда небо багровело на закате, а горы становились черными, казалось, что горбатый мыс — силуэт одного из древних богов Земли, уснувшего в воде… Там я проводил все свои дни и был настолько доволен жизнью, насколько это возможно, пока умирающая Земля совершает последние обороты вокруг гаснущего Солнца.

Однажды утром я изучал звездные навигаци-

онные карты. Подняв голову, я увидел ее под арочным входом виллы — такую же юную и грациозную, как ты. У нее были чудесные рыжие волосы, спускавшиеся на плечи сзади и спереди. Да, она была прекрасна и — в блинном белом платье — казалась чистой и невинной.

Я полюбил ее, а она говорила, что тоже меня любит. Она подарила мне браслет из черного металла. Ослепнув от любви, я надел этот браслет, хотя не мог прочесть начертанные на нем символы пагубной колдовской руны. Прошли несколько недель, полных неописуемых радостей и наслаждений. Но через некоторое время я обнаружил, что Джеванна одержима темными страстями, удовлетворить которые неспособна любовь обычного человека. Однажды в полночь я застал ее в объятиях обнаженного черного демона — эта сцена до сих пор словно выжжена в моей памяти огненной печатью!

Я в ужасе попятился. Они меня не заметили, и я медленно ушел оттуда. На следующее утро она выбежала ко мне на террасу, радостно улыбаясь, как счастливое дитя. «Пойди прочь! — возмутился я. — Ты невыносимо омерзительна!» Она произнесла одно слово, и руна на черном браслете поработила меня. Мой ум все еще принадлежал

только мне, но мое тело стало ее собственностью и вынуждено было подчиняться любым ее прихотям.

Она заставила меня рассказать о том, что я видел — и злобно насмехалась, наслаждаясь своей властью. Она подвергала меня бесконечным разнообразным унижениям, она вызывала заклинаниями адских тварей из Калуу, из Фовюна, из Джелдреда, чтобы те издевались надо мной, оскверняя мое тело. Она вынуждала меня смотреть на то, как она забавлялась с этими монстрами и, когда мне пришлось назвать ей тварь, вызывавшую у меня наибольшее отвращение, заколдовала меня так, что теперь мое лицо — морда этого чудовища».

«Неужели такие женщины существуют?» — удивилась Тсаис.

«Увы, существуют! — серьезные голубые глаза продолжали внимательно изучать девушку. — Наконец, темной ночью, когда демоны волокли меня за холмы, чтобы сбросить со скалы, черный браслет сорвало с моей руки острым краем какого-то камня. Я был свободен! Я тут же выкрикнул заклинание, разбросавшее вопящих чертей по всему небу в глубины космоса, и вернулся в прибрежную виллу. Рыжеволосая Джеванна

пировала в одиночестве за длинным столом в большой готической трапезной. Я выхватил кинжал, чтобы перерезать ей глотку, но она подняла руку: „Стой! Если ты меня убьешь, твое лицо навсегда останется мордой демона — только я знаю, как его изменить!“ С этими словами она беспечно выбежала из виллы, а я, не в силах там оставаться, поселился здесь, на вересковой пустоши. С тех пор я повсюду ее ищу, чтобы вернуть себе человеческое обличье».

«И как ты надеешься ее найти?» — теперь ее вчерашние злоключения казались Тсаис незначительными по сравнению с бедой, постигшей Итарра.

«Я знаю, где ее можно будет встретить завтра ночью. Завтра — ночь Черного Шабаша. С незапамятных времен в эту ночь собираются и празднуют торжество обитающие на Земле исчадия зла».

«И ты собираешься участвовать в этом торжестве?»

«Не в числе празднующих, конечно. Хотя, по правде говоря, — с горечью прибавил Итарр, — если я сниму маску, никто из собравшихся не заметит, что я — не один из них».

Тсаис вздрогнула и подвинулась ближе к стене.

Итарр не мог не заметить ее реакцию и вздохнул.

Девушке пришла в голову новая мысль: «Ты столько страдал от зла — и все еще считаешь, что в мире есть красота?»

«Конечно, есть! — ответил Итарр. — Смотри, как простираются вдаль вересковые луга — безлюдные, неосквернённые, расцвеченные переходами приглушенных оттенков! Смотри, как величественно вздымаются к небу утесы, подобные хребту планеты! А ты? — он пристально смотрел ей в глаза. — Ты сама — олицетворение красоты, превосходящей все вокруг».

«Превосходящей красоту Джеванны?» — в замешательстве спросила Тсаис.

Итарр рассмеялся. «Несомненно!» — заверил он ее.

Девушку заинтересовал другой вопрос: «Ты хочешь отомстить Джеванне?»

«Нет! — отозвался Итарр, глядя куда-то в туманный горизонт, где пустоши сливались с небом. — Что такое месть? Кому нужна месть? Скоро, когда Солнце погаснет, всех нас обступит вечная ночь, все мы умрем — и вся история Земли, все ее руины и покатые холмы, оставшиеся от гордых вершин, сверкавших снегами — всё

скроется навсегда в бесконечном мраке. Какой смысл кому-то мстить?»

Через некоторое время они вышли из хижины и прогулялись по верещатнику. Итарр пытался показать девушке, в чем заключалась красота: медлительная река Скаум блестела протоками среди зеленых тростников, облака над утесами розовели в бледных лучах заходящего Солнца, птица парила навстречу ветру, подрагивая широкими крыльями над безбрежными дымчатыми просторами Модавны. Тсаис старалась заставить себя видеть красоту, но мозг ее упорно сопротивлялся. Тем не менее, она уже научилась сдерживать дикий гнев, разгоравшийся в ней при виде оскорбительного уродства мироздания, ее неутолимое стремление убивать притупилось, ее лицо, дрожавшее от постоянного напряжения, слегка расслабилось.

Так они бродили по пустоши, молчаливо и задумчиво. Во всей своей печальной славе перед ними разгорелся и погас закат; по небосклону, одна за другой, медленно поднимались серебристые звезды.

«Разве ты не видишь, как прекрасны звезды? — прошептал Итарр, поднимая к небу прорези черной маски. — Их имена древнее человеческой

памяти».

Но Тсаис не могла ему сочувствовать — в закате она не находила ничего, кроме скорби, а звезды казались ей не более чем беспорядочно разбросанными мелкими блестками. Она вздохнула: «Наверное, во всей Вселенной нет двух людей несчастнее нас с тобой!»

Итарр промолчал. Внезапно он схватил ее за руку и заставил пригнуться, опустившись на колени в заросли утесника: «Пельграны!» Похлопывая крыльями, на фоне сумрачного неба к ним приближались огромные тени.

Пельграны пролетели над самой головой — поистине уродливые таври, похожие на горгулий. Вблизи можно было слышать, как ритмично поскрипывали, словно ржавые поворотные петли, их суставы. Тсаис успела разглядеть жесткое кожистое тело, мощный горбатый клюв, жадные злобные глазки на морщинистой морде. Тсаис невольно прижалась к своему спутнику. Пельграны скрылись над лесом.

Итарр язвительно рассмеялся: «Тебя пугает внешность пельграна? Если бы пельгран увидел меня без маски, он упал бы в обморок на лету и сломал себе шею!»

На следующее утро Итарр прогулялся с девуш-

кой в лес, где она заметила высокие деревья, напомнившие ей Эмбелион. Они вернулись в хижину во второй половине дня, после чего Итарр вернулся к изучению своих книг.

«Я не волшебник, — с сожалением признался он. — Мне известны лишь несколько простых заклинаний. Но время от времени приходится пользоваться магией — надеюсь, что сегодня ночью она поможет мне избежать опасности».

«Сегодня ночью?» — рассеянно переспросила Тсаис; она уже забыла о планах человека в маске.

«Сегодня наступит ночь Черного Шабаша — я должен найти на шабаше Джеванну».

«Я хотела бы пойти с тобой, — сказала Тсаис. — Я хотела бы посмотреть на Черный Шабаш и на Джеванну».

Итарр отговаривал ее, объясняя, что сцены и звуки шабаша вызовут у нее мучительный ужас. Но Тсаис настаивала, и в конце концов Итарр разрешил ей сопровождать его, когда, через два часа после захода Солнца, он направился к дальним утесам.

Итарр находил дорогу в темноте, пробираясь по торфянику между крошащимися скальными обнажениями, а Тсаис неотступно следовала

за ним, как хрупкая бледная тень. Им преградил путь огромный отвесный уступ. Они углубились в черную трещину этого эскарпа, поднялись по крутым каменным ступеням, вырубленным в незапамятные времена, и вышли на плоскую вершину утеса. Внизу чернели, как непроглядное ночное море, пустоши Модавны.

Теперь Итарр жестом предупредил девушку о необходимости соблюдать осторожность. Они прокрались через расщелину между двумя высокими останцами и спрятались в тени, обозревая открывшуюся картину ночного сборища.

Они смотрели сверху на амфитеатр, освещенный двумя пылающими кострами. В центре находилась каменная платформа высотой не больше человеческого роста. Вокруг костров и вокруг центрального возвышения возбужденно кружились несколько десятков фигур, облаченных в серые монашеские рясы; их лица скрывались под капюшонами.

Тсаис ощутила холодок зловещего предчувствия и с сомнением взглянула на своего спутника.

«Даже в этом есть своего рода красота, — прошептал Итарр. — Странная, причудливая — но завораживающая». Тсаис снова присмотрелась

к пляшущим фигурам, не понимая, о чем говорил Итарр.

К хороводам вокруг костров присоединялись все новые и новые персонажи в рясах с капюшонами — Тсаис не могла проследить, откуда они появлялись. Судя по всему, празднование только начиналось, и его участники распаляли ритмичными движениями обуревавшие их страсти. Они пригибались и переваливались гуськом с боку на бок, повиливая задами, после чего выпрямлялись и вышагивали гоголем вперевалку, как на ходулях — вереницы ряс переплетались, проскальзывая внутрь и наружу; тем временем уже можно было расслышать приглушенное монотонное пение.

Круговорот тел ускорялся, движения становились все более лихорадочными, головы в капюшонах теснились все плотнее вокруг центрального возвышения. Наконец одна из фигур вскочила на платформу и сбросила рясу — коренастая голая ведьма уже не первой молодости, с уродливой скуластой физиономией. Ее глаза экстатически блестели, мясистые черты лица непрерывно сокращались и растягивались идиотскими гримасами. Она разинула рот, высунув дрожащий язык, ее жесткие черные волосы

метались, захлестывая лицо подобно пучку степной травы на ветру — озаренная пляшущим пламенем костров, ведьма трясла головой, раскачивалась из стороны в сторону, исполняя дергающийся сладострастный танец и с задорной издевкой поглядывая на толпу.

Гимническое мычание скачущего, кривляющегося хоровода нарастало, превращаясь в мощный, отвратительно мяукающий хор — а наверху, в ночном небе, появились черные крылатые тени, приземлявшиеся с поспешной целеустремленностью стервятников, почуявших падаль.

Теперь пляшущие спешили сбрасывать рясы, обнажая всевозможные тела, мужские и женские, ветхие и юные — здесь были ведьмы с ярко-оранжевыми волосами, спустившиеся с Кобальтовой горы, лесные колдуны Асколаиса, белобородые чародеи Затерянной страны с ручными мелкими суккубами, непрерывно лепечущими и хихикающими. Облаченный в роскошный золоченый шелк, на шабаш прибыл принц Датул Омэт из Кансапары, города павших пилонов на дальнем берегу Мелантинской Пучины. Еще одно блестящее существо, сплошь покрытое чешуей, выпучило огромные неподвижные глаза — человекоподобный ящер с бесплодных холмов

Южной Альмерии. Две бледные девушки, никогда не расстававшиеся близнецы, представляли почти вымершую расу сапонидов, уроженцев полярных тундр. Некрофаги из степей Рухнувшей Стены отличались стройностью и чернильно-черными глазами. Мечтательная волшебница с голубыми локонами обитала на мысу Печальной Памяти — по ночам она ждала на пляже того, кто выходил к ней из моря.

Приземистая ведьма продолжала плясать, болтая грудями и черным пучком волос; горный котлован бушевал пантомимой извращения и зла — охваченные непристойной экзальтацией, причастники тянули руки к небу, извиваясь всем телом.

Но не все. Одна спокойная фигура, все еще облаченная в рясу, с неповторимой грацией медленно шествовала к средоточию вакханалии. Теперь она взошла на каменную платформу, и ряса соскользнула с ее плеч — перед толпой предстала Джеванна в облегающем тело туманно-прозрачном белом платье, прихваченном в талии, свежая и непорочная, как пена морского прибоя. Пылающие рыжие потоки волос спускались ей на плечи, заканчиваясь кудрявыми локонами на груди. Скромно потупив большие

серые глаза и чуть приоткрыв клубнично-алый рот, она молча внимала диким возгласам восхищенных поклонников, то и дело доносившимся из беснующегося вихря. Постепенно, с дразнящей сосредоточенностью, ее тело начало подрагивать в такт всеобщему ритму.

Джеванна танцевала. Поднимая руки, она волнообразно опускала их, капризно поворачиваясь то направо, то налево на стройных белых ногах… Джеванна плясала — на ее лице отражались, как в сияющем зеркале, самые дерзкие, самые немыслимые страсти. Сверху к ней стремительно спустилось темное крылатое существо безукоризненного телосложения, тут же соединившее свое тело с телом Джеванны в фантастическом объятии. Исступление толпы под возвышением достигло кульминации — прихожане вопили, прыгали, кувыркались и теснились, бешено совокупляясь.

Выглядывая из-за выступа скалы, Тсаис наблюдала за шабашем с напряжением, превосходившим возможности восприятия нормального человеческого мозга. Парадоксальным образом то, что она здесь видела и слышала, преодолевало в ней преграду ненависти ко всему сущему, затрагивая темные струны, скрывающиеся в каж-

дом человеке. Итарр поднял к ней голубые глаза, горящие в отверстиях маски; девушка, полная противоречивых эмоций, встретилась с ним неуверенно-вопросительным взглядом. Итарр вздрогнул и отвернулся; Тсаис вернулась к созерцанию оргии в котловане — дикой толчеи, копошащейся под сполохами костров. Из огромной впадины к окружающим скалам поднимался почти осязаемый ореол, сплетенный в пространстве всевозможными разновидностями разврата. Хлопая крыльями, демоны слетались к этой приманке, как птицы к кормушке, и ныряли в гущу разнузданной плоти. Перед глазами Тсаис одна за другой возникали мерзкие рожи — опьяненные злобным вожделением глаза, покрытые бугорчатыми язвами щеки, формы, доступные лишь воображению безумца, иссиня-черные лица с носами-штыками, гримасы, вызывавшие инстинктивное возмущение, извивающиеся, подпрыгивающие, пресмыкающиеся отродья демонических пределов — каждое уродство обжигало ей мозг настолько, что в конце концов она решила, что ей оставалось только истошно завопить и умереть. У одного исчадия зла нос состоял из трех сросшихся в основании белых червей, рот напоминал сплошной гниющий нарыв, щеки

и шея пестрели зеленоватыми бородавками, перекошенный черный лоб состоял из бугров и впадин — один взгляд на эту тошнотворную тварь заставлял в ужасе отвести глаза. Именно на это существо Итарр обратил особое внимание своей спутницы — заметив жуткого дьявола, Тсаис оцепенела, все ее мышцы напряглись. Итарр глухо проговорил: «Смотри! Так выглядит лицо под моей маской». Покосившись на него, девушка невольно отшатнулась.

Итарр горько усмехнулся… Но Тсаис тут же протянула руку и прикоснулась к нему: «Итарр!»

Он снова повернулся к ней: «Да?»

«У меня неправильный мозг. Меня отвращает все, что я вижу. Я не могу справиться со страхами. И все же… то, что не совсем подчиняется мозгу — моя кровь, мое тело, мой дух — все это тебя любит. Даже то, что спрятано под твоей маской».

Итарр с пристальным вниманием изучал ее бледное лицо: «Как ты можешь меня любить, если ты меня ненавидишь?»

«Я ненавижу тебя так же, как ненавижу весь мир. Я люблю тебя так, как не люблю никого другого».

Итарр отвернулся: «Мы с тобой — странная пара».

Смятение в котловане — хныкающее, подвывающее совокупление человеческой и бесовской плоти — внезапно затихло. На каменном возвышении появился высокий человек в черной конической шапке. Обратившись лицом к небу, он принялся протяжно выкрикивать заклинания, одновременно рисуя руками в воздухе замысловатые руны. По мере того, как он гнусаво причитал на давно забытом языке, высоко над амфитеатром начинала формироваться гигантская колеблющаяся фигура — невероятно высокая, выше самых больших деревьев на горном хребте, выше самого неба. Внутри фигуры смешивались и рассеивались зеленоватые туманные завихрения — постепенно она становилась все плотнее, и через некоторое время ее очертания стали различимыми: в воздушных потоках над миазмами шабаша колыхалось олицетворение женщины, прекрасной, серьезной и величественной. Мало-помалу колоссальный силуэт, лучившийся неземным зеленым светом, приобретал устойчивость и весомость. Голову гигантской женщины венчали обручи золотистых кос — так, как это было принято когда-то в незапамятные времена. Покрой ее складчатой хламиды тоже напоминал о седой древности.

Вызвавший это видение чародей истерически хохотал, выкрикивая язвительные оскорбления, отзывавшиеся эхом от обступивших котлован утесов.

«Она живая! — испуганно пробормотала Тсаис. — Она шевелится! Кто это?»

«Богиня милосердия, Этодея, — ответил Итарр. — Ей поклонялись еще тогда, когда Солнце было желтым».

Чародей размахнулся — из его ладони в небо полыхнула лиловая молния, разбившаяся огненными брызгами о полупрозрачную золотисто-зеленую фигуру. Спокойное лицо богини болезненно поморщилось; наблюдавшие за ней демоны, ведьмы и некрофаги радостно заверещали. Колдун на возвышении вертелся, как дискобол, швыряя в беззащитную богиню искрящие лиловые разряды.

Откуда-то издалека донеслись позывные горна — тихие, но отчетливые, они рассекли невнятный рев шабаша, как бриллиантовый луч маяка рассекает ночную тьму. Сборище в котловане замерло, затаив дыхание.

Горн протрубил снова, на этот раз громче, чисто и звонко — здесь, в средоточии бесовского торжества, звуки эти казались чуждыми, неуместными.

И вскоре, грозной накипью поднявшись над утесами, отряды людей в зеленых униформах с фанатической решимостью хлынули вниз.

«Вальдаран!» — закричал чародей на каменном помосте; гигантская зеленоватая фигура Этодеи всколыхнулась и пропала.

По всему амфитеатру распространилась паника. Раздавались хриплые возгласы, обессилевшие от разгула летаргические тела приподнимались и расползались кто куда, над котлованом вспорхнуло целое облако крылатых теней — демоны спешили разлететься. Некоторые колдуны отважно выступили навстречу противнику, распевая заклинания, изрыгавшие пламя, повергавшие в прах, сеявшие паралич — но им противостояла мощная магия: невредимые, зеленые мстители врывались в амфитеатр, пробивались к центральному помосту, вскакивали на него. Их мечи поднимались и опускались — они рубили, полосовали и кололи, безжалостно и безудержно.

«Зеленый легион Вальдарана Справедливого! — прошептал Итарр. — Смотри, вот он стоит!» Итарр указал на мрачную фигуру в черном, с сосредоточенным удовлетворением наблюдавшую с плоской вершины утеса за кишащей внизу кровавой бойней.

Демонам тоже не позволяли скрыться. Хлопая крыльями, они поднимались в ночное небо, но им навстречу стремительно спускались на огромных птицах наездники в зеленых униформах. У летучих всадников в руках были стволы, испускавшие вращающиеся веера жгучих лучей — демоны, оказавшиеся в радиусе действия этого оружия, падали кувырком с ужасными воплями, рассыпаясь в черную пыль.

Нескольким чародеям удалось пробраться в темные ложбины и скрыться в лабиринте скал. Итарр и Тсаис слышали, как под ними кто-то пыхтел и карабкался. Лихорадочно взбиралась по расщелине между утесами та, кого искал Итарр: вечно юная Джеванна с развевающимися на ветру потоками рыжих кудрей. Итарр спрыгнул на нее, повалил и заломил ей руки за спину.

«Пошли!» — он позвал Тсаис и повлек вырывающуюся пленницу вниз по расщелине эскарпа.

Через некоторое время они спустились на вересковую пустошь, и беспорядочный шум резни затих вдали. Рывком поставив колдунью на ноги, Итарр опустил ладонь, зажимавшую ей рот. Теперь она впервые смогла разглядеть своего обидчика. Гневная гримаса сползла с ее лица — в бледном зареве звезд можно было заметить, что

она усмехается. Пригладив пальцами растрепанную рыжую шевелюру, она аккуратно расправила кудрявые локоны на плечах и некоторое время наблюдала за Итарром. Тсаис подошла ближе; повернувшись к ней, Джеванна смерила девушку долгим взглядом с головы до ног.

Ведьма рассмеялась: «Итарр, Итарр! Ты не сохранил мне верность, у тебя новая любовница!»

«Она не имеет к тебе никакого отношения», — сказал Итарр.

«Прогони ее, и я буду любить тебя снова, — пообещала Джеванна. — Помнишь наш первый поцелуй под тополями, на террасе твоей виллы?»

Итарр отозвался коротким смешком: «Мне от тебя нужно только одно — мое лицо!»

Джеванна издевалась: «Твое прежнее лицо? Чем тебе не нравится новое? Оно тебе больше подходит. В любом случае, твое прежнее лицо пропало безвозвратно».

«Пропало? Почему же?»

«Его владельца подстрелили в ночном небе зеленые легионеры — да вымочит Краан в кислоте их живые мозги!»

Итарр поднял голубые глаза к утесам.

«Так что твоя физиономия превратилась

в пыль, в черную пыль!» — злорадно промурлыкала ведьма. Взглянув на ее дерзкое, насмешливое, сладострастно-красивое лицо, Итарр в ярости шагнул к ней, чтобы отвесить крепкую пощечину.

Но Джеванна проворно отступила: «Будь осторожен, Итарр! Мои чары всегда со мной, тебе может не поздоровиться. Что ты скажешь, если я подарю тебе кривоногое ковыляющее тело того, чью морду ты позаимствовал? А твоя прекрасная темноволосая подруга станет игрушкой в руках демонов!»

Итарр заставил себя сдержаться и тоже отступил на шаг; глаза его горели: «Я уже разбираюсь в магии — да и без всякой магии я заставлю тебя молчать ударом кулака прежде, чем ты вымолвишь первый слог заклинания».

«Ха-ха! Посмотрим, посмотрим! — воскликнула Джеванна, бочком отбегая в сторону. — Я знаю замечательное двухсложное заклятие!» Итарр тут же бросился к ней, но ведьма успела выкрикнуть два слога. Итарр остановился, как вкопанный, опустив руки по бокам — обессиленный магией, он превратился в безвольного раба, в существо, лишенное собственных побуждений.

Но Джеванна застыла в такой же позе, тупо

уставившись в пространство серыми глазами. Свободной осталась только Тсаис: руна, подаренная ей Панделюмом, отражала чары на того, кто ими пользовался.

Девушка стояла в замешательстве посреди темной ночной пустоши, в компании двух безжизненных истуканов. Она подбежала к Итарру и потянула его за рукав. Тот взглянул на нее безразличными, потухшими глазами.

«Итарр! Что с тобой случилось?»

Так как воля Итарра была парализована, он вынужден был отвечать на любые вопросы и выполнять любые приказания. Он ответил: «Ведьма произнесла заклятие, лишившее меня собственной воли. Поэтому я не могу двигаться или говорить, не получив соответствующий приказ».

«Так что же мне делать? Как тебя избавить от этого заклятия?» — сама того не зная, в отчаянии Тсаис задавала правильные вопросы. Итарр стал безвольным рабом, но его мыслительные способности — и его чувства — сохранились.

Неспособный к сопротивлению, он мог предоставить, однако, требуемые сведения: «Ты должна приказать мне действовать так, чтобы я преодолел заклятие ведьмы».

«Что я могу тебе приказать? Я ничего не знаю».

«Спрашивай, и я тебе скажу».

«Разве не лучше приказать тебе делать то, что ты хотел бы сделать сам, если бы мог?»

«Да, это было бы лучше всего».

Так простодушная Тсаис сумела победить чары коварной Джеванны. Итарр снова стал самим собой и действовал согласно собственным побуждениям. Он приблизился к неподвижной ведьме: «Теперь ты меня боишься?»

«Да, — отозвалась Джеванна, — боюсь».

«Правда ли, что мое лицо — украденное тобой лицо — превратилось в черную пыль?»

«Твое лицо превратилось в черную пыль вместе со взорвавшимся демоном».

Голубые глаза пристально смотрели на ведьму из отверстий черной маски: «Как мне возвратить прежнее лицо?»

«Это почти невозможно. Это мог бы сделать только тот, кто способен вернуться в прошлое. Мне не подвластны такие чары, они не подвластны никому из волшебников Земли, и даже в мирах, населенных демонами, прошлое недоступно. Повернуть время вспять могут только два повелителя космических сил. Один из них — Панделюм, обитатель неземного радужного мира...»

«Эмбелиона», — пробормотала Тсаис.

«…Но заклинание, позволяющее посетить Эмбелион, давно забыто. Есть и другой. Он — не чародей, ему неведомы заклинания. Вернуть прежнее лицо ты сможешь только тогда, когда найдешь одного из этих двух». Джеванна замолчала — она ответила на вопрос.

«Кто второй из двух?» — спросил Итарр.

«Я имени его не знаю. Легенда гласит, что в далеком прошлом — в немыслимо далеком прошлом — в стране к востоку от Моренронских гор, за степями Рухнувшей Стены, на берегу океана жила особая раса, раса справедливых людей. Они построили город, город высоких стройных башен и низких хрустальных куполов, и жили в свое удовольствие. У этих людей не было бога; проходили века, и они почувствовали потребность в поклонении кому-нибудь или чему-нибудь. Поэтому они возвели великолепный, ослепительный храм из золота, стекла и гранита — храм выше знаменитых северных деревьев, шириной превосходивший долину реки Скаум там, где она течет по долине Высеченных Гробниц, и такой же длины. Все обитатели города честных людей собрались в этом храме. Охваченные всеобщим молитвенным порывом, они

воззвали к небесам и — если доверять легенде — совместным усилием воли сотворили божество, наделенное их свойствами и характером: живого бога высшей справедливости.

Прошли тысячелетия. Обитатели города вымерли, их здания обрушились, великий храм превратился в груду обломков. Но бог еще жив — он навеки укоренился там, где ему поклонялись его создатели. Власть этого бога превыше власти правителей, ученых и чародеев. Каждому, кто обращается к нему, этот бог воздает по справедливости. Немногие, однако, осмеливаются предстать перед богом справедливости, ибо он безжалостно карает зло, и никому никогда не удавалось его умилостивить».

«Мы предстанем перед этим богом, — с мрачным удовлетворением решил Итарр. — Все трое, и пусть каждый из нас познает беспощадную справедливость».

Они вернулись по каменистому верещатнику к избушке Итарра, где он сразу же стал просматривать книги в поисках возможного способа перемещения к развалинам древнего храма. Но тщетно — книги молчали. Не располагая достаточными магическими средствами, Итарр обратился к Джеванне: «Известны ли тебе чары,

способные доставить нас к древнему богу?»

«Да».

«В чем они заключаются?»

«Я могу вызвать трех крылатых тварей с Железных гор, и они нас отвезут».

Итарр с подозрением покосился на мертвенно-белое лицо Джеванны: «И какое вознаграждение они за это потребуют?»

«Они убивают тех, кого перевозят».

«А, ведьма! — воскликнул Итарр. — Даже под властью заклятия, будучи вынуждена откровенно отвечать на вопросы, ты строишь планы нам на погибель!» Он наклонился к прекрасному исчадию зла с пышными рыжими волосами и влажными алыми губами: «Как нам добраться до бога справедливости и остаться при этом целыми и невредимыми?»

«Для этого нужно заранее заколдовать перевозчиков».

«Вызови этих тварей! — приказал Итарр. — И заколдуй их всеми доступными тебе чарами так, чтобы они были послушны и не создавали для нас никакой угрозы».

Джеванна вызвала перевозчиков; они прилетели и спустились к избушке, хлопая огромными кожистыми крыльями. Ведьма наложила на них

заклятие, обязывающее не нападать на наездников и оберегать их, что заставило ящеров разочарованно скулить и рыть землю когтистыми лапами.

Все трое взобрались на спины этих существ — те взмыли и понеслись над пустошью на восток, стремительно рассекая ночной воздух, уже увлажненный утренней росой.

Наступил рассвет. Впереди по темному небосклону медленно поднималось, как громадный воздушный шар, тускло-красное Солнце. Позади остались степи Рухнувшей Стены и черный хребет Моренронских гор. На юге простирались пустыни Альмерии, а за ними — заросшее джунглями дно высохшего древнего моря; на севере темнели дикие леса.

Весь день они летели над пыльными безлюдными просторами, над серыми скалами, над еще одним горным хребтом, тянувшимся от горизонта до горизонта, и только перед заходом Солнца стали понемногу спускаться к пологим зеленым холмам, усеянным редкими деревьями.

Дальше переливалось блестящей рябью море. Крылатые твари приземлились на широкой песчаной косе, и Джеванна снова заколдовала их, чтобы они не двигались и ждали возвращения

наездников.

Ни на берегу, ни в холмах не было никаких следов некогда чудесного города. Но из моря, примерно в полумиле от пляжа, поднимались несколько обломков мощных колонн.

«Море наступает, — пробормотал Итарр. — Город затопило».

Он зашел в воду. По спокойному прозрачному мелководью можно было идти, не погружаясь глубже, чем по колено. Тсаис и Джеванна последовали за Итарром. Когда в небе уже начинали сгущаться сумерки, а вода уже доходила до пояса, они добрались до разбитых колонн древнего храма.

Здесь, в этом странном месте, безошибочно ощущалось задумчивое присутствие бесстрастного божества, обладавшего непреклонной волей и безграничной властью.

Итарр остановился посреди развалин. «Древний бог! — воззвал он. — Я не знаю, как тебя зовут — иначе я обратился бы к тебе по имени. Мы — все трое — прибыли к тебе из далекой страны в поисках справедливости. Если ты меня слышишь и готов воздать каждому из нас по заслугам, подай мне знак!»

Послышался низкий рокочущий голос, исхо-

дивший ниоткуда и отовсюду: «Я слышу и воздам каждому по заслугам!» Перед ними возникло видение: огромная золотая фигура с шестью руками и безмятежным круглым лицом, неподвижно сидящая в центральном нефе исполинского храма.

«У меня похитили лицо, — сказал Итарр. — Если ты считаешь, что это было бы справедливо, пожалуйста, верни мне первоначальный облик».

Бог справедливости распростер шесть рук: «Я прочел твои мысли. Ты можешь снять маску». Итарр поднял маску — медленно, непривычным движением — и ощупал пальцами лицо. Дьявольская морда исчезла, это было человеческое лицо — его лицо.

Тсаис взглянула на него и ахнула: «Итарр! Мой мозг исправился! Я вижу — *я вижу этот мир!*»

«Каждому, кто сюда приходит, воздается по справедливости», — произнес рокочущий голос.

Услышав стон, Итарр и Тсаис обернулись к Джеванне. Где было очаровательное лицо, куда делись пунцовые губы, белоснежная кожа?

Нос красавицы превратился в трех шевелящихся белых червей, рот — в гниющую язву. Обвисшая кожа ее шеи и щек поросла болтающимися зеленоватыми бородавками, ее пепельно-черный

узкий лоб словно перекосило и вдавило ударами молота. От прежней Джеванны остались только длинные рыжие волосы, спускавшиеся на плечи.

«Каждому, кто сюда приходит, воздается по справедливости», — повторил низкий голос ниоткуда. Призрак великого храма поблек и растворился — кругом снова не было ничего, кроме тихо плещущей, доходящей до пояса прохладной ряби вечернего моря и темных силуэтов покосившихся сломанных колонн.

Они медленно вернулись к сидящим на берегу крылатым тварям.

Итарр повернулся к Джеванне. «Прочь! — приказал он. — Лети в свое логово! Завтра, когда зайдет Солнце, ты освободишься от заклятия. Никогда больше нам не докучай! Я приобрел чары, которые предупредят о твоем приближении, и мне известно заклятие, которое тебя испепелит».

Джеванна без слов взобралась на спину крылатого ящера, и тот взмыл в ночное небо.

Итарр повернулся к Тсаис и взял ее за руку. Девушка слегка наклонила голову набок — Итарр смотрел ей в глаза, искрившиеся такой невыразимой радостью, что, казалось, в них плясали звезды. Итарр поцеловал ее в лоб — продолжая

держаться за руки, они вернулись к раздраженно ерзающим на песке ящерам и полетели назад в Асколаис.

4. Странник Лианэ

По сумрачному лесу, то и дело пересекая тенистые прогалины, горделивой походкой шествовал быстроногий Странник Лианэ. Он посвистывал, он напевал, он явно пребывал в прекрасном настроении. На пальце он вертел небольшой обруч из ковкой бронзы — венец, покрытый почерневшими от времени гравированными символами, угловатыми и неразборчивыми.

Ему удивительно повезло: обруч был спрятан под землей так давно, что через него успел прорасти толстый корень древнего тиса. Разрубив корень, Лианэ сразу заметил символы на внутренней поверхности кольца — грубо, но глубоко и уверенно вырезанные, несомненно содержавшие текст давно забытой чудодейственной руны… Следовало бы, конечно, показать эту вещицу чародею и поручить ему проверить, в чем заключались волшебные свойства руны.

Рот Лианэ раздраженно покривился. С подобной проверкой были связаны определенные затруднения. Иногда возникало впечатление, что все обитатели Земли сговорились, чтобы причинять ему неприятности. Торговец пряностями,

например, сегодня утром. Какую суматоху он устроил, когда умирал! «Тем не менее, — думал Лианэ, — любая неприятность влечет за собой своего рода возмещение». Он нашел бронзовый венец, пока рыл могилу для купца.

И настроение молодого разбойника исправилось: он ликовал, он смеялся от радости! Странник Лианэ пробежался, высоко подпрыгивая в воздух. За ним развевался зеленый плащ, красное перо на его шляпе покачивалось и подмигивало… Тем не менее! Лианэ замедлил шаги. Он все еще не приблизился к раскрытию волшебной тайны обруча.

Настало время для эксперимента!

Лианэ остановился там, где листва высоких деревьев не мешала проникать косым рубиновым лучам Солнца, и внимательно изучил венец, прослеживая ногтем бороздки иероглифов. Наклонившись, чтобы получше разглядеть символы, он почти погрузил лицо в отверстие обруча. Какая-то пленка? Что-то мигнуло? Удерживая венец в вытянутой руке, Лианэ снова оценил его со стороны. Очевидно, венец был предназначен для украшения головы. Лианэ сорвал остроконечную шляпу и надел венец на голову, вращая большими золотисто-карими глазами

и горделиво прихорашиваясь… Странно! Венец соскользнул ему на уши и надвинулся на глаза. Мрак! Лианэ схватился за обруч и поднял его над головой… Бронзовое кольцо, диаметром чуть больше ладони. Каким образом оно расширялось и наползало на глаза? Чудеса, да и только!

Он снова надел венец. Обруч соскользнул по голове ему на плечи. Теперь его голова находилась в сумраке, в каком-то ином, особом пространстве. Глядя вниз, Лианэ заметил, что, чем ниже находилось кольцо, тем тусклее становился свет снаружи.

Обруч постепенно опускался… Теперь он был на уровне его лодыжек… Внезапно охваченный паникой, Лианэ поспешно взялся за кольцо и поднял его вдоль всего тела, выше головы. Часто моргая, он снова очутился в лесу, озаренном коричневато-красными солнечными лучами.

На фоне листвы пронеслась и зависла в воздухе стрекоза с отливающими зеленым и голубым блеском крыльями. На стрекозе сидел маленький человечек — эльф-ихневмон.

Лианэ громко позвал его: «Эй! Подожди! Будь так любезен!»

Эльф посадил стрекозу на веточку: «Привет, Лианэ. Что тебе понадобилось?»

«Пронаблюдай за мной — и запомни то, что увидишь». Лианэ надел бронзовый венец на голову и опустил его до самых ступней, после чего снова поднял над головой. Взглянув на ихневмона, задумчиво жевавшего кусочек ближайшего листа, он спросил: «Так что же ты видел?»

«Я видел, как Лианэ исчез — пропал, стал невидимкой — весь, кроме закрученных носков красных сандалий. Все остальное превратилось в воздух».

«Ха! — воскликнул Лианэ. — Подумать только! Ты когда-нибудь видел что-нибудь подобное?»

Эльф беззаботно спросил: «Соль у тебя есть? Я не отказался бы от щепотки соли».

К разбойнику вернулась деловитая серьезность; он внимательно посмотрел на ихневмона: «У тебя есть новости?»

«Три эрба прикончили Флореджина Грезотворца и проткнули все его пузыри. Их обрывки еще долго порхали над крышей его усадьбы».

«Грамм соли!»

«Лорд Кандив Златокудрый построил баркас из резного дерева мо, с бортами высотой в десять бревен, чтобы принять участие в Регате. Баржа полна сокровищ и плывет вниз по течению Скаума».

«Два грамма!»

«Золотистая ведьма по имени Лит поселилась на Тамберском лугу. Она очень красива, и у нее покладистый характер».

«Три грамма!»

«Довольно!» — сказал ихневмон и наклонился, чтобы проследить за тем, как Странник Лианэ отмерял соль на миниатюрных весах. Эльф насыпал соль в маленькие корзинки, висевшие по бокам ребристого туловища стрекозы, пришпорил насекомое и умчался куда-то, лавируя мерцающими зигзагами между стволами деревьев.

Лианэ снова попробовал надеть волшебный обруч; на этот раз он опустил его до самой земли, шагнул в сторону и повесил кольцо на руку, чтобы оно оставалось внутри окружившей его оболочки сумрака. Чудесное убежище! Причем вход в него — обруч — можно было спрятать в самом убежище! А для того, чтобы выйти, достаточно было вступить в обруч обеими ногами, поднять его вдоль стройного торса и над плечами — вот так! — и Лианэ снова появился в лесу с бронзовым венцом в руке.

Хо-хо! Пора было навестить прекрасную золотистую ведьму на Тамберском лугу.

В небольшой куполообразной хижине ведьмы,

сплетенной из тростника и ничем не украшенной, были устроены два круглых окна и низкая дверь. Подобрав белую юбку и туго обернув ее вокруг бедер, босая Лит забрела по колено в серебрившийся неподалеку пруд и ловила лягушек на ужин. Она стояла неподвижно, но от ее стройных ног на поверхности воды еще расходились круги темной ряби.

Красота ее превосходила воображение Странника Лианэ — казалось, один из зачарованных пузырей погибшего Флореджина лопнул над водой и породил волшебное видение. Ее бледно-кремовая кожа отливала золотом, волосы напоминали волну более плотного, слегка увлажненного золота. Ее глаза походили на глаза самого Лианэ — огромные, прозрачные, золотисто-карие — но у нее они были шире расставлены и отличались слегка миндалевидной формой.

Лианэ решительно направился к ней и остановился на берегу. Ведьма испуганно обернулась, чуть приоткрыв чувственный алый рот.

«Внемли, золотистая ведьма! Перед тобой — Странник Лианэ! Он пришел, чтобы приветствовать тебя в Тамбере и предложить тебе свою дружбу и любовь…»

Лит наклонилась, набрала у берега горсть бо-

лотной слизи и швырнула ее в лицо разбойнику.

Разразившись злобными проклятиями, Лианэ протер глаза — но к тому времени Лит уже скрылась в хижине и захлопнула дверь.

Лианэ тут же подошел к двери и громко постучал: «Открой и покажись, ведьма, а не то я сожгу дотла твое жилище!»

Дверь приоткрылась, красавица выглянула и улыбнулась: «Ну, и что теперь?»

Лианэ вломился в хижину и попытался наброситься на ведьму, но ему навстречу выскочили двадцать металлических лезвий — двадцать острых наконечников укололи его в грудь. Разбойник замер, приподняв брови; губы его нервно подергивались.

«Сталь, прочь!» — приказала Лит. Лезвия мигом исчезли. «Если бы я захотела, — произнесла золотистая ведьма, — я могла бы лишить тебя жизни, не сходя с места».

Лианэ нахмурился и погладил подбородок, словно задумавшись. «Ты же понимаешь, — серьезно сказал он, — насколько бессмысленно твое поведение. Странника Лианэ боится каждый, кто страшится страха, и любит каждый, кто любит любовь. А ты, — он шарил жадными глазами по всему ее великолепному золотистому

телу, — ты созрела, как сладостный плод, тебе не терпится любить, ты блещешь и трепещешь от любви. Ты нравишься Страннику Лианэ, он поделится с тобой пламенем души!»

«Нет-нет! — погрозила ему пальцем ведьма, загадочно улыбаясь. — Ты слишком торопишься».

Лианэ удивленно взглянул ей в глаза: «Неужели?»

«Я — ведьма по имени Лит, — отозвалась она. — Ты не ошибся: я возбуждена, я пылаю, я изнываю от страсти! Но моим любовником может стать только тот, кто мне послужит. Он должен быть храбр, ловок и хитер».

«И я таков!» — заявил Лианэ. Закусив губу, он прибавил: «Все это ни к чему. Ненавижу нерешительность!» Разбойник сделал шаг вперед: «Послушай, давай-ка…»

Ведьма отступила: «Нет-нет. Ты забыл. Разве ты мне послужил? Разве ты завоевал право на мою любовь?»

«Чепуха! — возмутился Лианэ. — Только посмотри на меня! Неужели ты не замечаешь совершенство моих благородных манер, мое превосходное телосложение, красоту лица и моих огромных глаз, таких же золотистых, как твои, мое умение подчинять всё и вся своей воле и сво-

ей власти… Это ты должна мне служить, а не я тебе. Так оно должно быть, так оно и будет». Он присел на низкий диван: «Подай мне вина, женщина!»

Лит покачала головой: «Под сенью этой маленькой хижины меня невозможно ни к чему принудить. Может быть снаружи, на Тамберском лугу, у тебя что-нибудь получилось бы, но здесь, среди моих подвесок с синими и красными кисточками, где по одному моему слову тебя готовы проткнуть двадцать стальных лезвий — здесь тебе придется мне подчиняться… Так что выбирай. Встань и уходи, чтобы никогда не возвращаться — или обещай мне послужить и выполнить одно небольшое поручение, после чего я стану твоей со всем пылом безудержной страсти».

Лианэ сидел, напряженно выпрямившись. Странное создание, эта золотистая ведьма! Тем не менее, ради ее благосклонности стоило немного потрудиться — в конечном счете, так или иначе, она дорого заплатит за свою дерзость!

«Что ж, хорошо! — бесцветным тоном ответил он. — Я тебе послужу. Чего ты хочешь? Драгоценностей? Я могу задушить тебя жемчугом и ослепить алмазами. У меня есть два изумруда, каждый величиной с кулак — это не камни,

а зеленые океаны, в которых тонет взор, вечно блуждающий в лабиринте граней зеленых призм…»

«Нет, самоцветы мне не нужны».

«Может быть, у тебя есть враг? Тогда все очень просто. Ради тебя Лианэ прикончит десятерых. Два шага вперед, выпад — *вот так!* — Лианэ вскочил и выбросил руку вперед жестом заправского фехтовальщика. — И души воспаряют к небу, дрожа и покачиваясь, как пузырьки в бокале шипучего вина».

«Нет, мне не нужны убийства».

Лианэ снова присел и нахмурился: «Чего же ты хочешь?»

Ведьма отошла в глубину хижины и отодвинула штору. За ней висел расшитый золотом гобелен, изображавший обширную долину, окаймленную двумя крутыми горными склонами; мирная река текла по долине мимо небольшого тихого селения и пропадала в роще. Река, горы и деревья — все было вышито золотом настолько богатых, контрастных и тонких оттенков, что настенный ковер выглядел, как многоцветный пейзаж. Но верхняя половина пейзажа отсутствовала — кто-то грубо отрезал ее ножом или отсек ударом сабли.

Лианэ был очарован: «Мастерская работа, шедевр...»

«Здесь изображена очарованная долина Аривенты, — сказала Лит. — Другую половину у меня похитили, и я хотела бы, чтобы ты ее вернул».

«Где другая половина? — поинтересовался Лианэ. — И кто совершил такое святотатство?»

Теперь ведьма внимательно наблюдала за разбойником: «Ты когда-нибудь слышал о Чуне? О Чуне Неизбежном?»

Лианэ задумался: «Нет».

«Чун украл половину ковра и повесил ее мраморном зале, в развалинах к северу от Кайина».

«Ха!» — хмыкнул Лианэ.

«Мраморный зал Чуна — за Площадью Шорохов. Перед входом — покосившаяся колонна с черным медальоном, изображающим феникса и двуглавую ящерицу».

«Пора идти! — Лианэ поднялся. — Один день до Кайина, второй день займет похищение ковра, еще один день — и я вернусь. Три дня».

Лит проводила его до выхода. «Берегись Чуна Неизбежного!» — прошептала она.

Посвистывая, Лианэ пустился в путь — красное перо покачивалось на его зеленой остроконечной шляпе. Лит смотрела ему вслед, после чего

повернулась и подошла к сияющему гобелену. «Золотая Аривента! — тихо сказала она. — Сердце мое сжимается и болит: когда я увижу тебя снова?»

Дерна плещется в теснинах резвее Скаума, своей полноводной южной сестры. Скаум степенно струится по широкой долине, пылающей красновато-лиловыми кронами цветущих конских каштанов, почти скрывающих белесые и серые остатки крепостных стен, тогда как Дерна прорубила обрывистый каньон, обступивший ее утесами с лесистыми вершинами.

Древняя кремнистая дорога некогда сопровождала Дерну вниз по течению, но со временем извилины реки подмыли паводками ветхую насыпь, в связи с чем Страннику Лианэ местами приходилось пробираться верхами через заросли терновника и подвывавшей на ветру трубчатой травы.

Красное Солнце, ползущее в пространстве подобно кряхтящему старцу, взбирающемуся на постель, чтобы забыться последним сном, уже опускалось к горизонту, когда Лианэ достиг Порфироносного обрыва и взглянул с горных высот на окольцованный белокаменными стенами Кайин и синеющий вдали залив Санреале.

Непосредственно под обрывом расположился рынок: неразбериха прилавков, заваленных фруктами, ломтями бледного мяса, моллюсками с илистых отмелей, матовыми флягами с вином. Немногословные обитатели Кайина переходили от одного ларька к другому, приобретали провизию и несли ее — кто в корзинах, кто в мешках, перекинутых через плечо — в свои каменные жилища.

За рынком виднелось неровное кольцо оснований широких опор, напоминавших остатки гнилых зубов — когда-то они поддерживали арену, сооруженную безумным королем Шином в семидесяти метрах над землей; дальше из лавровой рощи выглядывал глянцевый купол дворца Кандива Златокудрого, правившего Кайином и значительной частью Асколаиса — по меньшей мере всеми землями, какие можно было окинуть взором с высоты Порфироносного обрыва.

Дерна, утратив былую чистоту, орошала город, растекаясь по промозглым замшелым каналам и подземным трубам, в конечном счете просачиваясь в залив Санреале между подгнившими сваями причалов.

«Нужно где-то переночевать, — подумал Лианэ. — Дело может подождать до утра».

Разбойник вприпрыжку спустился по зигзагам ступеней — направо, налево, снова направо, опять налево — и вышел на рыночную площадь. Здесь он напустил на себя важность и строго поглядывал по сторонам. Странника Лианэ не впервые видели в Кайине, и многие из местных жителей затаили на него обиду, достаточную для того, чтобы от них можно было ожидать всевозможных неприятностей.

Лианэ спокойно прошелся в тени Паннонской стены и повернул в мощеную булыжником узкую улочку, стесненную старыми бревенчатыми домами и блестевшую в лучах заходящего Солнца многочисленными отражениями маленьких коричневых луж. Вскоре он вышел на небольшую площадь и оказался перед высоким каменным фасадом «Приюта чародея».

Хозяин, низенький толстяк с печальными глазами и коротким пухлым носом, повторявшим в миниатюре округлые формы его тела, вычищал пепел из очага. Заметив посетителя, он выпрямился и поспешно спрятался за конторкой в маленьком алькове.

Лианэ произнес: «Хорошо проветренную комнату и ужин — грибы, вино и устрицы».

Трактирщик почтительно поклонился: «Будет

сделано. И каким образом вы намерены платить?»

Разбойник бросил на прилавок кожаный мешочек, добытый грабежом на рассвете. Почуяв аромат, исходивший от мешочка, хозяин гостиницы поднял брови — он был приятно удивлен.

«Порошок из почек заморского космогуста», — пояснил Лианэ.

«Превосходно, превосходно… Вот ключ от вашей комнаты, сударь — ужин подадут сию минуту».

Пока Лианэ подкреплялся, в трактире появились еще несколько постояльцев; они уселись за столом у камина с кружками вина и завели разговор то об одном, то о другом — но главным образом о чародеях прошлого и о славных временах, когда на Земле царило волшебство.

«Великий Фандаал знал и понимал многое, чего уже никто не помнит, — рассуждал старик с оранжевой шевелюрой. — Он привязывал к ногам воробьев белые и черные шнурки и выпускал птиц в небо. Те порхали по его указке, описывая в воздухе колдовские руны, и под ними появлялись, как в сказке, высокие деревья, усыпанные цветами и обремененные фруктами и орехами, а в траве между корнями лежали пузатые буты-

ли, полные редких настоек и ликеров. Говорят, таким образом он сотворил великий лес Даа на берегах озера Санра».

«Ха! — отозвался угрюмый субъект в костюме из темно-синей, коричневой и черной ткани. — Я тоже так могу». Он вынул из кармана шнурок, потряс им в воздухе, покрутил его, что-то тихо сказал — и шнурок ожил ярким орнаментом, превратившись в язык красного и желтого пламени; он танцевал над столом, скручиваясь и разворачиваясь то в одну, то в другую сторону, пока угрюмый чародей не прекратил эту пляску лаконичным жестом.

«Не велика наука!» — заметил прятавший лицо под капюшоном человек в черном плаще, расшитом блестящими серебристыми кольцами. Он вынул из-за пазухи маленькую кювету, поставил ее на стол и насыпал в нее щепотку пепла из очага, после чего поднял ко рту свисток. Послышался хрустально-звонкий сигнал: из кюветы вылетели блестящие искорки, переливавшиеся призматическими лучами — красными, синими, зелеными, желтыми. Взлетая примерно вровень с лицами сидящих за столом, искры всрыхивали одна за одной, как разноцветные звездчатые узоры калейдоскопа, причем каждая красивая

вспышка сопровождалась тихим отзвуком первоначального магического сигнала — чистейшего, прозрачного, не от мира сего. Искристых крупинок становилось меньше, и волшебник подал еще один, другой сигнал; снова искры воспарили и стали вспыхивать великолепным орнаментальным фейерверком. Третий сигнал вызвал к жизни новый кружащийся рой сверкающих крупинок. Наконец чародей спрятал свисток, аккуратно протер кювету, засунул ее за пазуху плаща и молча откинулся на спинку стула.

Теперь спешили демонстрировать свое мастерство и другие чародеи — воздух над столом наполнился плывущими видениями, трепещущими магической энергией. Один волшебник сотворил сочетание девяти невиданных, неизъяснимо обворожительных лучистых цветов; заклинание другого привело к появлению на лбу трактирщика второго рта, язвительно оскорблявшего всех собравшихся — к великому смущению хозяина заведения, так как заколдованный рот вещал его собственным голосом. Третий чародей выставил на стол зеленую стеклянную бутыль, в которой сидел, скорчившись, гримасничающий бес. Четвертый вынул из сумки небольшой хрустальный шар, катавшийся по столу в разных

направлениях по приказу владельца, утверждавшего, что этот шар некогда был вставлен в серьгу легендарного гроссмейстера магии Санкаферрина.

Странник Лианэ внимательно наблюдал за происходящим. Он вздохнул от восхищения, увидев бесенка в бутылке, и пытался выпросить послушный хрустальный шар у его владельца — но безуспешно.

Лианэ обиделся и стал жаловаться на судьбу, заявляя, что мир населен жестокосердными скупцами, но чародей, повелевавший чудесным шаром, остался глух к просьбам разбойника — он отказался расстаться с хрустальной игрушкой даже тогда, когда Лианэ выложил перед ним дюжину пакетиков с редкими пряностями.

Лианэ умолял: «Я всего лишь хочу доставить удовольствие прекрасной ведьме Лит».

«Ну и доставляй ей удовольствие пряностями».

«В самом деле, — изобретательно нашелся Лианэ, — она хочет только одного: чтобы ей вернули похищенный кусок гобелена, и я обещал ей украсть его у Чуна Неизбежного».

Владелец магической серьги поднял брови: «Даже если бы мы сидели по колено в ароматном красном вине Танквилата, одно упоминание это-

го тяжкого имени заставило бы замолчать самую веселую компанию».

«Ха! — Лианэ рассмеялся. — Вы когда-нибудь пробовали это вино? Одни его пары стирают любые неприятные воспоминания».

«Смотрите, какие у него глаза! — прошептал кто-то из чародеев. — Огромные, золотистые!»

«И сразу замечают все вокруг, — откликнулся Лианэ. — А мои быстрые ноги несут меня легко и привольно, как отблеск звездного света по волнам. А эти руки — и левая, и правая — одинаково ловко нанизывают человека на стальной клинок. А мое волшебство позволяет мне прятаться так, что никто никогда не сможет меня найти». Лианэ отхлебнул вина из кувшина: «Смотрите и учитесь! Вот настоящая древняя магия!» Он надел на голову бронзовый обруч, опустил его до пола, шагнул в сторону, наклонился и подобрал волшебный венец внутри окружившей его оболочки сумрака. Когда Лианэ решил, что прошло достаточно времени, он снова вступил в кольцо и поднял его.

В камине пылали угли, владелец гостиницы стоял в алькове. Кувшин с вином остался на столе. Но собравшиеся за столом чародеи исчезли бесследно.

Лианэ в замешательстве смотрел по сторонам: «Куда подевались мои друзья-волшебники?»

Трактирщик обернулся: «Разошлись по комнатам: вы произнесли имя, отяготившее их души».

Нахмурившись, Лианэ допил вино в полном молчании.

На следующее утро он покинул гостиницу и направился окольным путем в Старый Город — безрадостный пустынный лабиринт просевших террас, поросших суховатым мхом, рухнувших пилонов, выветренных блоков песчаника и покосившихся цоколей с уже почти неразборчивыми письменами. В развалинах сновали ящерицы, ползали змеи, кишели насекомые; других признаков жизни не было.

Пробираясь среди обломков, Лианэ чуть не споткнулся о труп — тело юноши, смотревшее в небо пустыми глазницами.

Разбойник почувствовал чье-то присутствие. Он отскочил, наполовину вытащив шпагу из ножен. Неподалеку стоял наблюдавший за ним согбенный старец. Старец спросил слабым, дрожащим голосом: «Зачем ты пришел в Старый Город?»

Лианэ вложил шпагу в ножны: «Я ищу Площадь Шорохов. Может быть, вы знаете, где она?»

Старец раздраженно крякнул: «Опять? Опять? Когда это кончится?» Он указал на тело юноши: «Этот явился вчера, тоже искал Площадь Шорохов. Хотел что-то украсть у Чуна Неизбежного. И вот что получилось». Долгожитель отвернулся: «Иди за мной». Согбенная фигура исчезла за грудой камней.

Лианэ последовал за старцем. Тот остановился у еще одного трупа с окровавленными выцарапанными глазницами: «Этот пришел четыре дня тому назад — и повстречался с Чуном… Там, под аркой — третий, могучий рыцарь в малиновых доспехах. И там — и там… — он показывал то в одну, то в другую сторону. — И здесь — и здесь… Все валяются, как давленые мухи».

Старец обратил на Лианэ взор водянистых голубых глаз: «Вернись, молодой человек, вернись восвояси! Иначе и твое тело в зеленом плаще будет гнить на каменных плитах Старого Города!»

Лианэ вынул шпагу и рассек воздух широким взмахом: «Я — Странник Лианэ! Пусть трепещет тот, кто встанет на моем пути! И где же, наконец, Площадь Шорохов?»

«Если тебе так хочется знать, — ответил старик, — она за этим обломком обелиска. Иди же! Иди на свой страх и риск».

«Я — Странник Лианэ! Страх и риск сопровождают меня, как тень!»

Старец стоял неподвижно и молча, как древняя статуя; Лианэ направился дальше.

«Предположим, — говорил себе разбойник, — что старик — помощник Чуна, и что он уже сию минуту спешит сообщить Чуну о моем прибытии? Необходимо принять меры предосторожности». Лианэ вспрыгнул на высокий антаблемент и, пригнувшись, прокрался туда, где расстался с долгожителем.

Старик куда-то брел, опираясь на посох и бормоча себе под нос. Лианэ сбросил на него кусок гранита величиной с голову. Глухой удар, хриплый возглас — и Лианэ пошел своей дорогой.

Обогнув обломок обелиска, он оказался на просторном дворе — на Площади Шорохов. Прямо напротив возвышался обширный чертог, отмеченный покосившейся колонной с большим черным медальоном, изображавшим феникса и двуглавую ящерицу.

Странник Лианэ слился с тенью под стеной и замер, с волчьей бдительностью ожидая любых признаков движения.

Ничто не шелохнулось. Солнечный свет придавал развалинам мрачное величие. Со всех сторон,

насколько мог видеть глаз, не было ничего, кроме разбитого камня — пустыня, усеянная тысячами руин, где дух присутствия человека уже полностью исчез, а остатки человеческой деятельности уже казались частью естественного ландшафта.

Солнце постепенно перемещалось по темно-синему небу. Через некоторое время Лианэ крадучись покинул свой наблюдательный пост и направился в обход сооружения. По пути он не заметил никаких признаков чьего-либо присутствия.

Он приблизился к зданию с тыльной стороны и приложил ухо к стене. Стена молчала — Лианэ не ощутил никакой вибрации. Осторожно оглядываясь и посматривая вверх, Лианэ повернул за угол: в стене темнел пролом. Лианэ заглянул в пролом. С внутренней стороны задней стены висел расшитый золотом гобелен. В зале больше ничего и никого не было.

Лианэ снова убедился в том, что ни сверху, ни снаружи никто за ним не следил. Ничто не возбуждало подозрений. Он направился дальше вдоль наружной стороны стены.

Ему встретился еще один пролом. Он снова заглянул внутрь. С внутренней стороны задней стены все еще висел сияющий золотом гобелен.

Ни справа, ни слева опять никого не было; ничто не шевелилось, царила полная тишина.

Мало-помалу Лианэ достиг передней стены зала и внимательно осмотрел углубления карниза: ничего, кроме пыли, в них не было.

Отсюда, перед входом, он видел все внутреннее помещение — пустое, безжизненное; монотонную мрачность голых стен нарушало только золотистое пятно ковра.

Лианэ зашел внутрь размашистыми бесшумными шагами, и остановился посреди зала. Свет струился со всех сторон, но не в глаза — ничто не мешало видеть сверкавший на тыльной стене гобелен. Проломов в стенах, позволявших стремительно скрыться в том или ином направлении, было не меньше дюжины; Лианэ ничего не слышал, кроме глухого стука собственного сердца.

Он сделал два шага вперед. Гобелен был близко — казалось, он уже мог дотянуться до него рукой.

Лианэ подскочил к золотистому ковру и сорвал его со стены.

У него за спиной стоял Чун Неизбежный.

Лианэ вскрикнул. Он повернулся на одеревеневших ногах — ноги словно налились свинцом и отказывались подчиняться, как в кошмар-

ном сне.

Чун, словно выступивший из стены, приближался. На его блестящей черной спине покачивалась мантия из перевязанных шелком человеческих глаз.

К Страннику Лианэ вернулась легкость ног — он побежал. Как он бежал! Он летел стремительными прыжками — носки его сандалий едва прикасались к земле. Прочь из зала, по площади, в лабиринт разбитых статуй и обвалившихся колонн бежал Лианэ… Вслед за ним с деловитой сосредоточенностью гончего пса мчался Чун Неизбежный.

Лианэ вскочил на стену, пробежал по ней, перелетел через широкий разлом, спрыгнул к пересохшему разбитому фонтану. Чун не отставал.

Лианэ бросился в узкий переулок, вскарабкался по груде мусора на крышу какого-то дома, спрыгнул во внутренний двор. Чун не отставал.

Лианэ пустился со всех ног по широкому бульвару, окаймленному чахлыми старыми кипарисами — Чун догонял его, он уже слышал частый топот его ног. Лианэ свернул в подворотню, надел на голову бронзовый обруч, опустил его до ступней, шагнул в сторону и подобрал кольцо, остановившись в оболочке сумрака.

Убежище! Странник Лианэ замер в темном магическом пространстве, скрывшись от взоров всех обитателей Земли, недоступный их пониманию. В сумрачной оболочке невидимости наступила настороженная тишина…

Он почувствовал дуновение за спиной.

Тихий голос сказал ему на ухо: «Я — Чун Неизбежный».

Золотистая ведьма Лит сидела на диване и шила при свечах шапочку из лягушачьих шкурок. Дверь в ее хижину была заперта на засов, окна закрыты ставнями. Снаружи ночная тьма спустилась на Тамберский луг.

Снаружи послышался какой-то скрип, кто-то пробовал ее открыть. Лит напряглась и замерла, глядя на дверь.

Голос за дверью произнес: «Сегодня ночью, о прекрасная Лит — сегодня ночью я принес тебе две длинные, яркие золотые нити. Две — потому что у него были огромные, красивые золотистые глаза…»

Лит молча сидела. Подождав не меньше часа, она подкралась к двери и прислушалась. Судя по всему, вокруг никого не было. Неподалеку квакнула лягушка.

Лит приоткрыла дверь, распахнула ее, подобра-

ла золотые нити и захлопнула дверь. Подбежав к расшитому золотом гобелену, она закрепила нити в разрыве так, как они были расположены прежде.

Долго она стояла и смотрела на золотую долину, охваченная мучительной тоской по Аривенте, пока мирно струившаяся река и безмятежный золотой лес не помутнели в пелене слез… Когда-нибудь, в один прекрасный день, все это кончится — и она вернется домой…

5. Юлан Дор

Принц Кандив Златокудрый строго предупредил племянника: «Надеюсь, ты понимаешь, что любые добытые тобой полезные сведения и практически применимые познания мастеров древности будут принадлежать мне в той же степени, что и тебе».

Юлан Дор, стройный бледный юноша с шевелюрой и бровями чернее воронова крыла, скорбно усмехнулся: «Но плыть по волнам давно неизведанного океана и отбиваться веслами от морских демонов придется мне».

Кандив откинулся на подушки дивана, почесывая нос кольцом из резного нефрита: «При том, что все это предприятие возможно только благодаря мне. Я уже постиг основы магии — дополнительные откровения послужат лишь совершенствованию моих навыков. В то время как ты, не научившись до сих пор даже простейшим заклинаниям, приобретешь знания, способные возвести тебя на уровень лучших чародеев Асколаиса. Что просто несравнимо с твоим нынешним ничтожеством. Смотри на вещи с этой точки зрения: я извлекаю незна-

чительную выгоду, а ты — огромную».

Юлан Дор поморщился: «Можно сказать и так, хотя я не стал бы злоупотреблять эпитетом „ничтожество“. Я знаком с „Критикой энтропии“ Фандаала и заслужил репутацию превосходного фехтовальщика, меня причислили к братству „Восьми делафазийцев“ в качестве…»

Принц язвительно фыркнул: «Бессильная показуха бездарных прожигателей жизни! Вы убиваете для развлечения и устраиваете экстравагантные дебоши, тогда как завтра может не взойти Солнце! Причем ни один из вас не сделал ни шагу за окраины Кайина».

Юлан придержал язык, хотя мог бы напомнить о том, что Кандив Златокудрый вовсе не сторонился радостей пьянства, похоти и обжорства, а если принц и удалялся когда-либо из увенчанного перламутровым куполом дворца, то исключительно для того, чтобы покататься на баркасе из резного дерева по зеркальным водам устья Скаума.

Умиротворенный молчанием племянника, Кандив приподнял со столешницы ларец из слоновой кости: «Вот таким образом. Если мы согласны, и у тебя нет возражений, я сообщу тебе подробности».

Юлан кивнул: «Я согласен».

«Тебе предстоит найти затерянный город Ампридатвир», — сказал Кандив. Принц искоса наблюдал за племянником; тот сохранял видимость спокойствия.

«Я никогда там не был, — продолжал Кандив. — Поррина Девятая упоминает о нем как о последнем городе олек-хнитов, на острове в Северном Мелантинском заливе». Принц открыл ларец: «Я нашел это предание в связке древних свитков — завещание поэта, бежавшего из Ампридатвира после кончины Рогола Домедонфорса, последнего великого вождя олек-хнитов, могущественного чародея, поименованного в Циклопедии сорок три раза…»

Принц вынул из ларца потрескивающий от старости свиток, развернул его взмахом руки и прочел:

«Ампридатвиру приходит конец. Мой народ предал забвению принципы, внушавшие волю к жизни и дисциплину — отныне горожане озабочены исключительно суевериями и теологией. Продолжается бесконечная свара: следует ли считать Пансиу всевышней сущностью, а Каздала — исчадием порока? Или же Каздал — добродетельное божество, а Пансиу — средоточие зла?

Эти вопросы решаются огнем и мечом — воспоминания отравляют мне кровь. Я покидаю Ампридатвир, где упадок и крах неизбежны, чтобы скрыться в уютной долине Мель-Палузаса: там погаснет светлячок моего бытия.

Мне привелось повидать былой Ампридатвир: башни, озаренные чудесным сиянием, вонзающие в ночное небо ослепительные лучи, готовые поспорить с Солнцем… Ампридатвир был прекрасен тогда — и сердце мое сжимается, когда я вспоминаю мой древний город. С балконов тысяч висячих садов спускались каскады семирских лоз, вода — голубая, как подсвеченная фирюза — струилась по трем каналам… Металлические экипажи сновали по улицам, металлические воздушные аппараты роились в воздухе, как пчелы вокруг улья — чудеса из чудес! Мы приручили потоки ревущего пламени и презирали притягательную силу Земли… Увы! На протяжении всей своей жизни я наблюдал постепенное истощение духа. От избытка меда липнет язык; от избытка вина мутнеет ум; избыток удобств, легкость жизни лишают человека стойкости и предприимчивости. Свет, тепло, пища, вода — все это доставалось любому безвозмездно, не требовало почти никаких усилий. Избавившись от забот,

обитатели Ампридатвира уделяли все больше внимания эфемерным фантазиям, извращениям и мистическим суевериям.

Все эти годы — с тех пор, как я себя помню — городом правил Рогол Домедонфорс. Ему были известны все предания, дошедшие до нас из сумрака древности, тайны огня и света, силы тяжести и силы, им противодействующие, методы суперфизического исчисления, метафазмы, королопсис. Несмотря на бездну его познаний, в качестве правителя Рогол отличался непрактичностью и не замечал изнеженность духа, заразившую Ампридатвир. Проявления слабости и летаргии он объяснял недостатком просвещения; свои последние годы он посвятил созданию чудовищной машины, избавлявшей людей от любого труда и позволявшей им посвящать почти все, отныне свободное время медитации и аскетической самодисциплине.

Пока Рогол близился к завершению своего грандиозного проекта, город охватили беспорядки, вызванные истерическими религиозными распрями по самому смехотворному поводу.

Соперничающие секты приверженцев Пансиу и Каздала существовали уже давно, но лишь немногие, помимо жрецов, участвовали в диспу-

тах. Внезапно эти культы вошли в моду; толпы горожан увлеклись поклонением тому или иному божеству. Жрецы, ревностно разжигавшие рознь из поколения в поколение, обрадовались своему неожиданно возросшему влиянию и распаляли фанатизм новообращенных. Возникли трения, разгорелись страсти, начались мятежи и вспышки насилия. В один ужасный день кто-то запустил камнем в голову Рогола Домедонфорса, наблюдавшего с балкона за стычкой горожан, и правитель упал на мостовую.

Искалеченный, дышащий на ладан, Рогол отказывался умирать и завершил строительство своего подземного механизма, порталы которого рассредоточены по всему городу — и только после этого приготовился прощаться с жизнью. Рогол Домедонфорс ввел инструкции для новой машины и, когда Ампридатвир проснулся утром следующего дня, в городе не было энергии и света — производившие провизию фабрики остановились, и даже вода больше не поступала в каналы.

Горожане в ужасе бросились к Роголу, и тот сказал: «Ваше разложение, ваши упадочные чудачества не ускользнули от моего внимания: отныне я вас презираю. Вы причинили мне

смерть».

«Но город гибнет! Народ вымрет!» — восклицали обыватели.

«Вам придется самим себя спасать, — ответствовал Рогол Домедонфорс. — Вы пренебрегли мудрыми традициями древности, обленились и перестали учиться, искали легкого утешения в религии вместо того, чтобы обратиться лицом к действительности, как подобает настоящим людям. Посему я решил преподать вам горький урок — надеюсь, он пойдет вам на пользу».

Рогол призвал верховных жрецов Пансиу и Каздала и передал каждому из них скрижаль из прозрачного металла: «По отдельности эти скрижали бесполезны. Только сложив их вместе, можно прочесть то, что на них написано. Тот, кто прочтет завещание, начертанное на скрижалях, получит доступ к наследию древних мудрецов и приобретет власть, которой я намеревался воспользоваться. А теперь уходите — я хочу умереть».

Гневно поглядывая друг на друга, жрецы удалились и собрали полчища своих последователей. Началась великая война.

Тело Рогола Домедонфорса не нашли — иные считают, что его скелет все еще лежит где-то

в лабиринте городских подземелий. Скрижали спрятаны в соперничающих храмах. По ночам совершаются убийства, днем голодающие падают от истощения и умирают на улицах. Многие бежали на континент — и теперь я следую за ними, попрощавшись с Ампридатвиром, последним прибежищем моей расы. Я построю себе бревенчатую хижину на склоне горы Лиу и проведу последние дни в долине Мель-Палузаса».

Принц Кандив свернул свиток и вложил его в ларец. «Твоя задача, — сказал он Юлану, — заключается в том, чтобы найти Ампридатвир и раздобыть магические познания Рогола Домедонфорса».

«Все это было так давно… — задумчиво произнес Юлан Дор. — Прошли тысячи лет…»

«Совершенно верно! — отозвался Кандив. — Тем не менее, ни в одной из исторических хроник последующих эпох имя Рогола Домедонфорса не упоминается, в связи с чем у меня есть основания полагать, что его наследие остается погребенным в руинах древнего Ампридатвира».

Три недели Юлан Дор плыл под парусом по вялому океану. Ярко-кровавое Солнце вздувалось над горизонтом и карабкалось по небосклону;

спокойствие вод нарушалось лишь рябью, возбужденной легким ветерком, и расходящимися кильватерными струями.

Затем начинался закат, когда светило бросало последний скорбный взгляд на пустынное море, сгущались лиловые сумерки и наступала ночь. В небе мерцали россыпи древних звезд, а завихрения за кормой приобретали призрачно-белый оттенок. По ночам Юлан с особой остротой ощущал свое одиночество в безбрежной тьме океана и настораживался каждый раз, когда ему казалось, что нечто всплывало над ровной поверхностью вод.

Три недели Юлан Дор плыл на северо-запад по Мелантинской Пучине и однажды утром заметил справа смутную тень побережья, а слева — очертания острова, почти терявшиеся в дымке.

Ближе, прямо по курсу, лениво покачивался нескладный баркас под квадратным парусом из тростниковых циновок.

Юлан повернул, чтобы подплыть бок о бок к баркасу, на борту которого ловили рыбу на блесну два человека в подпоясанных блузах из зеленого домотканого сукна. У обоих были волосы соломенного оттенка и голубые глаза; увидев

незнакомца, они застыли в остолбенении.

Юлан спустил парус и причалил к баркасу. Рыбаки не шевелились и молчали.

«Похоже на то, что вы давно не видели других людей», — сказал Юлан.

Старший рыбак нервно промычал какое-то заклинание — по-видимому, таким образом он надеялся защититься от демонов и наваждений.

Юлан Дор рассмеялся: «Почему ты бормочешь молитвы? Я такой же человек, как ты».

Тот, что помоложе, ответил, странно коверкая знакомые слова: «По-нашему, однако, ты не кто иной, как демон. У нас ни у кого не бывает ни волос, темных, как ночь, ни черных глаз. Это во-первых. А во-вторых, заповеди Пансиу гласят, что других людей не бывает. Поэтому человеком ты быть никак не можешь. Значит, ты — демон».

Опасливо приложив ладонь ко рту, старший рыбак посоветовал младшему: «Помолчи, придержи язык! Не ровен час, сглазит он твой голос — будешь каркать или квакать!»

«Уверяю вас, вы ошибаетесь, — вежливо возразил Юлан. — Вы когда-нибудь видели демонов?»

«Пожалуй, что нет — если не считать гаунов».

«Разве я похож на гауна?»

«Ни капельки», — вынужден был признать

старик.

Но его товарищ тут же указал на темно-красный сюртук Юлана, на его зеленые бриджи: «Вестимо, он грабитель! Ты что, не видишь, какой он пестрый?»

«Я не демон и не грабитель, — настаивал Юлан Дор. — Всего лишь человек…»

«Никаких других людей не может быть, кроме зеленых. Так завещал Пансиу!»

Юлан расхохотался: «Мир порядком опустел, города превратились в руины, но на Земле еще много людей, и не только зеленых! Скажите, город Ампридатвир — на этом острове?»

Молодой рыбак кивнул.

«И вы там живете?»

Юноша снова кивнул.

Юлан Дор слегка нахмурился: «Мне говорили, что в Ампридатвире давно никто не живет — что город покинут, забыт, что от него остались одни развалины…»

На лице молодого рыбака появилось проницательно-лукавое выражение: «А что тебе понадобилось в Ампридатвире?»

Юлан подумал, что полезно было бы упомянуть о скрижалях и пронаблюдать за реакцией рыбаков. Если о скрижалях помнили, может быть, их

все еще охраняли, как святыню?

«Я плыл по морю три недели, чтобы найти Ампридатвир и узнать, что́ написано на легендарных скрижалях», — сказал он.

«А! — встрепенулся старший рыбак. — Скрижали! Значит, он так-таки грабитель. Теперь все понятно! Недаром у него зеленые штаны. Он грабитель, его прислали зеленые…»

В результате такого удостоверения личности Юлан Дор ожидал дальнейших проявлений враждебности, но, к его удивлению, выражение лиц обоих рыбаков стало скорее благожелательным, как если бы они нашли решение парадоксальной головоломки. «Что ж, — подумал Юлан, — если так, я ничего не имею против».

Молодой рыбак, однако, нуждался в окончательном разъяснении: «Значит, ты грабитель, тебя прислали зеленые? Поэтому ты напялил красное, темноволосый человек?»

«У меня еще нет никаких определенных планов», — осторожно уклонился Юлан Дор.

«Но ты надел красное! В красном щеголяют грабители!»

«У здешних рыбаков какой-то странный, непоследовательный образ мыслей, — решил Юлан. — Возникает впечатление, что у них

в головах любая попытка сделать логическое умозаключение натыкается на преграду и разбивается в брызги, как струя воды, направленная на скалу». Вслух он сказал: «Там, где я живу, люди носят одежду любой расцветки, по своему усмотрению».

Старик нетерпеливо возразил: «Но ты надел зеленое — значит, подрядился грабителем на стороне зеленых!»

Юлан Дор пожал плечами — сдвинуть скалу, чтобы направить чуждое мышление в другое русло, ему было не под силу: «Как вам угодно… Кто еще, кроме зеленых, живет в вашем городе?»

«Больше никого нет, — торопливо ответил старший рыбак. — Мы — зеленые из Ампридатвира!»

«А кого, в таком случае, грабит грабитель?»

У молодого рыбака этот вопрос явно вызвал какие-то затруднения; он отвернулся и принялся наматывать леску: «Он грабит развалины храма демона Каздала в поисках скрижали Рогола Домедонфорса».

«В таком случае я мог бы стать грабителем», — уступил Юлан.

«Зеленым грабителем!» — покосившись на него, прибавил пожилой рыбак.

«Довольно, хватит болтать! — вмешался дру-

гой. — Дело идет к вечеру, пора возвращаться».

«Верно! — с внезапной энергией согласился старик. — Солнце заходит».

Юноша взглянул на Юлана: «Если ты собираешься грабить, тебе лучше вернуться с нами».

Юлан Дор привязал свою лодку к баркасу, добавив парус к тростниковым циновкам, и оба суденышка повернули к берегу.

Они скользили к лесистому острову по вечерней зыби, красиво блестевшей под лучами вечернего Солнца; как только лодки обогнули восточный мыс, открылся вид на Ампридатвир.

Вдоль гавани выстроился ряд приземистых зданий, а за ними возвышались те самые башни, которые, по представлению Юлана, давно должны были рухнуть: сверкая отражениями заката, их металлические шпили реяли в небе над центральной возвышенностью острова. Такие города существовали только в легендах, в мечтах о молодой Земле!

Юлан Дор задумчиво посматривал на дощатый баркас, на грубое сукно зеленых рубах своих спутников-рыбаков. Крестьяне, быдло! Не станут ли над ним насмехаться, если он прибудет в великолепный город в такой компании? Досадливо прикусив губу, он снова повернулся к острову.

По словам Кандива, Ампридатвиру надлежало превратиться в пустошь, заваленную обломками колонн и грудами камней — наподобие Старого Города под Кайином…

Солнце прикоснулось к морскому горизонту, и теперь Юлана постигло новое потрясение — у оснований металлических башен он заметил беспорядочные каменные осыпи. Его ожидания так-таки оправдались — как предсказывал Кандив, древний город был заброшен. Странным образом, это обстоятельство придавало Ампридатвиру дополнительное величие — достоинство забытого монумента.

Наступил почти полный штиль, и лодка, привязанная к баркасу, продвигалась едва-едва. Рыбаки проявляли признаки тревоги, тихо переругиваясь между собой и туго подтягивая ванты, чтобы как можно шире расправить парус. Но еще перед тем, как они обогнули волнолом и оказались в гавани, на город спустились лиловые сумерки — башни превратились в чудовищные черные монолиты. Уже почти в темноте они привязали наконец баркас к бревенчатому причалу среди множества других таких же рыбацких лодок, выкрашенных то в зеленый, то в серый цвет.

Юлан вспрыгнул на пристань. «Подожди-ка! —

заметил молодой рыбак, разглядывая красный сюртук чужеземца. — Даже ночью так одеваться не пристало». Порывшись в ящике, он вытащил холщовую зеленую накидку, пропахнувшую рыбой: «Надень вот это — и прикрой капюшоном черные волосы».

Юлан Дор с отвращением поморщился, но подчинился. Он спросил: «Где тут можно поужинать и переночевать? Есть у вас в Ампридатвире какие-нибудь гостиницы, постоялые дворы?»

«Можешь переночевать у нас в чертоге», — без особого энтузиазма отозвался молодой человек.

Перекинув через плечо связки улова, рыбаки взобрались на пристань и остановились, тревожно вглядываясь в темные проходы между развалинами.

«Вы чего-то опасаетесь», — констатировал Юлан.

«А как же! — подтвердил юноша. — Ночью по улицам рыщут гауны».

«Кто такие эти гауны?»

«Демоны».

«Бывают самые разные демоны, — как бы между прочим обронил Юлан. — На кого похожи гауны?»

«На страшных, страшных людей! У них длин-

ные сильные руки, они хватают и рвут на части...»

«Даже так! — пробормотал Юлан Дор, нащупывая рукой эфес своей шпаги. — И почему же вы позволяете им бродить по ночам?»

«А что мы можем сделать? С разъяренным гауном не справишься! К счастью, они не слишком проворны. Бдительным сопутствует удача...»

Теперь Юлан вглядывался в развалины так же напряженно, как его спутники. Рыбакам были знакомы местные опасности — не следовало пренебрегать их предупреждениями.

Крадучись обогнув ближайшую груду обломков, они углубились в полное мрака ущелье между основаниями металлических небоскребов, не допускавшими сюда последние отблески вечерней зари.

«Мертвый город!» — думал Юлан. Здесь все покрылось пыльной пеленой смерти. Куда подевались жизнерадостные толпы обитателей древнего Ампридатвира? Превратились в прах, развеялись пылью, растворились в бездне океана — их постигла та же судьба, что и любого другого человека, когда-либо жившего на Земле.

Юлан Дор и два рыбака шли по проспекту мертвого города — пигмеи, бредущие в кошмар-

ном сне. Юлан, однако, бдительно посматривал по сторонам… Принц Кандив Златокудрый не ошибся. Ампридатвир в точности соответствовал определению заброшенного, погибшего города. Окна зияли черными провалами, бетон растрескался, балконы накренились под сумасшедшими углами, террасы бывших висячих садов занесло дюнами пыли. Мостовую завалили обломки рухнувших колонн и мятые обрывки нержавеющего металла.

Но Ампридатвир еще жил — жутковатой посмертной жизнью — там, где его строители предусмотрели неистощимые источники энергии и саморемонтирующиеся механизмы. По обеим сторонам улицы текли, как ручьи, полосы темного блестящего материала — медленно по краям, быстро посередине.

Рыбаки привычно вступили на такую полосу; Юлан осторожно последовал за ними, мало-помалу переходя к стремительно несущейся середине. «В Ампридатвире дороги текут, как реки, — заметил он. — Вы называли меня демоном. Думаю, что потусторонние силы скорее работают на вас».

«Здесь нет никакой черной магии, — возразил молодой рыбак. — В Ампридатвире всегда так было».

Через одинаковые промежутки вдоль улицы встречались каменные порталы примерно трехметровой высоты; за решетчатыми створками их ворот виднелись пологие рампы, очевидно ведущие куда-то вниз.

«Что там, внизу?» — поинтересовался Юлан Дор.

Рыбаки пожали плечами: «Ворота закрыты. Никто никогда туда не заходит. Если верить древним легендам, это остатки последнего замысла Рогола Домедонфорса».

Юлан не стал задавать дальнейшие вопросы, так как рыбаки явно все больше нервничали. Заразившись их тревогой, он держал руку на эфесе шпаги.

«В этой части Ампридатвира никто не живет, — хриплым шепотом пояснил старый рыбак. — Здешние постройки — невероятной древности, в них кишат призраки».

Движущаяся полоса улицы вынесла их на площадь, где башни расступились. Полоса замедлилась и остановилась, как ручей после впадения в пруд. Здесь Юлан Дор впервые увидел искусственный осветительный прибор: большой яркий шар, висевший под дугообразной перекладиной металлической стойки.

В зареве этого шара Юлан заметил молодого прохожего в сером плаще, поспешно пересекавшего площадь… В развалинах возникло какое-то движение; рыбаки испуганно ахнули и присели на корточки. В круг света выскочила мертвенно-бледная тварь с узловатыми длинными руками и обросшими грязной шерстью ногами. Огромные глаза уставились из глубины остроконечного черепа, белого, как грибная мякоть; два клыка нависли над впалым ртом. Тварь набросилась на несчастного в сером и подхватила его под мышку. Оглянувшись, чудище бросило на Юлана и рыбаков торжествующий взгляд. Теперь стало ясно, что жертвой в сером плаще была женщина.

Юлан Дор выхватил шпагу. «Нет-нет! — прошептал старый рыбак. — Гаун уйдет к себе в логово!»

«Но он схватил женщину! Мы можем ее спасти!»

Пальцы старика крепко обхватили предплечье Юлана: «Никого он не схватил! Никого!»

«Ты что, ослеп?» — воскликнул Юлан Дор.

«В Ампридатвире нет никого, кроме зеленых, — назидательно произнес молодой рыбак, словно напоминая прописную истину. — Оставайся

с нами».

Юлан колебался. Значит, женщину в сером плаще следовало считать призраком? Если так, почему рыбаки не называли ее призраком, но вообще отказывались ее замечать?

Гаун удалялся наглой ленивой походкой к продолговатой галерее из темных провалившихся арок.

Юлан побежал за ним по озаренной белым светом древней площади Ампридатвира.

Чудище повернулось к нему лицом и протянуло огромную узловатую, почти двухметровую руку; на конце руки шевелились пальцы, покрытые белесым мехом. Юлан изо всех сил ударил шпагой по локтю гауна; рука с обнаженным обломком кости повисла на лоскуте шкуры, оставшемся от локтя.

Отскочив, Юлан уклонился от потока брызнувшей крови и тут же пригнулся — другая мускулистая рука широким взмахом пронеслась у него над головой. Юлан нанес еще один молниеносный рубящий удар, и вторая рука чудища тоже безвольно повисла. Юлан подскочил ближе, воткнул клинок в глаз гауна и погрузил его глубоко в белый череп.

Тварь умирала, дико кувыркаясь по площади

в маниакальных судорогах, напоминавших зловещую акробатическую пляску.

Отдуваясь и с трудом сдерживая тошноту, Юлан Дор смотрел на женщину, лежавшую перед ним с широко открытыми глазами. Она пыталась подняться на ноги. Юлан протянул руку, чтобы поддержать ее — хрупкую девушку со светлыми растрепанными волосами, почти достигавшими подбородка. По мнению Юлана, у нее было приятное, даже красивое лицо — искреннее, с ясными невинными глазами.

Судя по всему, она старалась не замечать его, наполовину отвернувшись и кутаясь в серый плащ. Юлан Дор начал опасаться того, что потрясение лишило ее рассудка. Он подошел поближе и заглянул ей в лицо: «Ты в порядке? Бестия не нанесла тебе никаких повреждений?»

Лицо девушки озарилось удивлением — почти испугом, словно Юлан Дор был еще одним гауном. Ее взгляд скользнул по его зеленому плащу, но сразу вернулся к лицу и остановился на черных волосах. «Кто… кто ты такой?» — прошептала она.

«Чужестранец, — ответил Юлан. — Причем меня приводят в замешательство обычаи Ампридатвира». Он обернулся, чтобы найти рыбаков,

но тех уже и след простыл.

«Чужестранец? — переспросила девушка. — Но в трактатах Каздала сказано, что в Ампридатвире гауны уничтожили всех людей, кроме серых».

«Каздал заблуждается — так же, как Пансиу, — обронил Юлан. — В мире много других людей».

«Придется тебе поверить, — неуверенно отозвалась девушка. — Ты разговариваешь, ты существуешь — с этим невозможно спорить».

Юлан заметил, что она постоянно отводила глаза от его зеленого плаща. Плащ вонял рыбой — он с удовольствием отбросил его подальше.

Теперь девушка неотрывно смотрела на его красный сюртук: «Грабитель?»

«Нет, нет, нет! — в отчаянии воскликнул Юлан. — По правде говоря, все эти разговоры о расцветке одежды мне изрядно надоели. Меня зовут Юлан Дор, я — племянник принца Кандива Златокудрого, и мне поручили найти скрижали Рогола Домедонфорса».

Девушка тускло улыбнулась: «Этим и занимаются грабители, поэтому они надевают красное. А на людей в красном все нападают, потому что никто не знает, серые они или…»

«Или?»

Девушка явно недоумевала — судя по всему, эта сторона вопроса никогда не приходила ей в голову: «Призраки? Демоны? В Ампридатвире водятся самые странные существа».

«Без всякого сомнения!» — подтвердил Юлан. Взглянув на площадь, он прибавил: «Если хочешь, я провожу тебя домой. Может быть, ты мне позволишь переночевать где-нибудь в углу».

«Ты спас мне жизнь, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы тебе помочь. Но я не смогу провести тебя в наш чертог». Она смерила его взглядом и заметив зеленые бриджи Юлана, тут же отвернулась: «Начнется суматоха, потребуются бесконечные объяснения…»

«Значит, у тебя есть сожитель?» — изобретательно поинтересовался Юлан Дор.

Она на мгновение встретилась с ним глазами: странное кокетство, странный флирт — здесь, в тенях древнего Ампридатвира, девушка в домотканом сером плаще наклонила голову набок так, что ее светлые волосы опустились на плечо; элегантный Юлан Дор, темноволосый, с орлиным носом, твердо сохранял самообладание.

«Нет, — ответила она. — У меня еще никого нет». Какой-то тихий звук встревожил ее; она вздрогнула, боязливо обвела глазами пустынную

площадь: «Могут опять явиться гауны. Я покажу тебе безопасное место, а завтра мы еще поговорим…»

Девушка провела его под арку портика одной из башен, они поднялись на второй этаж: «Здесь тебя никто не тронет до утра». Она сжала ему руку: «Если подождешь, я принесу тебе что-нибудь поесть…»

«Я подожду».

Ее неуверенно дрожащий взгляд — ей постоянно хотелось отвести глаза — снова скользнул по его красному сюртуку, по зеленым бриджам: «И я принесу тебе плащ». Она ушла. Юлан видел, как она пробежала вниз по лестнице, вышла из-под арки и пропала в темноте подобно ночному призраку.

Юлан устроился на полу, покрытом мягким эластичным материалом, теплым на ощупь… «Странный город! — думал Юлан. — Странные люди, подчиняющиеся самым непонятным побуждениям. Или все они — на самом деле призраки?»

Несколько раз он начинал дремать, в конце концов забылся беспокойным сном и проснулся только тогда, когда бледно-розовая заря последних дней Земли стала просачиваться через

портик на лестницу.

Юлан Дор поднялся на ноги, растер заспанные глаза и, немного поколебавшись, спустился на первый этаж башни и вышел на улицу. Ребенок в серой блузе увидел его красный сюртук, заметил зеленые бриджи, сразу отвел глаза, в ужасе завопил и убежал на другую сторону площади.

Выругавшись себе под нос, Юлан отступил в тень под аркой. Он ожидал, что площадь окажется безлюдной. С враждебностью он мог бы справиться — от врагов можно было обороняться, от них можно было бежать, в конце концов. Но тот факт, что люди в ужасе от него разбегались, обезоруживал.

У входа бесшумно возникла фигура — девушка вернулась. В тень заглянуло ее бледное, тревожно осунувшееся лицо. Юлан Дор шагнул навстречу. Лицо девушки тут же изменилось — она улыбнулась.

«Я принесла тебе завтрак, — сказала она, — и приличную одежду».

Она положила перед нем ломоть хлеба и копченую рыбу, налила теплого травяного чаю из глиняного кувшина.

Пока Юлан ел, она наблюдала за ним. В их от-

ношениях чувствовалось напряжение; девушка была не вполне уверена в том, что поступает правильно, а Юлан ощущал, хотя и не понимал, ее беспокойство.

«Как тебя зовут?» — спросила девушка.

«Юлан Дор. А тебя?»

«Элаи».

«Элаи? И это все?»

«А что еще нужно? Разве одного имени не достаточно?»

«Нет-нет, вполне достаточно».

Она уселась перед ним на пол, скрестив ноги: «Расскажи мне о стране, откуда ты приехал».

«В наши дни почти весь Асколаис покрылся лесами, куда мало кто отваживается заходить. Я живу в древнем городе Кайине — пожалуй, он не моложе Ампридатвира — но у нас нет таких башен, как у вас, нет таких ползущих дорог. Мы живем в обветшалых дворцах из мрамора и дерева — даже бедняки и работяги находят место в пустующих роскошных усадьбах. Увы, иные великолепные здания разрушаются на глазах, потому что о них некому позаботиться».

«И какого ты цвета?» — слегка настороженно спросила она.

«Какая чепуха! — нетерпеливо отмахнулся

Юлан. — Мы носим одежду любой окраски, и никого не беспокоят те или иные цвета… Почему для тебя так важен цвет одежды? Например, почему ты носишь серое, а не зеленое?»

Девушка снова отвела глаза, нервно сжимая и разжимая кулаки: «Зеленое? Зеленый цвет — цвет демона Пансиу. Никто в Ампридатвире не носит зеленое».

«Еще как носят! — возразил Юлан. — Вчера я встретил двух рыбаков в зеленых блузах, и они провели меня в город».

Девушка печально улыбнулась и покачала головой: «Ты ошибаешься».

Юлан Дор выпрямился и замолчал. Через некоторое время он сказал: «Сегодня меня увидел ребенок. Он закричал от страха и убежал».

«Потому что на тебе красное, — объяснила Элаи. — Когда человек хочет отличиться и заслужить высокую репутацию, он надевает красный мундир и направляется к заброшенному храму Пансиу, чтобы найти потерянную вторую скрижаль Рогола Домедонфорса. Легенда гласит, что, когда серые найдут вторую скрижаль, они приобретут былую власть».

«Если храм заброшен, почему никто еще не нашел вторую скрижаль?» — сухо спросил Юлан.

Девушка пожала плечами и посмотрела куда-то вдаль: «Мы верим, что скрижаль охраняют призраки… В любом случае, иногда человека в красном, грабящего храм Каздала, обнаруживают и убивают. Поэтому человек в красном — всеобщий враг, и каждый считает своим долгом его прикончить».

Поднявшись на ноги, Юлан Дор закутался в принесенный девушкой серый плащ.

«Что ты собираешься делать?» — спросила она, тоже быстро поднимаясь с пола.

«Хотел бы взглянуть на скрижали Рогола Домедонфорса — на ту, что хранится в храме Пансиу, и на ту, что осталась в храме Каздала».

Элаи снова покачала головой: «Это невозможно. Заходить в храм Каздала разрешено только достопочтенным жрецам, а храм Пансиу сторожат призраки».

Юлан усмехнулся: «Если ты мне покажешь, где находятся эти храмы…»

Элаи сказала: «Я пойду с тобой… Но ни в коем случае не снимай серый плащ — иначе все это плохо кончится для нас обоих».

Они вышли на площадь, озаренную солнечным светом. По ней медленно бродили группы мужчин и женщин. Одни носили зеленую одежду,

другие — серую, и Юлан Дор не мог не заметить, что группы разных цветов никак друг с другом не общались и не взаимодействовали. Зеленые задерживались у небольших киосков, выкрашенных в зеленый цвет, где продавали рыбу, кожаные изделия, фрукты, муку, глиняную посуду и корзины. Серые торговались с продавцами в таких же киосках, окрашенных в серый цвет. Две стайки детей, одна в зеленых лохмотьях, другая — в серых, играли в нескольких шагах одна от другой, не разговаривая с детьми «другого цвета» и даже не обмениваясь с ними взглядами. Мяч, сделанный из перевязанного тряпья, откатился с того участка, где играли «серые» дети, туда, где устроились «зеленые». Сорванец в сером подбежал к мячу, остановившемуся у ног «зеленого» мальчугана, и подобрал его — причем ни тот, ни другой ни словом, ни жестом не показали, что видят друг друга.

«Странно! — пробормотал Юлан Дор. — Как странно!»

«Странно — что? — поинтересовалась Элаи. — Не вижу ничего странного».

«Посмотри на эту каменную опору, — протянул руку Юлан. — Ты видишь перед ней человека в зеленом плаще?»

Девушка взглянула на него в замешательстве: «Там никого нет».

«Там стоит человек, — настаивал Юлан. — Посмотри еще раз».

Элаи рассмеялась: «Ты шутишь! Или… может быть, ты умеешь видеть призраков?»

Юлан Дор покачал головой, признавая поражение: «Жители вашего города — жертвы какой-то непреодолимой магии».

Элаи провела его к одной из текущих дорог. Пока движущаяся лента несла их по городу, Юлан заметил стоявший на четырех колесах и напоминавший формой лодку корпус из блестящего металла с прозрачным куполообразным навершием.

Юлан удивился: «Что это?»

«Волшебный экипаж. Если залезть внутрь и потянуть на себя рычаг, древняя магия заставляет его ехать с большой скоростью. Бесшабашные юнцы иногда катаются на этих машинах по улицам… А такое ты видел? — девушка указала на другой, похожий металлический корпус, лежавший на боку в бассейне пересохшего фонтана. — Еще одно древнее чудо. Эта машина может летать по воздуху. Их очень много, они разбросаны по всему городу — обычно на пло-

щадках башен и на высоких террасах. Некоторые, как эта, упали и больше не работают».

«И никто на них не летает?» — поинтересовался Юлан.

«Мы их боимся».

Юлан Дор подумал: «Неплохо было бы позаимствовать один из воздушных экипажей!» Он сошел с текущей дорожки.

«Куда ты?» — тревожно спросила девушка, догоняя его.

«Хотел бы посмотреть поближе на одну из летающих машин».

«Будь осторожен, Юлан Дор! Говорят, они опасны…»

Юлан заглянул внутрь прозрачного купола и увидел сиденье с мягкой обивкой, несколько небольших рычагов, обозначенных непонятными символами, а также рифленое шарообразное навершие, смонтированное на металлическом стержне покрупнее.

Повернувшись к девушке, Юлан сказал: «Очевидно, это приборы управления… Как залезть внутрь этого купола?»

Элаи с сомнением указала на кнопку под куполом: «По-моему, если нажать вот здесь, купол откроется». Она нажала кнопку — купол отки-

нулся, высвободив волну застоявшегося воздуха.

«А теперь попробуем!» — заявил Юлан Дор. Он нагнулся, протянул руку в кабину и повернул вниз один из рычажков. Ничего не произошло.

«Будь осторожен, Юлан Дор! — испуганно повторила девушка. — С волшебством шутки плохи!»

Юлан повернул какую-то круглую ручку. Машина задрожала. Он прикоснулся к еще одному рычажку. Воздушная лодка вздрогнула, послышался необычный подвывающий звук. Купол кабины стал опускаться — Юлану пришлось срочно отдернуть руку. Купол плотно закрылся, защемив при этом край его серого плаща. Аппарат снова вздрогнул и внезапно сдвинулся с места, потащив за собой плащ — и вместе с ним Юлана.

Элаи вскрикнула и схватила Юлана за лодыжки, пытаясь остановить его. Юлан выругался и поспешно освободился от плаща. Тем временем магический аппарат приподнялся, пролетел над улицей по дуге, врезался в стену высотного здания и со звоном и скрежетом свалился на мостовую.

«В следующий раз, — почесав в затылке, размышлял вслух Юлан Дор, — нужно будет...»

Он замолчал, почувствовав напряжение в воздухе, и обернулся. Элаи уставилась на него, зажимая рот ладонью и выпучив глаза — так, словно готова была завопить.

Юлан посмотрел по сторонам. Медленно бредущие люди — и «серые», и «зеленые» — исчезли. Улица опустела.

«Элаи, — спросил Юлан, — почему ты так на меня смотришь?»

«Красное — среди бела дня! И штаны цвета Пансиу! Мы погибли, нам конец!»

«Ни в коем случае! — самоуверенно заявил Юлан Дор. — Пока у меня шпага в руке, никто…»

В этот момент на мостовую у его ног упал камень, появившийся словно ниоткуда. Гневно раздувая ноздри, Юлан озирался в поисках виновника.

Тщетно. Ни в дверных проемах, ни под арками, ни под портиками оснований башен никого не было.

Еще один камень, размером с кулак, ударил его в спину между лопатками. Мигом развернувшись, Юлан увидел только полуразвалившиеся фасады зданий, безлюдную улицу и текущую по ней блестящую ленту.

Третий камень просвистел над головой девуш-

ки; в тот же момент четвертый угодил Юлану в бедро.

Юлан осознал поражение — шпага не могла защитить его от камнепада. «Пора бежать…» — произнес он, едва увернувшись от большого куска каменной облицовки, грозившего раскроить ему череп.

«Вернемся на бегущую полосу, — глухим, безнадежным голосом сказала девушка. — Попробуем спрятаться где-нибудь на краю площади…» Описывая в воздухе ленивую параболу, очередной камень попал ей в щеку. Девушка вскрикнула от боли и упала на колени.

Юлан Дор зарычал, как зверь — он искал противника, он хотел убивать! Но вокруг не было ничего живого — ни мужчин, ни женщин, ни детей — хотя камни, метившие ему в голову, продолжали падать со всех сторон.

Нагнувшись, Юлан подхватил девушку на руки и забежал на быстро текущую середину блестящей полосы. Камнепад скоро кончился. Элаи открыла глаза, поморщилась, снова зажмурилась. «Все кружится, — шептала она. — Я сошла с ума. Мне почти привиделось…»

Юлан Дор заметил высотное здание, походившее на то, в котором он провел ночь. Сойдя

с движущейся ленты и продолжая нести девушку, как ребенка, он приблизился к портику. Он ошибся — вход загораживала хрустальная пластина. Пока он стоял, не понимая, что́ делать дальше, пластина растворилась прямо перед ним — образовался проход. Изумленный, Юлан не решался войти: опять какое-то колдовство древних строителей?

По меньшей мере это колдовство, судя по всему, ничем не угрожало. Юлан сделал два шага вперед. У него за спиной проход сократился и пропал — хрустальная пластина снова стала сплошной.

Он оказался в просторном помещении, пустом и холодном, хотя стены были украшены орнаментами из цветных металлов и роскошных эмалей. Напротив верхнюю часть стены занимало мозаичное панно, изображавшее мужчин и женщин в трепещущих на ветру свободных одеяниях, гулявших среди клумб в удивительно ярком, солнечном саду, танцевавших на лужайках, грациозно забавлявшихся играми…

«Очень красиво! — думал Юлан. — Но здесь не спрячешься от нападения». С обеих сторон куда-то вели пустые, отзывавшиеся эхом коридоры; впереди, под мозаикой, приютился небольшой

альков с полом, покрытым мерцающим ворсом — казалось, ворс этот сам излучал свет. Юлан зашел в альков с девушкой на руках. Его ступни приподнялись над полом, он стал легче пушинки, он парил в воздухе! Элаи тоже стала невесомой. Юлан хрипло закричал от неожиданности и судорожно попытался спуститься, но из этого ничего не вышло.

Он плавно поднимался, как сухой лист, подхваченный ветерком. Юлан приготовился к тошнотворному падению после завершения чудесного вознесения. Но мимо проплывали этажи, один за другим; ворсистая площадка внизу удалялась и становилась все меньше… «Потрясающее заклинание! — мрачно думал Юлан Дор. — Лишить человека способности стоять на своих двоих — они не могли придумать ничего лучше?» Рано или поздно волшебная сила должна была истощиться, и тогда… Тогда и он, и девушка разобьются в лепешку.

«Протяни руку, — слабым голосом сказала Элаи. — Возьмись за перекладину».

С некоторым трудом ему удалось дотянуться до металлического поручня и схватиться за него — все еще не веря своему спасению, он выбрался на площадку квартиры, состоявшей

из нескольких комнат. От мебели в помещениях остались только рассеянные кучки пыли.

Юлан положил девушку на мягкий пол. Та прикоснулась рукой к лицу, попробовала улыбнуться, но застонала: «Болит!»

Юлан Дор стоял и смотрел на нее с необычным ощущением бессилия и апатии.

Элаи сказала: «Не знаю, что нам делать. Теперь мне нельзя возвращаться домой. Так что мы умрем с голоду — нас больше никто не накормит».

Юлан язвительно рассмеялся: «Еды-то у нас будет сколько угодно — постольку, поскольку продавец в зеленом киоске неспособен заметить человека в сером плаще… Но есть вещи поважнее — в частности, скрижали Рогола Домедонфорса. По-видимому, они недоступны».

Девушка серьезно сказала: «Тебя убьют. Человеку в красном приходится драться со всеми подряд — ты же сам видел сегодня, что́ с тобой сделают. И даже если ты сможешь добраться до храма Пансиу, тебя ожидают потайные провалы, капканы, ядовитые дротики самострелов и охранники-призраки».

«Призраки? Чепуха. Они — люди, такие же, как ты, но только в зеленой одежде. Твой мозг отка-

зывается видеть людей в зеленом… Я слышал о таких вещах — внушение способно приводить к искажению восприятия».

Девушка обиделась: «Никто из нас их не видит. Может быть, ты сам страдаешь галлюцинациями».

«Может быть», — Юлан Дор невесело усмехнулся. Некоторое время они молча сидели в пыльной тишине древнего небоскреба, но в конце концов Юлан встрепенулся, нагнулся, обняв руками колени, и нахмурился. Летаргия предвосхищала поражение.

«Нужно подумать о том, как проникнуть в храм Пансиу».

«Нас прикончат», — без тени сомнения отозвалась Элаи.

Но Юлан уже заставил себя не поддаваться отчаянию: «Тебе не помешала бы толика оптимизма… Где найти еще один воздушный экипаж?»

Девушка изумленно уставилась на него: «Ты с ума сошел!»

Юлан Дор поднялся на ноги: «Где его найти?»

Элаи покачала головой: «Ты твердо решил погибнуть, так или иначе!» Она тоже встала: «Нужно подняться в колодце невесомости на самый верх этой башни».

Без малейших колебаний девушка шагнула в пустоту, и Юлан опасливо последовал ее примеру. Они воспарили на головокружительную высоту — внизу стены колодца сходились в неразличимую точку перспективы. Выступив на верхнюю площадку здания, они вышли на террасу, обдуваемую чистыми ветрами поднебесья. Отсюда можно было видеть вершины центральных гор острова; улицы Ампридатвира на таком расстоянии напоминали переплетения серых нитей. Городская гавань казалась маленьким бассейном, но море по-прежнему простиралось до горизонта.

На террасе стояли три летательных аппарата. Их эмалированные металлические корпуса блестели, как новые, их прозрачные купола из небьющегося стекла нисколько не помутнели от времени — машины словно только что спустились с неба.

Подойдя к ближайшему аппарату, Юлан Дор нажал на знакомую кнопку — послышалось тихое сухое шипение, и купол откинулся.

Внутренность экипажа была такой же, как в любом другом: перед широким мягким сиденьем находились несколько рычажков-переключателей и шар, смонтированный на стержне.

Древний материал обивки сиденья слегка затрещал, когда Юлан нажал на него ладонью; внутри кабины все еще чувствовался душный, застоявшийся воздух давно прошедших веков. Юлан забрался в кабину и устроился на сиденье. Элаи последовала за ним: «Я с тобой. Упасть и разбиться легче, чем голодать. И я не хочу, чтобы меня забили камнями — лучше быстрая смерть».

«Надеюсь, мы не упадем и не сдохнем с голоду», — отозвался Юлан Дор. Он стал осторожно пробовать то один, то другой рычажок управления, готовый сразу перевести его в исходное положение при появлении первых признаков опасности.

Купол кабины опустился у них над головами и защелкнулся. Контакты тысячелетних реле замыкались, кулачковые валы поворачивались, стержни энергоблоков выдвигались из замедлителей. Аэромобиль вздрогнул и поднялся в темно-синее небо навстречу красному Солнцу. Схватившись за шар на стержне перед сиденьем, Юлан скоро понял, как с его помощью можно было поворачивать нос аппарата направо и налево, вверх и вниз. Его охватило всепоглощающее, опьяняющее ликование человека, овладевшего способностью летать! Все оказалось проще,

чем он себе представлял. Летать было проще, чем ходить! Юлан перепробовал все приборы управления и вскоре научился зависать в воздухе на одном месте, опускаться, замедляться. Он нашел рукоятку, изменявшую скорость полета, и отжал ее до упора — ветер громко засвистел за прозрачной оболочкой купола. Они летели над морем все дальше и дальше, пока остров не превратился в голубоватый силуэт на горизонте. Юлан направлял металлическую птицу то вниз, то вверх — сначала они мчались над самой морской рябью, поднимая брызги завихрениями воздуха за кормой, потом вознеслись сквозь туманные клочья подсвеченных малиновым заревом перистых облаков.

Элаи успокоилась и сидела в восхищенном молчании. Девушка изменилась. Казалось, она стала скорее спутницей Юлана Дора, нежели обывательницей Ампридатвира. В ней порвалась какая-то внутренняя связь с прошлым. «Давай улетим! — сказала она. — Будем лететь все дальше и дальше, над морями и лесами, над всем миром…»

Юлан Дор искоса поглядывал на спутницу. Здесь, в солнечной кабине чудесной металлической птицы, девушка словно светилась

красотой — она выглядела чище, изящнее, сильнее женщин, которых он знал в Кайине. Юлан с сожалением заметил: «Улетев слишком далеко, мы наверняка умрем с голоду. Мы не умеем выживать в дикой местности — ни ты, ни я. Кроме того, я обязался найти скрижали…»

Элаи вздохнула: «Хорошо! Пусть нас убьют. Какая разница? Вся Земля умирает…»

Наступил вечер, и они вернулись в Ампридатвир. «Смотри! — девушка протянула руку. — Там — храм Каздала, а здесь — храм Пансиу».

Юлан опустил воздушное судно так, чтобы оно зависло над храмом Пансиу: «Где вход?»

«Под большой аркой. Там на каждом шагу какая-нибудь ловушка».

«А мы туда пролетим», — напомнил Юлан.

Воздушный экипаж опустился почти к смой земле и проскользнул под аркой.

Руководствуясь смутным источником света впереди, Юлан пролетел вдоль темного прохода и под еще одной аркой — они оказались в центральном нефе храма.

Скрижаль была установлена на постаменте, окруженном, наподобие укрепленной цитадели, всевозможными средствами защиты. Перед постаментом темнел глубокий ров, за ним путь

прегражда́ла толстая стеклянная стена. За стеной начинался еще один ров, заполненный серни-сто-желтой жидкостью, а по другую сторону рва дремали пятеро охранников. Не замеченный охраной, летательный аппарат Юлана Дора взмыл под сумрачные своды храма и завис над постаментом.

«Приготовься!» — пробормотал Юлан и быстро опустил машину. До блестящей скрижали можно было дотянуться рукой. Юлан открыл купол кабины. Элаи перегнулась через борт и схватила блестящую табличку. Пятеро охранников яростно взревели и бросились к висящему над постаментом экипажу.

«Назад!» — закричал Юлан Дор, тут же отразив шпагой брошенное в него копье. Девушка нырнула в кабину со скрижалью в руке, и Юлан сразу закрыл купол. Охранники запрыгивали на корпус аэромобиля, цепляясь за гладкий металл, и колотили по куполу кулаками. Аппарат поднялся высоко под своды храма — один за другим сторожа соскальзывали с корпуса и с воплями падали вниз.

Юлан и Элаи стремительно пролетели под обеими входными арками и вынырнули наружу, под темное небо. За кормой, на крыше храма,

оглушительно взревела сирена.

Юлан Дор рассматривал драгоценную добычу — овальную плоскую табличку из прозрачного материала, покрытую дюжиной строк непонятных маленьких символов.

«Мы победили! — восхищенно лепетала Элаи. — Ты — властелин Ампридатвира!»

«Осталось добыть вторую половину, — возразил Юлан. — Скрижаль из храма Каздала».

«Но… это безумие! Ты уже получил…»

«Одна скрижаль бесполезна без другой».

Девушка продолжала возбужденно возражать и замолчала только тогда, когда их воздушный экипаж завис перед входной аркой храма Каздала.

Продвигаясь под сводом сумрачного прохода, машина задела какую-то натянутую проволоку — из потолочного желоба вывалилась масса камней. Отскочив от обтекаемого корпуса, первый камень толкнул машину в сторону. Юлан выругался: теперь охрану нельзя было застать врасплох.

Он потихоньку летел под самым сводом, чтобы держаться в тени. Вскоре появились два сторожа с факелами в руках; осторожно выбирая дорогу среди ловушек, они искали причину обвала.

Как только они прошли под машиной, Юлан нажал на рычаг акселератора и вынырнул из-под второй арки в просторный неф храма. Так же, как в храме Пансиу, скрижаль блестела на возвышении посреди устрашающей внутренней крепости.

Здесь охранники не дремали, напряженно глядя в сторону входа.

«Да поможет нам дерзость!» — сказал Юлан Дор. Он стремительно пролетел над ограждениями, ямами-западнями и рвом, наполненным пузырящейся жидкостью, приземлился радом с центральным постаментом, открыл купол кабины и выпрыгнул наружу. Охранники бежали к нему, замахнувшись копьями, но он успел схватить табличку. Первый из охранников швырнул копье; взмахнув шпагой, Юлан отбил древко на лету и бросил скрижаль в кабину аэромобиля.

Охрана уже подоспела: если бы Юлан попытался залезть в кабину, его проткнули бы сзади насквозь. Вместо этого он бросился в атаку: разрубил пополам копье второго охранника и подрезал тому плечо обратным движением шпаги, схватил древко третьего и потянул его к себе — тот напоролся на острие клинка. Первый сторож боялся подступиться и звал других на подмогу. Юлан

Дор повернулся и вскочил в кабину. Первый охранник подбежал и попробовал оттащить его назад. Юлан, не глядя, ткнул шпагой через плечо и попал противнику в щеку. Истекая кровью, тот отшатнулся с истерическим воплем. Юлан Дор потянул на себя подъемный рычаг — машина взмыла в воздух и понеслась к выходу.

Как только они вылетели, сирена на крыше храма Каздала стала вторить разносившемуся по всему городу хриплому вою сирены храма Пансиу.

Воздушный экипаж спокойно дрейфовал высоко в небе.

«Смотри!» — воскликнула Элаи, схватив Юлана за предплечье. Толпы мужчин и женщин с факелами — и «серых», и «зеленых» — в панике теснились на улицах, разбуженные сиренами.

Элаи ахнула: «Я их вижу! Вижу! Людей в зеленом! Как это может быть? Неужели они всегда…»

«Наваждение кончилось, — отозвался Юлан. — И не только для тебя. Там, внизу, они тоже впервые увидели друг друга…»

Впервые за много веков «серые» смотрели на «зеленых», а «зеленые» — на «серых». Их лица морщились, искажались нервными гримасами. Юлан Дор видел, как в дрожащем зареве факелов

они с отвращением отшатывались друг от друга, слышал раздававшиеся со всех сторон выкрики: «Демон!… Демон!… Серый призрак!… Мерзкий зеленый бес!»

Тысячи одержимых с факелами в руках толпились, обменивались угрожающими взглядами и оскорблениями, но избегали прикасаться друг к другу, вскрикивая от ненависти и страха. «Все они спятили, — думал Юлан. — У них у всех что-то случилось с мозгами…»

Словно по сигналу, толпа принялась неистово драться — с улиц доносился яростный рев, от которого холодела кровь. Элаи отвернулась, ее плечи содрогались от плача. Внизу творились ужасные вещи, никто никого не жалел — ни женщин, ни детей; если человек носил одежду другого цвета, значит, он заслуживал смерти!

По краям дерущейся под машиной толпы стали раздаваться особенно громкие, радостно лающие звуки: появилась дюжина лениво передвигавшихся гаунов — их белые черепа возвышались над «серыми» и «зелеными». Они хватали всех, кто попадался под руку, вспарывали им животы, ломали конечности, рвали их на части. Взаимная ненависть горожан уступила место страху. «Зеленые» и «серые» разделились и разбежались

по домам. Через некоторое время на улицах остались только шаркающие по окровавленной мостовой гауны.

Юлан Дор наконец поднял глаза и схватился за голову: «Что я наделал? Все это из-за меня?»

«Рано или поздно это должно было случиться, — глухо отозвалась Элаи. — Если бы Солнце не погасло раньше».

Юлан поднял с сиденья две блестящие таблички: «Вот оно, заветное сокровище! Скрижали Рогола Домедонфорса. За ними я плыл тысячу лиг по Мелантинской Пучине. А теперь они у меня в руках. Надо сказать, выглядят они, как бесполезные куски стекла...»

Воздушный экипаж парил высоко в небе, и развалины Ампридатвира отражали лучи бесчисленных звезд, как тусклые кристаллы. Пользуясь индикаторами панели управления в качестве источника света, Юлан Дор совместил две овальные таблички. На них появились многочисленные черточки, соединившиеся в символы, и символы стали словами древнего чародея:

«Неразумные дети мои! Рогол Домедонфорс умирает — но ему суждено жить вечно в Ампридатвире, который он любил и которому он служил! Когда рассудок и стремление к добру

позволят восстановить в городе мир и порядок — или когда очередная кровавая баня отучит вас от стадного легковерия и потворства бессмысленным страстям, когда погибнут все, кроме самых выносливых и предусмотрительных — тогда прочтут эти скрижали. Тому, кто видит эти строки, я говорю: ступай к башне Судьбы, к башне с желтым куполом, поднимись на самый ее верх и покажи красное левому глазу Рогола, желтое — правому, а затем синее — обоим глазам. Сделай, что я говорю, и ты обретешь власть Рогола Домедонфорса!»

«Где башня Судьбы?» — спросил Юлан Дор.

Элаи покачала головой: «У нас есть башня Родейля, Красная башня, башня Визгливого Призрака, башня Звонких Труб, Птичья башня и башня Гаунов — но про башню Судьбы я никогда не слышала».

«Но тебе известна башня с желтым куполом?»

«Не помню».

«Что ж, утром мы ее найдем».

«Утром…» — девушка сонно прислонилась к плечу Юлана.

«Утром…» — повторил Юлан, поглаживая ее светлые волосы.

Когда взошло старое красное Солнце, они медленно пролетели над городом. Обитатели Ампридатвира уже проснулись — всеобщая резня возобновилась еще перед рассветом.

Теперь убийства стали не такими дикими и необузданными, как ночью. Теперь они планировались заранее. Шайки мужчин прятались, устраивая западни зазевавшимся противникам, или вламывались в дома и душили женщин и детей.

«Похоже на то, что скоро в Ампридатвире не останется никого, кому могло бы оказаться полезным могущество Рогола», — пробормотал Юлан Дор. Повернувшись к Элаи, он спросил: «У тебя есть родители? Ты не боишься за жизнь своих родных?»

Девушка покачала головой: «Моих родителей съели гауны. Всю жизнь я прожила с братом отца. Он — скучный и противный самодур».

Юлан Дор отвернулся — и тут же увидел желтый купол. Таких куполов больше нигде не было — он нашел башню Судьбы.

«Вот он!» — Юлан протянул руку и повернул летающую машину к желтому купулу.

Приземлившись на одной из террас, они прошли по пыльным коридорам к антигравита-

ционному колодцу и поднялись на верхний этаж. Там они обнаружили небольшое помещение, украшенное яркими панно, изображавшими собрание городской знати: мужчины и женщины в разноцветных шелковых одеяниях беседовали и пировали. В центральной части этой панорамы, напротив входа, придворные почтительно обращались к правителю-патриарху — суровому старцу с горящими глазами и седой бородой. Старец, облаченный в пурпурную мантию с черной каймой, сидел в кресле из резного дерева.

«Рогол Домедонфорс!» — едва слышно произнесла Элаи, и в небольшом зале наступила тишина — все вокруг словно затаилось. Юлан Дор и девушка чувствовали, что их дыхание всколыхнуло давно застывший без движения воздух; глаза, смотревшие со стен, сверлили их…

«Красное показать левому глазу, — нарушил молчание Юлан. — Желтое — правому. Синее — обоим глазам. Что ж, в коридоре я видел синие кафельные плитки, и на мне — красный сюртук».

Они нашли и отломили от стены две синие плитки, а затем и желтый кусок мозаики, после чего Юлан Дор оторвал полоску от манжеты своего сюртука, поднес красный обрывок к левому

глазу портрета старца, желтую мозаику — к правому и, наконец, синие плитки к обоим глазам.

Что-то щелкнуло, послышались скрип и жужжание — словно где-то неподалеку проснулась сотня пчелиных ульев.

Часть стены отодвинулась, открылся проход с ведущими вверх ступенями. Юлан поднялся по ступеням; Элаи следовала за ним по пятам.

Они взошли на залитую дневным светом площадку под куполом башни. В центре на подставке стоял блестящий цилиндр из черного стекловидного материала, с закругленным верхом.

Жужжание усиливалось, сливаясь в высокий ноющий гул. Черный цилиндр задрожал, стал почти прозрачным, размягчился и чуть оплавился. В глубине его виднелась белесая комковатая масса — мозг?

Цилиндр ожил.

Из него протянулись во все стороны колеблющиеся псевдоподии. Прижавшись друг к другу, Юлан и Элаи смотрели, как завороженные. На конце одного из черных щупалец вырос глаз, на конце другого образовалось ротовое отверстие. Глаз внимательно рассмотрел молодого человека в красном сюртуке и девушку в сером плаще.

«Приветствую вас из бездны прошлого, доб-

ро пожаловать! — весело произнес черный рот. — Значит, вы пришли наконец — пришли разбудить Рогола Домедонфорса? Что ж, я неплохо выспался, хотя мне показалось, признаться, что я спал слишком долго. Сколько времени прошло? Двадцать лет? Пятьдесят? Посмотрим, посмотрим...»

Глаз на щупальце повернулся к прозрачной трубке на стене, заполненной на четверть серым порошком. Черный рот вскрикнул от удивления: «Почти вся энергия истрачена! Сколько же я проспал? Период полураспада — тысяча двести лет... Больше пяти тысяч лет!» Глаз снова повернулся к Юлану и Элаи: «Кто же вы, тогда? И где мои сварливые подданные, поклонники Пансиу и Каздала? Значит, они давно друг друга перебили и вымерли?»

«Увы! — с неловкой усмешкой ответил Юлан Дор. — Они все еще дерутся на улицах».

Щупальце с глазом на конце быстро вытянулось и проникло через окно. Глаз смотрел на город. Белесая масса в глубине цилиндра всколыхнулась и прониклась изнутри бледно-оранжевым свечением. Черный рот снова заговорил — на этот раз гневно, с пугающей резкостью. У Юлана мурашки пробежали по спине — он

почувствовал, как пальцы Элаи сжались у него на руке.

«Пять тысяч лет! — кричал голос чародея. — Пять тысяч лет, и эти мерзавцы еще не помирились? Даже время не смогло их ничему научить? Придется прибегнуть к средствам посильнее. Рогол Домедонфорс покажет им, где раки зимуют! Узрите и трепещите!»

По всему огромному городу разнеслись сотни резких хлопков. Юлан Дор и Элаи поспешили к окну и взглянули вниз. На улицах происходило нечто неописуемое.

Двери трехметровых порталов, ведущих в подземелья, распахнулись. Из каждого выползло гигантское щупальце полупрозрачного черного вещества, из которого состояли текущие полосы тротуаров.

Приподнявшись в воздух, щупальца разветвились на сотни отростков — они преследовали убегавших в ужасе жителей Ампридатвира, хватали их, срывали с них серые и зеленые одежды, а затем, вознося их высоко над крышами, опускали на обширную центральную площадь. Скоро тысячи людей — все оставшееся население Ампридатвира — толпились на площади, поеживаясь от прохладного утреннего ветерка,

и никто из них не мог различить ни «серых», ни «зеленых», потому что все они остались в чем мать родила.

«У Рогола Домедонфорса нынче длинные руки! — гремел голос чародея. — Сильные, как притяжение планет, всевидящие, как воздух!»

Голос исходил ниоткуда и отовсюду.

«Я — Рогол Домедонфорс, последний правитель Ампридатвира! До чего вы опустились? Прозябаете в трущобах, поедаете отбросы? Смотрите же: во мгновение ока я исправлю недосмотр, продолжавшийся пять тысяч лет!»

Черные щупальца обросли тысячами придатков — отвердевших острых резаков, форсунок, плюющихся голубым пламенем, чудовищных ковшей — и на стебле каждого придатка образовался глаз. Бесчисленные щупальца рыскали по всему городу, и везде, где они находили руины, разрушение и признаки обветшания, щупальца копали, крушили, плавили, жгли, тут же заменяя старые материалы новыми. Там, где они заканчивали работу, вместо трущоб и развалин возникали блестящие новизной постройки.

Тысячерукие щупальца собирали мусор, накопившийся за века; нагруженные ковши вращались в воздухе, как огромные пращи,

швыряя рухлядь далеко в море. И всюду, где оставались следы унылой серой или зеленой краски, щупальца стирали их и наносили орнаменты из множества ярких пигментов.

Вдоль каждой улицы вытягивались чудовищные черные корни с отростками, залезавшими в каждую башню и в каждое жилище, заполнявшими каждую площадь и каждый городской парк — разрушая и расчищая, сооружая и ремонтируя. Рогол Домедонфорс опутал и пропитал собой весь Ампридатвир так же, как корни дерева охватывают и пронизывают почву.

Люди едва успели вздохнуть несколько раз, как вместо привычных им развалин вокруг возник сияющий новорожденный город — гордый, бесстрашно бросающий вызов красному Солнцу.

Юлан Дор и Элаи наблюдали за происходящим в полубессознательном ошеломлении — воображение не справлялось с реальностью. Неужели это было возможно? Неужели мог существовать всесильный разум, способный снести целый город и заменить его новым за считанные минуты?

Текучие черные щупальца сновали по холмам на окраине, погружаясь в пещеры, где дремали вялые обожравшиеся гауны. Каждое из чудищ

было схвачено за шею, перенесено над городом и подвешено над площадью, где толпились горожане. Сотни гаунов болтались и тряслись над головами испуганных обнаженных людей — кошмарные плоды на ветвях невероятного дерева.

«Смотрите! — хвастливо и дико кричал голос создателя обновленного города. — Вы их боялись? Вы их кормили собой? Смотрите же, что с ними сделает Рогол Домедонфорс!»

Щупальца хлестко запустили в небо несколько сотен гаунов — описывая крутые дуги над городом, кувыркающиеся тела пещерных чудищ дождем нырнули в пучину моря.

«Чародей спятил, — прошептал Юлан на ухо своей спутнице. — Тысячелетия повредили его мозг!»

«Перед вами новый Ампридатвир! — гремел повсеместный голос. — Смотрите же на него в первый и в последний раз! Ибо наступил ваш последний день! Вы доказали, что недостойны своего прошлого — недостойны поклоняться богу истинному, Роголу Домедонфорсу! Двое, разбудившие меня, породят население моей новой столицы…»

Юлан Дор начинал не на шутку тревожиться. О чем говорил чародей? Ему, Юлану, предсто-

яло плодиться и размножаться в опустевшем гигантском городе под каблуком спятившего всемогущественного всезнайки?

Нет уж!

Скорее всего, ему больше никогда не представится возможность оказаться так близко от сумасшедшего мозга.

Одним взмахом он выхватил шпагу, погрузил ее острие в полупрозрачный размягченный цилиндр и пронзил мозг, насадив его на стальной клинок.

Воздух содрогнулся от исполинского, неслыханного на Земле вопля. Люди на площади крутились на месте, падали и корчились, зажимая уши ладонями.

Обхватившие город щупальца Рогола хлестали по мостовым и зданиям в лихорадочной инстинктивной агонии, подобно конечностям обезглавленного насекомого. Великолепные башни рушились, горожане с криками разбегались кто куда посреди катаклизма более разрушительного, чем землетрясение.

Юлан Дор и Элаи выбежали на террасу, где они оставили летающую машину. У них за спиной слышалось хриплое, почти бессвязное бормотание: «Я… еще… не умер… нет! Если даже все

потеряно… если даже приходит конец… всем моим мечтам… вас двоих… вас двоих я убью!»

Юлан и девушка вскочили в кабину воздушного экипажа, и Юлан сразу направил машину как можно выше в небо. Явно приложив огромное усилие, умирающий чародей остановил одно из беспорядочно метавшихся черных щупалец и вскинул его, чтобы схватить аэромобиль. Юлан круто повернул к морю. Щупальце стремительно вытягивалось, чтобы преградить им путь.

Юлан Дор отжал до упора рычаг акселератора — воздух свистел и выл за оболочкой купола. Но прямо перед ними покачивалась в небе гигантская черная рука умирающего бога, пытавшаяся поймать сверкающую мошку, нанесшую богу непоправимый ущерб.

«Быстрее! Быстрее!» — умолял машину Юлан.

«Поднимись выше, — шептала девушка. — Выше!»

Юлан заставил аппарат круто подниматься в небо; чудовищное щупальце напряглось, превратившись в дугу, застывшую наподобие укоренившейся в городе черной радуги — но не смогло дотянуться до машины.

Рогол Домедонфорс умер. Щупальце рассеялось клубами дыма, плывущими в сторону моря.

Юлан летел с максимальной возможной быстротой, пока остров не скрылся за горизонтом. Только тогда он сбавил скорость, вздохнул и расслабился.

Элаи внезапно бросилась ему на плечо и разразилась истерическими рыданиями.

«Тише, тише! — уговаривал ее Юлан Дор. — Мы сбежали. Мы навсегда сбежали из этого проклятого города».

Через некоторое время девушка успокоилась и спросила: «И куда теперь?»

Со свойственным ему расчетливым скептицизмом Юлан Дор поглядывал то на панель управления, то на морской горизонт: «Кандив не получит секрет древней магии. Но я смогу рассказать ему чудесную историю — может быть, он этим удовольствуется… Конечно, он потребует отдать ему воздушный экипаж. Но я что-нибудь придумаю… что-нибудь придумаю…»

Элаи шептала: «Разве мы не можем лететь на восток — все дальше и дальше — пока не найдем то место, откуда восходит Солнце. Может быть, там будет мирный зеленый луг или фруктовый сад…»

Юлан Дор посмотрел на юг и вспомнил тихие ночи и позлащенные винно-багровыми лучами

дни Кайина, просторный дворец, где он жил, удобный диван с видом на залив Санреале, кроны многовековых олив, праздничное шутовство ряженых…

«Элаи, тебе понравится Кайин», — сказал он.

6. Гайял Сфирский

Гайял Сфирский появился на свет не таким, как другие, и с ранних лет немало досаждал своему родителю. Будучи внешне нормального телосложения, Гайял постоянно ощущал умственную пустоту, нуждавшуюся в заполнении — как если бы некто наложил на него с рождения издевательское заклятие, смущавшее дух ребенка так, чтобы любые явления и события превращались для него в источники изумления и неизбывного любопытства. Еще не достигнув четырехлетнего возраста, Гайял задавал самые необычные вопросы:

«Почему у квадрата больше сторон, чем у треугольника?»

«Как мы сможем видеть, когда погаснет Солнце?»

«Растут ли цветы на дне океана?»

«Кипит ли вода на звездах, когда по ночам идет дождь?»

На что его нетерпеливый родитель отвечал следующим образом:

«Таково правило, опубликованное в „Прагматике“ — квадраты и треугольники вынуждены

его соблюдать».

«Нам придется передвигаться на ощупь».

«Я никогда не спускался на дно океана; с этим вопросом следует обратиться к Куратору».

«Вода ни в коем случае не кипит на звездах, потому что звезды гораздо выше туч, из которых идет дождь — звезды реют в безвоздушном пространстве, где влаги недостаточно для образования облаков».

По мере того, как Гайял подрастал, любознательная пустота в его уме, вместо того, чтобы зарасти паутиной привычек и предрассудков, ощущалась все острее и причиняла ему мучительное беспокойство. Гайял спрашивал:

«Почему люди умирают, когда их убивают?»

«Куда пропадает красота, когда она пропадает?»

«Как давно люди живут на Земле?»

«Что́ над небом?»

С трудом сдерживая язвительное раздражение, его родитель ответствовал:

«Смерть — неизбежное следствие жизни; жизнь человеческая подобна воздуху в пузыре. Проткни пузырь — и жизнь истекает из него, испаряется, как бледнеющее воспоминание о ярком сновидении».

«Красота — внешний блеск, которым любовь обманывает глаза любящего. Поэтому можно сказать, что только мозг, не знающий любви, способен смотреть и не видеть красоту».

«Кое-кто считает, что люди вылезли из-под земли, как личинки из трупа. Другие придерживаются того мнения, что первые люди, нуждаясь в месте проживания, создали Землю, пользуясь колдовскими чарами. Кто из них прав? Трудно сказать — вопрос этот осложняется множеством тонкостей и деталей; правильный ответ на него может дать только Куратор».

«Над небом — бесконечная пустота».

Но Гайял продолжал размышлять, предлагая различные объяснения и выдвигая всевозможные предположения — в связи с чем за спиной над ним уже начинали насмехаться. В округе распространялись слухи о том, что глефт посетил мать Гайяла во время родовых схваток и похитил часть его мозга, каковой ущерб он теперь пытался изобретательно восполнить.

Поэтому Гайял стал сторониться общения и бродил по травянистым холмам Сфира в одиночестве. Но ум его непрерывно стремился приобретать новые знания — он жадно впитывал все сведения, какие мог раздобыть, пока отец

Гайяла, доведенный до крайности, не отказался наконец выслушивать дальнейшие расспросы, объяснив свое решение тем, что бесконечное удовлетворение любопытства невозможно, так как человечеством уже изучено все, что могло быть изучено, и что лишние бесполезные подробности преданы заслуженному забвению, а того, что осталось, более чем достаточно для любого здравомыслящего человека.

К тому времени Гайяла уже нельзя было назвать ребенком — он превратился в худощавого, пропорционально сложенного юношу с большими ясными глазами, предпочитавшего одеваться строго, но элегантно; о снедавшей его внутренней тревоге свидетельствовали только слегка опущенные уголки плотно сжатого рта.

Выслушав гневную декларацию отца, Гайял сказал: «Еще один единственный вопрос — и я больше не буду тебе докучать».

«Говори! — поспешил согласиться его родитель. — Я отвечу на еще один, последний вопрос!»

«Обсуждая со мной разные вещи, ты нередко ссылался на некоего Куратора. Кто он, и где я мог бы его найти, чтобы утолить жажду знаний?»

Некоторое время отец пристально смотрел на Гайяла, подозревая, что его отпрыск находился на грани сумасшествия. Затем он спокойно произнес: «Куратор охраняет Музей Человека. Согласно древним легендам, музей этот находится в степи Рухнувшей Стены — за горами Фер-Акила, к северу от Асколаиса. Не могу утверждать, что Куратор или его музей все еще существуют; тем не менее, если доверять легендам наших предков, Куратору известно все, что может быть известно. Таким образом, он мог бы дать исчерпывающий ответ на любой, самый головоломный вопрос».

«Я найду Куратора и Музей Человека, — заявил Гайял, — чтобы понять все, что можно понять».

Отец Гайяла терпеливо произнес: «Я подарю тебе моего прекрасного белого коня, мою Безразмерную Ячею, дабы она служила тебе убежищем, и мой Сверкающий Кинжал, рассеивающий ночную тьму. Кроме того, я благословлю избранную тобой тропу, чтобы опасности избегали тебя — в той мере, в какой ты не сойдешь с этой тропы».

С языка Гайяла готовы были сорваться сотни вопросов — в частности, его интересовало, где и каким образом его отец приобрел упомянутые магические средства. Тем не менее, он промолчал и принял отеческие дары: коня,

волшебное убежище и кинжал со светящейся сферической головкой рукоятки, а также благословение, предохранявшее от нежелательных случайностей, нередко докучавших путникам на сумрачных тропах Асколаиса.

Оседлав коня и наточив клинок кинжала, Гайял бросил последний взгляд на окрестности старой доброй усадьбы владетеля Сфира и отправился на север, чувствуя, как лакуна в его уме пульсировала, нетерпеливо ожидая заполнения знаниями.

Он переправился через реку Скаум на старой барже, служившей паромом. Так как Гайял временно покинул избранную тропу, находясь на пароме, перевозчик, завидовавший роскошным пожиткам молодого человека, решил огреть его дубинкой по голове и ограбить. Гайял, однако, предугадал намерение паромщика и отразил удар, после чего отправил мерзавца пинком за борт, в глубокие мутные воды Скаума. Тот захлебнулся и утонул.

Взобравшись на северный берег реки, Гайял увидел впереди Порфироносный обрыв, а за ним — темные силуэты тополей и белые колонны Кайина на фоне тускло блестевшего залива Санреале.

Бродя по разбитым мостовым городских улиц, юноша приставал к обывателям с бесконечными расспросами, пока один из прохожих, отличавшийся ироническим складом характера, не порекомендовал ему обратиться к профессиональному авгуру.

Гайял нашел авгура в будке, размалеванной священными символами Авмоклопеластианической Кабалы. Оракулом оказался костлявый смуглый старец с покрасневшими глазами и грязной седой бородой.

«Сколько вы берете, и за что?» — осторожно осведомился Гайял.

«Я отвечаю на три вопроса, — охотно пояснил авгур. — За двадцать терциев я формулирую ответ в виде ясных, недвусмысленных рекомендаций. Если мне платят десять терциев, я отвечаю гимническими песнопениями, осмысление каковых может отличаться некоторой неопределенностью. За пять терциев я отвечу притчей, истолкование которой будет зависеть исключительно от вас. Получив один терций, я бормочу на тарабарском наречии».

«Предварительно, однако, я хотел бы осведомиться о глубине ваших познаний».

«Я всеведущ, — заверил его оракул. — Мне из-

вестно всё: тайны красного и черного, забытые заклинания Великого Мофолама, намерения рыб и птичьи разговоры».

«И каким образом вам удается все это узнать?»

«Исключительно индуктивным методом, — без тени смущения заявил оракул. — Я ухожу в свою будку, запираюсь в ней так, чтобы в нее не проникал ни один проблеск света и, полностью отгородившись от мира, постигаю его сокровенные тайны».

«Почему же, располагая столь драгоценными сведениями, вы прозябаете в нищете? — поинтересовался Гайял. — Вы кутаетесь в какое-то рваное тряпье, а ваши ребра напоминают стиральную доску».

Старый гуру разозлился, отступил на шаг и закричал: «Давай, проваливай! Подумаешь, умник нашелся! Ты уже выудил из меня мудрости на пятьдесят терциев, а у самого ни гроша в мошне! Желаешь просветиться? — оракул усмехнулся. — Обращайся к Куратору». С этими словами мошенник скрылся в будке и захлопнул за собой дверь.

Гайял переночевал на постоялом дворе, а поутру снова направился на север. Безлюдные руины Старого Города остались в стороне — тропа вела

его направо, в сказочный лес.

День за днем Гайял ехал на север, строго придерживаясь тропы, чтобы не подвергнуться никаким злоключениям. По ночам он окружал себя и коня волшебным убежищем Безразмерной Ячеи — оболочкой, непроницаемой для зубов и когтей, чар и сглазов, давления, шума и холода; таким образом он спокойно отдыхал в пути, несмотря на любые потуги алчных исчадий мрака.

Огромный тусклый шар Солнца заходил у него за спиной; дневной свет мало-помалу бледнел, а ночи становились морозными. Наконец он заметил на северном горизонте зубчатую полоску утесов Фер-Акилы.

Лес редел, деревья становились приземистыми; здесь чаще всего встречались даобады — округлые переплетения толстых сучковатых ветвей с лощеной красновато-бронзовой корой, обросшие сферическими шапками темной листвы. Неподалеку от гигантского представителя этой разновидности Гайялу повстречалось селение — россыпь покрытых дерном землянок. Тут же появилась шайка угрюмых деревенских увальней, окруживших Гайяла и разглядывавших его так, словно из лесу вышел какой-то диковинный

зверь. Гайял, движимый не меньшим любопытством, готов был задавать вопросы, но никто ничего не говорил, пока не подошел гетман — коренастый мужик в косматой меховой шапке, обросший колючей щетиной настолько, что трудно было понять, где кончалась его борода и начиналась растрепанная шерсть его темной камвольной бурки. От гетмана исходила кислая вонь, но Гайял из вежливости старался никак не проявлять свое отвращение.

«Куда идешь?» — спросил гетман.

«Я хотел бы перевалить через горы и найти Музей Человека, — объяснил Гайял. — Как туда проще всего попасть?»

Гетман указал на выемку в силуэте хребта: «Видишь ущелье? Это Провал Омона. Там нет тропы, но если ты пройдешь по Провалу, тебе не придется забираться в горы. Туда никто не ходит, однако, и оттуда никто не приходит, потому что за Провалом — неведомые земли. А раз туда никто не ходит, то, само собой, там нет никакой тропы».

Полученные сведения не обрадовали Гайяла.

«Если там никто не был, откуда вы знаете, что Провал Омона приведет меня к Музею?»

Гетман пожал плечами: «Это общеизвестно

с незапамятных времен».

Услышав какую-то шаркающую возню, Гайял обернулся и увидел загон, обнесенный плетнем из лозняка. На замызганной нечистотами, утрамбованной соломенной подстилке стояли несколько неуклюжих мужчин трехметрового роста. Голые, но покрытые грязной клочковатой шерстью желтоватого оттенка, они уставились на Гайяла водянистыми голубыми глазами. На их заплывших лицах застыло выражение безмятежной тупости. Пока Гайял их разглядывал, один из великанов прошлепал к кормушке и принялся заглатывать, шумно прихлебывая, серую кашу-размазню.

«Кто это такие?» — удивился Гайял.

Гетман моргнул: он тоже удивился — невежеству чужеземца: «Это овсты, кто еще?» Указав на белого коня Гайяла, гетман с неодобрением заметил: «Никогда еще не видел такого безобразного овста! Как ты умудряешься на нем ездить? Наши овсты гораздо удобнее и не такие зубастые. Кроме того, овстятина — вкуснейшее мясо, если его правильно потушить и обжарить».

Подойдя поближе, гетман погладил металлическую дугу седла Гайяла и красную попону коня, расшитую желтыми узорами: «Убранство у тебя,

однако, богатое, редкостной выделки. Поэтому я готов обменять на эту тварь самого крупного, сильного овста. Что скажешь?»

Гайял вежливо отказался на том основании, что белый конь его вполне устраивал, и гетман пожал плечами.

С порога одной из землянок кто-то протрубил в рог. Гетман оглянулся и снова повернулся к Гайялу: «Трапеза готова. Хочешь есть?»

Взглянув на загон с овстами, Гайял ответил: «Нет, в данный момент я не голоден. Кроме того, мне нужно спешить. Тем не менее, я благодарен за ваше приглашение».

Гайял направился в сторону горного ущелья. Проезжая под аркой из сросшихся ветвей двух даобадов, он повернулся, чтобы снова взглянуть на селение. Возникало впечатление, что вокруг загона с овстами возникла необычная суета. Вспомнив, с какой завистью гетман прикасался к его седлу — и учитывая тот факт, что защищенная благословениям тропа кончилась — Гайял пришпорил коня и поскакал галопом мимо темных шарообразных деревьев.

По мере того, как он приближался к предгорьям, лес превратился в саванну, поросшую тусклой суставчатой травой, шуршавшей под

копытами коня. Гайял бдительно посматривал по сторонам. Старое Солнце, красное, как спелый плод граната, купалось в северо-западной дымке, озаряя равнину водянисто-сумрачными лучами. Впереди горы производили странное впечатление искусственной декорации, нарочно установленной поперек степи, чтобы создавать ощущение зловещего опустошения.

Гайял снова взглянул на Солнце. Кончался еще один из последних дней Земли, до наступления ночи оставался примерно час. Гайял повернулся в седле, посмотрел назад. Он чувствовал себя одиноким, покинутым, беззащитным. Из леса выбежали трусцой четыре овста с людьми на плечах. Заметив Гайяла, всадники заставили овстов бежать тяжеловесной рысью. Чувствуя, как у него мурашки пробежали по спине, Гайял пришпорил коня и отпустил поводья — белый конь припустил по равнине к Провалу Омона. За ним спешили овсты, оседланные селянами в мохнатых бурках.

Когда Солнце уже прикоснулось к горизонту, впереди снова показалась смутная мрачная полоса леса. Гайял опять обернулся — преследователи немного отстали, но упорно продолжали погоню. Ехать ночью по темному лесу было опасно, но что

еще оставалось?

Над головой Гайяла нависли черноватые кроны — теперь он ехал под навесом сучковатых переплетавшихся ветвей. Если овсты не отличались собачьим нюхом, может быть, здесь ему удалось бы ускользнуть от разбойников… Гайял ехал зигзагами, то и дело поворачивая то налево, то направо, после чего натянул поводья, остановился и прислушался. Издалека доносился треск сухой лесной подстилки, придавленной ступнями. Гайял спешился и провел коня под уздцы в глубокую прогалину, полностью закрытую плотной листвой. Через некоторое время мимо него на фоне вечерней зари пробежали четыре массивные сутулые фигуры с наездниками на плечах — черные сдвоенные силуэты, напряженными позами выражавшие раздражение и разочарование.

Глухие звуки тяжелых шагов удалялись и вскоре затихли.

Конь беспокойно рыл копытами трескучие опавшие листья.

Вдоль оврага дул влажный холодный ветер, заставлявший Гайяла дрожать. Мрак поднимался из древней Земли, как чернила, заполнявшие прогалину.

Гайял подумал, что лучше всего было, наверное, уехать в лес как можно дальше от угрюмых крестьян, оседлавших послушных кретинов. Дальше, как можно дальше…

Он вывел коня из оврага туда, где недавно проехали четыре разбойника, вскочил в седло и прислушался. Откуда-то издалека, с подветренной стороны, донесся хриплый окрик. Повернув в противоположном направлении, Гайял позволил коню самому выбирать дорогу.

Ветви переплетались ажурными черными сетями на фоне темнеющего розовато-лилового неба; в воздухе пахло сырым мхом и плесенью. Конь резко остановился. Гайял напрягся всем телом, чуть наклонился, повернув голову ухом вперед и слушая… Он инстинктивно ощущал опасность, у него подергивалась щека. В неподвижности лесной чащи было что-то подозрительное, уже в трех шагах невозможно было что-либо различить. Где-то рядом поджидала смерть — внезапная, пронизывающая ужасом, рычащая, рвущая на куски смерть…

Покрывшись холодным по́том, не решаясь пошевелиться, Гайял заставил себя спешиться. Порывшись непослушными руками в седельной сумке, он вынул Безразмерную Ячею и расправил

ее вокруг себя и коня. Наконец-то… Гайял, надолго затаивший дыхание, выдохнул: безопасность!

Бледный красный свет просачивался с востока через переплетения ветвей. Выбравшись из-под волшебной оболочки, Гайял дышал морозным паром. Подкрепившись горстью сушеных фруктов и снабдив коня мешком корма, он снова направился в сторону гор.

Лес кончился — Гайял поднялся в предгорья и разглядывал вставший перед ним хребет. Залитые розовым солнечным светом серые, серовато-зеленые и темно-зеленые утесы тянулись неровной грядой далеко на запад к Мелантинскому заливу и так же далеко на восток в страну Рухнувшей Стены. Где был Провал Омона?

Гайял тщетно искал глазами выемку ущелья, которую так хорошо было видно из селения бандитов в меховых шапках.

Нахмурившись, Гайял поднял глаза к вершинам гор. Склоны, размытые дождями на протяжении всей истории Земли, выглядели не слишком крутыми, а скалы торчали на них, как разреженные промежутками гнилые зубы. Гайял повернул коня вверх и стал подниматься по пустынному склону хребта Фер-Акила.

Гайял Сфирский заблудился в стране ветров и обнаженных скал. Сгущались сумерки, а он все еще ежился от холода, позволяя коню брести куда глаза глядят. Где-то неподалеку древняя дорога вела через Провал Омона в северную тундру, но теперь, окутанные зябкой пеленой низких туч, все стороны света казались одинаковыми под пологом свинцово-сиреневого неба. Кругом громоздились высокие, недоступные утесы; на почти обнаженных каменистых склонах росли только пучки суховатого кустарника. Гайял устало обмяк в седле, но белый конь упрямо шагал вперед.

Согнувшись навстречу ветру, все дальше и дальше ехал Гайял, а вереница гор тянулась на фоне вечерней зари, как скелет окаменевшего бога.

Конь остановился на краю открывшейся внизу широкой долины. Ветер кончился, в долине было тихо. Гайял наклонился вперед, пытаясь лучше различить и понять то, что он видел. Под ним простирался темный, безжизненный город. Клочья тумана летели вдоль улиц, шиферные крыши бледно отражали послесвечение заката.

Конь храпел и рыл щебень копытом.

«Странный город! — бормотал Гайял. — В нем

нет ни огней, ни звуков, в нем не пахнет дымом… Надо полагать, это заброшенные руины…»

Он никак не мог решить, следует ли ему спуститься на улицы города. В старых развалинах нередко встречались неожиданности, пережившие века безмолвного ожидания. С другой стороны, из города в тундру могла вести какая-нибудь тропа. Ободренный этой мыслью, Гайял направил коня вниз по склону.

Он заехал в город — подковы гулко и звонко стучали по булыжной мостовой. Постройки из камней, скрепленных темным цементом, казались на удивление хорошо сохранившимися. Некоторые перемычки окон и дверей потрескались и осели, в некоторых стенах виднелись бреши, но в общем и в целом время еще не успело подточить основания и фасады местных сооружений… Гайял почуял запах дыма. Неужели здесь еще кто-то жил? Следовало соблюдать осторожность.

Перед зданием, походившим на гостиницу, стояла каменная ваза с цветами. Гайял осадил коня — враждебно настроенные люди редко занимаются выращиванием цветов.

«Эй! Есть тут кто-нибудь?» — позвал Гайял. Встреченный молчанием, он позвал еще раз.

Нет, дверь не открылась, в окнах не появились оранжевые огоньки свечей. Гайял медленно отвернулся и поехал дальше.

Улица расширялась, поворачивая к высокому зданию, в котором Гайял заметил свет. Четыре больших окна на фронтоне были закрыты позеленевшими от патины филигранными бронзовыми ставнями, а под ними были устроены небольшие балконы. Мраморная балюстрада окаймляла террасу, белевшую в сумерках, как полированная кость, а над террасой, из-за приоткрытой массивной деревянной двери входного портала, струился свет и доносились звуки музыки.

Ни свет, ни музыка, однако, не привлекали внимание Гайяла Сфирского. Остановившись, он спешился и поклонился молодой женщине, неподвижно сидевшей у балюстрады. Несмотря на пронизывающий холод, на ней было простое легкое платье бледного желтовато-оранжевого оттенка, напоминавшего о лепестках нарцисса. Прозрачно-золотистые волосы свободно спускались ей на плечи и придавали ее лицу серьезное, задумчивое выражение.

Как только Гайял выпрямился, отвесив поклон, девушка кивнула, слегка улыбнулась и рассеянно покрутила пальцем локон, прикасавшийся к ще-

ке: «В такую ночь одинокому путнику должно быть холодно».

«В такую ночь должно быть холодно сидеть снаружи и смотреть на звезды», — парировал Гайял.

Незнакомка снова улыбнулась: «Мне не холодно — я сижу и мечтаю… и слушаю музыку».

«Как называется этот город?» — спросил Гайял. Оглядевшись, он не заметил ничего, кроме пустынных темных улиц, и вновь повернулся к собеседнице: «Кроме вас, здесь кто-нибудь живет?»

«Это Каршезель, — ответила девушка, — всеми покинутый десять тысяч лет тому назад. Мой дряхлый дядюшка и я укрылись в городе от степных сапонидов — и с тех пор здесь живем».

«Ведьма! — подумал Гайял. — Впрочем, может быть и нет…»

«Тебе холодно, ты устал, — продолжала незнакомка, — а я заставляю тебя оставаться на улице». Поднявшись на ноги, она пригласила его в дом: «Воспользуйся нашим гостеприимством».

«С благодарностью приму приглашение, — откликнулся Гайял. — Но прежде всего мне нужно где-то разместить коня».

«Его можно приютить в соседнем сарае. Ко-

нюшни у нас нет». Проследив направление, в котором указывала девушка, Гайял заметил неподалеку приземистое каменное строение с черным провалом открытой входной двери.

Он отвел туда белого коня и снял с него уздечку и седло, после чего, остановившись у дверного проема, прислушался к музыке, доносившейся из высокого здания — кто-то наигрывал причудливую старинную мелодию на духовом инструменте, напоминавшем флейту.

«Странно, странно! — бормотал он, поглаживая морду коня. — Дядюшка играет на флейте, девушка сидит одна, дышит морозным воздухом и смотрит на звезды…» Поразмыслив, он решил, что, скорее всего, его подозрения чрезмерны: «Даже если она — ведьма, что с меня возьмешь? А если, как она говорит, их привел в город страх перед кочевниками, и они развлекаются музыкой, чтобы рассеять скуку, их, наверное, позабавят последние вести из Асколаиса. Так или иначе, беседа с гостем в какой-то мере послужит возмещением гостеприимству». Гайял вынул из седельной сумки свою флейту и засунул ее за пазуху кожаной куртки, после чего поспешил туда, где его ожидала девушка.

«Ты не сказал, как тебя зовут, — напомнила

она. — А мне нужно как-то представить тебя дядюшке».

«Я — Гайял из Сфира, что на берегах реки Скаум в Асколаисе. А тебя как зовут?»

Девушка улыбнулась и открыла входную дверь пошире. На булыжную мостовую пролился желтый свет: «У меня нет имени. Зачем мне имя? Здесь никогда никого не было, кроме моего дядюшки — и, когда он говорит, ему некому ответить, кроме меня».

Гайял почесал в затылке, но решил, что слишком откровенно выражать недоумение было бы невежливо, и не стал задавать по этому поводу дальнейшие вопросы. Возможно, девушка боялась, что случайный гость ее сглазит, и не произносила свое имя вслух, чтобы ее не околдовали — подобные суеверия встречались повсеместно.

Они зашли в зал, выложенный каменными плитами; звуки флейты становились громче.

«Если можно, я буду называть тебя „Эймет“, — предложил Гайял. — Так называют на юге золотистый душистый цветок — ты мне его напоминаешь».

Девушка кивнула: «Зови меня, как хочешь»

Они вступили в просторное теплое помещение со стенами, завешенными коврами. В правой

стене пылал огромный камин, а на столе перед камином стояли приготовленные блюда. На скамье сидел флейтист — неряшливый старик болезненной наружности. Длинные локоны растрепанных седых волос спускались ему на спину; столь же нечесаная борода была замызгана желтоватыми пятнами. На старике был потертый грязноватый камзол, а его кожаные сандалии давно рассохлись и растрескались. Странным образом, старик не вынимал флейту изо рта, но продолжал играть; Гайял заметил при этом, что девушка в желтоватом платье, казалось, пританцовывала в такт наигрышу флейты.

«Дядюшка Людовик! — весело воскликнула Эймет. — Я привела гостя, сэра Гайяла из Сфира!»

Гайял с удивлением смотрел в лицо музыканту. Его серые глаза, слегка водянистые от старости, но все еще яркие и проницательные, лихорадочно блестели — Гайялу показалось, что они загорелись какой-то странной радостной мыслью. Радость старика приводила Гайяла в замешательство, так как глубокие морщины на лице флейтиста свидетельствовали о долгих годах ничтожества и лишений.

«Может быть, ты тоже умеешь играть? — поинтересовалась Эймет. — Мой дядюшка — за-

мечательный флейтист, а в такой вечер ничего не может быть лучше музыки. Дядюшка играет каждый вечер — уже много лет...» Эймет повернулась и улыбнулась старику. Гайял вежливо кивнул.

Эймет пригласила его к столу, уставленному яствами: «Присаживайся и ешь, Гайял, а я налью тебе вина. После этого, может быть, ты соблаговолишь что-нибудь нам сыграть на флейте».

«С удовольствием!» — отозвался Гайял, заметив, что радость на лице старого музыканта стала еще более очевидной — уголки его губ дрожали беззвучным смехом.

Он ел, а Эймет подливала ему золотистое вино — до тех пор, пока у него не начала кружиться голова. Тем временем, Людовик не переставал играть — то медленную печальную мелодию, напоминавшую о прозрачных струях ручья, то мрачноватый гимн, наводивший на мысль о безбрежных волнах западного океана, то простоватый наигрыш ребенка, напевающего во время игры. Гайял не мог не замечать, что настроение Эймет явно менялось в зависимости от музыки — когда менялся характер мелодии, она становилась, соответственно, то серьезной, то веселой. «Как странно!» — думал Гайял.

Но опять же, люди, ведущие отшельническую жизнь, нередко предаются чудачествам — а в целом хозяева вели себя вполне доброжелательно.

Покончив с ужином, он встал и выпрямился — для чего ему пришлось слегка опереться на стол. Людовик наигрывал веселую ритмичную мелодию, наводившую на мысль о стеклянных птицах, привязанных красными нитями и кружившихся снова и снова в солнечных лучах. Пританцовывая, Эймет подошла поближе к Гайялу. По сути дела, она остановилась почти вплотную — так, что он ощутил теплую душистую волну, исходившую от распущенных золотистых волос. Ее лицо светилось радостно-диковатым выражением… Удивительное дело! При этом Людовик мрачновато посматривал на них и не говорил ни слова. «Может быть, я напрасно сомневаюсь в намерениях незнакомцев, — упрекал себя Гайял. — Тем не менее…»

«А теперь, — взволнованно выдохнула Эймет, — может быть, ты нам сыграешь? Ты такой молодой и сильный!» Заметив, как удивленно раскрылись глаза Гайяла, она поспешила прибавить: «Я имею в виду, если играть будешь ты, старый дядюшка Людовик сможет отдохнуть и выспаться, а мы с тобой сможем посидеть и по-

беседовать допоздна».

«С удовольствием сыграю на флейте! — выпалил Гайял и тут же проклял свой язык, одновременно онемевший и болтливый; надо полагать, он выпил лишнего. — Да, не откажусь сыграть. У нас в усадьбе, в Сфире, меня считали неплохим флейтистом».

Взглянув на Людовика, Гайял замер — на лице старика вспыхнуло выражение безумной радости, невольно вызывавшее недоумение. Неужели этот человек настолько любил музыку?

«Тогда играй!» — понукала Эймет, потихоньку подталкивая Гайяла к Людовику и его флейте.

«Может быть, будет лучше, если я подожду до тех пор, когда твой дядюшка закончит, — предположил Гайял. — Было бы не слишком вежливо…»

«Нет-нет! Как только ты покажешь, что не прочь поиграть, он отдаст тебе флейту. Достаточно ее взять. Ты же видишь, — сочувственно призналась она, — он глух, как пень».

«Хорошо! — согласился Гаял. — Только я буду играть на своей флейте». Он вынул инструмент из-за пазухи: «Что такое? Что случилось?» И девушка, и старик сразу стали выглядеть подругому. В глазах Эймет вспыхнула гневная

искорка, а необъяснимое блаженство Людовика мгновенно испарилось — теперь его потухшие глаза не выражали ничего, кроме тупой, безнадежной покорности судьбе.

Гайял медленно отступил на шаг в полном замешательстве: «Так вы хотите, чтобы я играл, или нет?»

Возникла пауза. «Конечно! — сказала наконец Эймет, снова юная и очаровательная. — Но я уверена в том, что дядюшке Людовику понравится слушать, как ты играешь на его флейте. Она настроена в особом ладу — другой может показаться ему незнакомым…»

Людовик кивнул, в его слезящихся старых глазах опять засветилась надежда. Гайял не мог не заметить, что старик играл на действительно великолепном инструменте из белого металла, затейливо украшенном резьбой и позолотой, причем Людовик крепко держался за флейту так, словно ни за что не хотел ее отдавать.

«Возьми флейту! — настаивала Эймет. — Он не будет возражать». Людовик энергично покачал головой, подтверждая полное отсутствие возражений. Но Гайял, с отвращением глядя на грязную растрепанную бороду старика, тоже покачал головой: «На своей флейте я могу играть

в любом ладу и в любой тональности. Нет никакой необходимости в том, чтобы я пользовался флейтой твоего дядюшки — какая-нибудь случайность могла бы его огорчить. Слушайте! — он приподнял свой инструмент. — Вот кайинская песенка, она называется „Опал, жемчужина и павлин“».

Приложив флейту к губам, Гайял начал играть, причем играл он действительно неплохо — и Людовик стал ему вторить, заполняя перерывы и придумывая на ходу гармонический контрапункт. Забыв о своем раздражении, Эймет слушала с полузакрытыми глазами, подчеркивая ритм движениями руки.

Закончив, Гайял спросил: «Тебе понравилось?»

«Очень! Может быть, ты все-таки попробуешь флейту дядюшки Людовика? У нее прекрасный мягкий тембр, и она не требует слишком часто переводить дыхание».

«Нет! — с неожиданным упрямством отказался Гайял. — Я умею играть только на своем инструменте». Он снова поднес флейту к губам и стал исполнять порывистую, быструю карнавальную плясовую. Людовик, очевидно превосходивший Гайяла виртуозностью, принялся украшать мелодию пассажами, а Эймет, увлеченная пунк-

тирным ритмом, стала кружиться по каменным плитам в такт музыке, изобретая свой собственный веселый танец.

Гайял заиграл бешеную крестьянскую тарантеллу — Эймет кружилась все быстрее и быстрее, раскинув руки в стороны и болтая головой, как тряпичная кукла. Людовик не отставал, блестяще подбирая аккомпанемент, то взлетавший над основной мелодией, то опускавшийся, переплетаясь вокруг отрывистой трехдольной темы арпеджированными аккордами и хроматическими глиссандо, как серебристыми звуковыми кружевами, и добавлявший настойчивые вступительные форшлаги.

Теперь глаза Людовика были прикованы к кружившейся вихрем фигуре девушки. Внезапно старик подменил тарантеллу Гайяла собственным безумно стремительным наигрышем, пульсировавшим лихорадочными синкопами — и Гайял, увлеченный непреодолимым порывом музыки, заиграл лучше и быстрее, чем когда-либо, придумывая трели, пассажи, каскады арпеджио — четкие и пронзительные, взлетающие до переливчатых высот.

Но никакие потуги Гайяла не могли сравниться с игрой Людовика. Глаза старика выпучились,

капли пота выступили на морщинистом лбу, его флейта разрывала воздух экстатическими вибрациями.

Эймет плясала, как в эпилептическом припадке — лишенная красоты и грации, теперь она выглядела нелепо, незнакомо. Музыка Людовика становилась невыносимой не только для слуха, но для зрения. Глаза Гайяла затянула серовато-розовая пелена: он видел, как Эймет упала без чувств, как у нее на губах выступила пена — Людовик решительно поднялся на ноги, словно изрыгая очами пламя, проковылял к телу Эймет и начал исполнять невыразимо напряженный похоронный антем — протяжные торжественные звуки, полные пугающего смысла.

Людовик призывал смерть.

Гайял Сфирский повернулся и выбежал из зала, широко открыв глаза от страха. Ничего не замечая, Людовик играл погребальный гимн так, словно выковывал из каждой ноты вертел, протыкавший между лопатками дергающееся тело девушки.

Гайял выбежал под ночное небо — холодный воздух обжег его, как шквал ледяного ливня. Он ворвался под соседний навес; белый конь приветствовал его тихим ржанием. Поспешно

оседлав коня, Гайял поскакал по улицам древнего Каршезеля мимо зияющих черных окон, наполняя ночную тишину звонким стуком подков по булыжнику — дальше, как можно дальше от музыки смерти!

Гайял Сфирский взлетел галопом по горному склону, обратив лицо к звездам, и остановился только на хребте. Здесь он повернулся в седле, чтобы взглянуть назад.

Дрожащие лучи рассвета начинали проникать в каменистую долину. Где был Каршезель? Город исчез — остались только какие-то жалкие развалины…

Что это? Далекий звук?

Нет. Его окружало полное безмолвие.

И все же…

Нет. Только россыпи камней темнели на дне долины.

Гайял отвернулся и, неподвижно глядя вперед, направил коня вдоль тропы, удалявшейся на север.

Тропа погрузилась в ущелье, стиснутое обрывистыми стенами серого гранита, испещренными темно-пунцовыми и черными пятнами лишайника и синеватой плесенью. Копыта коня гулко постукивали по камню — звуки казались слиш-

ком громкими, они гипнотизировали своим размеренным ритмом… Изможденный бессонной ночью, Гайял обмяк в седле. Его наполняла дремотная теплота, глаза самопроизвольно смежались, но тропа неуклонно вела в неведомый простор, а страстное желание заполнить пустоту в уме никогда не покидало Гайяла.

Гайял настолько расслабился, что чуть не упал с коня. Встрепенувшись, он решил обогнуть еще один выступ скалы и устроиться на отдых.

Скала нависала над тропой — из-под нее нельзя было увидеть небо, хотя Солнце уже поднялось к зениту. Тропа завернула за каменный выступ; сверху просиял лоскут черновато-синих небес. «Еще один поворот», — говорил себе Гайял. Ущелье раскрылось: горы остались за спиной, впереди расстилалась бесконечная степь: земли, расцвеченные тончайшими оттенками, исполосованные расплывчатыми тенями, постепенно растворявшиеся в тусклой буроватой дымке горизонта. Гайял заметил на берегу далекого блестящего озера какую-то возвышенность, полуприкрытую темными кронами деревьев. На противоположном берегу виднелась едва различимая россыпь грязновато-белых руин… Музей Человека? Немного поколебавшись, Гайял

спешился, лег и заснул под защитой Безразмерной Ячеи.

Полное роскошного печального величия, Солнце закатилось за горный хребет; над тундрой сгустились сумерки. Гайял проснулся и освежил лицо в ручейке неподалеку. Покормив коня, он подкрепился сушеными фруктами и хлебом, после чего вскочил в седло и поехал дальше по тропе. Впереди равнина превращалась в безлюдные, почти безжизненные северные дали; сзади вырастали в небо черные скалы; Гайялу в лицо дул ленивый холодный ветерок. Становилось все темнее; равнина исчезала под покровом мрака, надвигавшегося подобно черному наводнению. Гайял боязливо натянул поводья: может быть, лучше было переждать до утра? Если он заблудится в темноте, кто знает, в какую еще западню он забредет, свернув с тропы?

Откуда-то донесся скорбный звук. Гайял напрягся, обратив лицо к небу. Вздох? Стон? Плач?… Звук повторился ближе. Теперь можно было расслышать шорох — шорох трепещущих на ветру свободных одежд. Гайял испуганно пригнулся в седле. В темноте над ним медленно проплыла фигура, закутанная в белое. Под капюшоном зловеще светилось исхудалое лицо с глазами,

черневшими, как глазницы черепа.

Призрак испустил очередной скорбный стон и пролетел дальше, постепенно воспаряя ввысь… Вскоре уши Гайяла уже не различали ничего, кроме порывов ветра.

Гайял судорожно вздохнул, опустился грудью на луку седла — и остро ощутил беззащитность спины. Соскользнув на землю, он развернул вокруг себя и коня оболочку Безразмерной Ячеи. Приготовив подстилку, он улегся и долго смотрел в темноту, но в конце концов сон одолел его, и ночь прошла.

Проснувшись до рассвета, Гайял снова пустился в путь. Тропа превратилась в ленту белого песка между порослями серого утесника; конь упорно продвигался вперед, миля за милей.

Тропа вела к покрытой деревьями возвышенности, замеченной Гайялом сверху — теперь ему казалось, что он видит крыши в просветах между кронами и чувствует в прохладном воздухе привкус дыма. Вскоре справа и слева появились возделанные грядки нарда, топляника и карликовой ранеты. Гайял осторожно ехал дальше и постоянно оглядывался, ожидая появления людей.

Теперь слева вдоль тропы тянулась ограда, сло-

женная из камней и черных бревен; камни были обтесаны в форме четырех шаров, нанизанных на центральный столб, а искусно вырезанные спиралями бревна, служившие перекладинами, были вставлены в углубления между шарами и столбами. За оградой находился обширный участок голой земли, местами взрыхленной, местами покрытой рытвинами и воронками, кое-где обугленной и вспученной — как если бы здесь случился пожар, после чего кто-то наносил по всему участку случайные удары чудовищным молотом. Заинтригованный, Гайял задумчиво разглядывал этот пустырь — и поэтому не заметил, что к нему молчаливо приблизились три человека.

Конь нервно вздрогнул; Гайял обернулся и увидел троих, преградивших ему путь; один из них взял под уздцы белого коня.

Это были высокие, хорошо сложенные люди в облегающих костюмах из темно-коричневой кожи с черной оторочкой. На головах у них были шапки каштанового оттенка из плотного материала, сложенного аккуратными складками, с поднятыми кожаными наушниками, горизонтально торчавшими в обе стороны. У местных жителей были продолговатые, торжественно-

строгие лица, желтоватые, как слоновая кость, но с золотистым отливом, лучистые золотистые глаза и волосы черные, как вороново крыло. Они очевидно не были дикарями; их точные движения отличались характерной вкрадчивостью, покрой одежды свидетельствовал о строгом соблюдении старинных традиций. Незнакомцы критически оценивали внешность Гайяла.

Их предводитель сделал шаг вперед. Выражение его лица не было ни угрожающим, ни доброжелательным: «Приветствуем тебя, чужеземец! Куда лежит твой путь?»

«Добрый день! — отозвался Гайял. — Я еду туда, куда меня зовет путеводная звезда… Надо полагать, вы — сапониды?»

«Таково наименование нашей расы. Перед тобой наш город, Сапонс». Сапонид разглядывал Гайяла с нескрываемым любопытством: «По расцветке твоей одежды можно предположить, что ты — южанин».

«Я — Гайял из Сфира, что на берегах реки Скаум в Асколаисе».

«Ты проделал дальний путь! — отметил сапонид. — Странника нередко подстерегают смертельные опасности. Значит, тобой движет некое безудержное стремление, заставляющее

неустанно и бесстрашно следовать за путеводной звездой?»

«Я совершаю паломничество, — объяснил Гайял, — чтобы утолить жажду моего ума. Любое странствие кажется коротким, если путник достигает своей цели».

С этим сапонид вежливо согласился: «Значит, ты взобрался на Фер-Акилу и спустился на равнину?»

«Так я и сделал. Там холодно и почти ничего не растет, одни скалы». Оглянувшись, Гайял взглянул на темную громаду гор: «Только вчера ночью я выехал из ущелья. После чего надо мной пролетел призрак, и я уже решил, что мне уготована могила».

Гайял с удивлением прервался: по всей видимости, его слова вызвали у сапонидов какие-то сильные чувства. Их лица вытянулись, они поджали побелевшие губы. Их предводитель больше не уделял такого внимания нарочитой вежливости манер; он обозревал небо, почти не скрывая страх: «Призрак… парящий высоко в небе, закутанный в белый саван?»

«Да. Местным жителям он хорошо известен?»

Гайялу пришлось довольно долго ждать ответа.

«В каком-то смысле, — сказал наконец сапонид. — Это предвестие большого горя… Но я тебя прервал — продолжай рассказ».

«Рассказывать больше не о чем. Я нашел убежище, переночевал, а утром спустился на равнину».

«И тебя никто не тронул? Даже Двуногий Змей Кулбо, что рыщет в горах, как неумолимая судьба?»

«Я не видел ни двуногой змеи, ни даже ползучей ящерицы. Кроме того, моя тропа защищена благословением. Пока я с нее не свернул, мне не грозят никакие злоключения».

«Любопытно, любопытно».

«А теперь, — оживился Гайял, — позвольте мне задать вам вопрос, так как я хотел бы многому научиться. Кто этот призрак, и какие злоключения знаменует его появление?»

«Ты спрашиваешь о вещах, не совсем доступных нашему пониманию, — осторожно уклонился сапонид. — Об этом призраке лучше не упоминать, если ты не хочешь привлечь к себе дополнительное внимание пагубных сил».

«Как вам угодно, — развел руками Гайял. — Может быть, вы объясните мне…» Тут Гайял придержал язык. Перед тем, как расспрашивать местных жителей о Музее Человека, было бы

предусмотрительно узнать, как сапониды относились к этому учреждению. Вполне возможно, что, узнав о том, куда он направлялся, они могли воспрепятствовать его дальнейшему передвижению.

«Да? — приподнял брови сапонид. — В каких разъяснениях ты нуждаешься?»

Гайял указал на обожженный, развороченный участок за оградой из камней и бревен: «Что означают эти следы разрушения?»

Сапонид непонимающе уставился на пустырь и пожал плечами: «Это одно из древних мест. Там обитают мертвые. Ни одно живое существо не может там пройти, не заразившись пагубными чарами, отравляющими кровь и покрывающими тело гниющими язвами. Туда мы отправляем тех, кого убиваем… Забудь об этом. Надо полагать, ты не прочь отдохнуть и подкрепиться в Сапонсе. Следуй за нами».

Сапониды повернулись и направились по тропе к городу; не находя причин для возражений, Гайял пришпорил коня и поехал за ними.

По мере того, как они приближались к осененному деревьями холму, тропа расширялась и превратилась в дорогу. Справа, за порослями чахлого красновато-лилового тростника, по-

казался близкий берег озера. На берегу были устроены причалы из массивных черных бревен; у причалов на озерной ряби, возбужденной ветерком, покачивались лодки. Загнутые нос и корма каждой из этих лодок, серповидных в профиле, торчали высоко над водой.

В городе дома были сложены из обтесанных бревен, причем использовались бревна различных оттенков, от свежего золотисто-коричневого до потускневшего от времени черного. Конструкция трехэтажных строений отличалась сложностью и обилием декоративных деталей; крутые коньки крыш нависали спереди и сзади. Опорные столбы и простенки покрывала искусная резьба, изображавшая переплетения лент, закрученные усики, листву, ящериц и тому подобное. Ставни на окнах тоже украшала резьба — лиственные орнаменты, морды животных, лучистые звезды выступали из приятного для глаз полосчатого мягкого дерева. Месатные жители хорошо умели вырезать по дереву и привыкли любоваться резьбой.

Улица вела наверх по склону холма под сенью плотных древесных крон, мимо домов, наполовину купавшихся в листве — сапониды выходили наружу, чтобы взглянуть на всадника-

чужеземца. Все они двигались словно украдкой и говорили вполголоса, причем Гайял никак не ожидал увидеть здесь, в северной степи, столь элегантные наряды.

Проводник задержался и повернулся к Гайялу: «Прошу вас сделать мне одолжение и подождать, пока я доложу воеводе о вашем прибытии — это позволит устроить вам надлежащий прием».

Просьба прозвучала искренне, проводник не отводил глаза в сторону, но у Гайяла возникло впечатление, что сапонид нарочно использовал несколько расплывчатые формулировки. Тем не менее, так как его конь стоял посреди дороги и никто не просил его повернуть в сторону, Гайял согласился подождать, чувствуя себя в безопасности. Сапонид ушел, а Гайял остался в седле и задумчиво рассматривал город, расположившийся на высоком холме посреди равнины.

Приблизилась группа девушек, откровенно и без всякого смущения разглядывавших Гайяла. Гайял изучал их с таким же пристальным вниманием — и решил, что местным девушкам чего-то не хватало. Чего именно, он не мог определить сразу. На них были нарядные одежды из вязаной шерсти, выкрашенной в полоску различных оттенков; у них были грациозные стройные фигу-

ры, причем, судя по всему, они не лишены были кокетства. И тем не менее…

Сапонид вернулся: «Теперь, сэр Гайял, вы можете ехать дальше».

Стараясь выражаться так, чтобы у проводника не возникло впечатление, что гость в чем-то его подозревает, Гайял предупредил: «Уважаемый господин сапонид! Надеюсь, вы принимаете во внимание, что в связи с характером охранного благословения тропы моим отцом я не решаюсь покидать означенную тропу, так как, покинув ее, я мог бы немедленно подвергнуться влиянию сглаза или заклятия какого-нибудь недруга, каковой, если он уже преследовал меня по пути, не преминул бы воспользоваться таким случаем и расстроить мои дальнейшие планы самым плачевным образом».

Сапонид жестом выразил полное понимание: «Разумеется, с вашей стороны это весьма предусмотрительно. Позвольте заверить вас в том, что я проведу вас на прием к воеводе — уже сию минуту он спешит выйти на площадь, чтобы приветствовать странника, прибывшего с далекого Юга».

Гайял благодарно поклонился, и они продолжили путь.

Вскоре дорога, поднявшаяся на холм, выровнялась и пересекала лужайку, устроенную посреди городской площади. Лужайку покрывал сплошной ковер небольших растений с дрожащими сердцевидными листочками всевозможных оттенков фиолетового, красного, зеленого и черного цветов.

Сапонид повернулся к Гайялу: «Так как вы — чужеземец, я обязан вас предостеречь. Ни в коем случае не выезжайте и не заходите на священный луг. Нашими традициями это строго воспрещается, и нарушителей подвергают тяжким наказаниям за святотатство».

«Я учту ваше предостережение, — отозвался Гайял. — Я намерен уважать ваши законы и соблюдать их в той мере, в какой это от меня зависит».

Произнося эти слова, Гайял проезжал мимо густой зеленой изгороди — из-за этого укрытия с оглушительным ревом неожиданно выскочило чудище с выпученными глазами и устрашающими клыками. Конь Гайяла отпрянул, рванулся в сторону и прыгнул на священный луг, круша копытами трепещущие разноцветные листочки.

Несколько сапонидов тут же бросились к коню, схватили Гайяла и стащили его с седла.

«Эй! — закричал Гайял. — Что это значит? Отпустите меня!»

Сапонид-проводник подошел к нему, укоризненно качая головой: «Как же так? Я только что предупредил вас о недопустимости такого проступка!»

«Но чудище напугало коня! — оправдывался Гайял. — Я не несу никакой ответственности за это нарушение — отпустите меня, мы опоздаем на прием!»

Сапонид ответил: «Боюсь, что в данном случае необходимо соблюдение традиций, предусматривающих наказания. Несмотря на поверхностную обоснованность ваших возражений, они не выдерживают серьезной критики. Например, существо, которое вы назвали „чудищем“, на самом деле — совершенно безобидное домашнее животное. Во-вторых, я наблюдал за животным, на котором вы едете; оно подчиняется движениям поводьев и поворачивает только по вашему указанию. В-третьих, даже если можно было бы согласиться со справедливостью ваших доводов, вы в любом случае признали свою ответственность за небрежность или бездействие. Вам следовало заранее предотвратить любое непредсказуемое перемещение вашего

животного — или же, получив сведения о священном характере луга, вы должны были учесть возможность такого перемещения, спешиться и взять животное под уздцы. Следовательно, сэр Гайял, к моему величайшему сожалению я вынужден заключить, что вы обязаны понести наказание за неуместное, нечестивое и дерзкое неуважение к традициям. Поэтому кастеляну и сержанту-пономарю, в обязанности каковых входит задержание нарушителей закона, надлежит арестовать вас, препроводить вас в место заключения и содержать вас в этом месте, пока вы не будете подвергнуты надлежащим наказаниям».

«Все это — сплошное издевательство! — яростно возмущался Гайял. — Только варвары способны так обращаться с одиноким путником!»

«Вы заблуждаетесь! — парировал кастелян. — Мы — в высшей степени цивилизованный народ, соблюдающий обычаи, унаследованные с глубокой древности. Так как слава нашего прошлого затмевает достижения нынешних дней, на каких основаниях мы могли бы пренебрегать многовековыми устоями?»

Понимая бесполезность сопротивления, Гайял решил проявить спокойствие: «И каким тради-

ционным наказаниям подвергают нарушителей, вступивших на священный луг?»

Кастелян ответил ободряющим жестом: «Ритуальными правилами предусмотрены три наказания — причем, уверяю вас, в вашем случае они будут чисто условными. Тем не менее, формальности должны быть соблюдены, в связи с чем вас необходимо задержать и препроводить во Вместилище Порока». Кастелян подал знак людям, схватившим Гайяла под руки: «Отведите его! При этом не пересекайте дорогу или тропу, ведущую на север — тогда вы не сможете его удержать, и он ускользнет из рук правосудия!»

Гайяла заключили в темный, но хорошо проветриваемый каменный погреб. Пол в погребе был сухой, по потолку не ползали никакие насекомые. Его не обыскали — у него даже не отняли засунутый за пояс Сверкающий Кинжал. Полный опасений и подозрений, Гайял прилег на циновку из тростника и через некоторое время задремал.

Прошло несколько часов. Ему принесли еду и питье. В конце концов к нему явился кастелян.

«Вам повезло! — сообщил ему этот сапонид. — Повезло в том, что, будучи свидетелем происшедшего, я сумел предположить, что ваш

проступок явился следствием скорее небрежности, нежели злого умысла. В прошлый раз наказания за святотатство были очень суровыми. Преступника заставили совершить следующие три подвига: во-первых, отре́зать пальцы своих ног и пришить их к шее; во-вторых, проклинать и оскорблять своих предков на протяжении трех часов, начиная с провозглашения проклятий, перечисленных в „Общеупотребительном списке анафем“, сопровождающегося правдоподобными проявлениями симптомов безумия и наследственных заболеваний, и кончая осквернением очага своего клана нечистотами; а также, в-третьих, искать „Затерянный требник хризалид“ на дне озера в башмаках со свинцовыми подошвами, на протяжении не менее чем полутора километров». И кастелян благодушно взглянул на Гайяла, сложив руки на животе.

«Какие подвиги придется совершать мне?» — сухо поинтересовался Гайял.

Кастелян молитвенно соединил кончики пальцев: «Как я уже упомянул, по приказу воеводы епитимья будет носить исключительно условный характер. Прежде всего вы должны поклясться, что никогда больше не повторите свой проступок».

«С готовностью — клянусь!» — произнес Гайял и тем самым взял на себя обязательство.

«Во-вторых, — едва заметно усмехнувшись, продолжал кастелян, — вы должны выполнить обязанности арбитра на торжественном праздничном конкурсе девственной красоты, выбрав наиболее прекрасную, по вашему мнению, из девушек нашего селения».

«Не слишком обременительная обязанность, — заметил Гайял. — Почему ее поручили мне?»

Кастелян рассеянно взглянул на потолок: «С победой на конкурсе красоты связаны некоторые сопутствующие факторы… Каждая из участниц соревнования приходится родственницей кому-либо из горожан — дочерью, сестрой, племянницей — и, таким образом, выбор, сделанный любым жителем Сапонса, вряд ли можно было бы считать беспристрастным. Вам же никак нельзя предъявить обвинение в фаворитизме; следовательно, вы становитесь идеальным кандидатом на должность арбитра».

Гайялу показалось, что кастелян давал разъяснения достаточно искренне; и все же он не совсем понимал, почему выбору самой очаровательной девушки в городе придавалось такое значение.

«В чем заключается третье наказание?» — спро-

сил он.

«Об этом объявят по окончании конкурса, который начнется сегодня вечером».

Сапонид-кастелян удалился из темницы.

Гайял, не лишенный тщеславия, провел довольно много времени, приводя в порядок себя и свой костюм, немало пострадавший от превратностей дальнего пути. Ему позволили вымыться, постричься и побриться, после чего кастелян, прибывший, чтобы освободить узника из Вместилища Порока, нашел его внешность достаточно приемлемой.

Его вывели на дорогу, и он поднялся в сопровождении кастеляна к озаренной Солнцем вершине холма, откуда открывался вид на террасы Сапонса. Повернувшись к кастеляну, он поинтересовался: «Почему вы позволили мне снова выйти на тропу? Вы же знаете, что здесь мне не угрожают никакие неприятности…»

Кастелян пожал плечами: «Верно. Но вы ничего не выиграете, настаивая на временной независимости. Дальше, впереди, дорога проходит по мосту, который можно снести. За мостом достаточно будет прорвать плотину Пейльвемшальского потока — и, если вы все еще будете идти по тропе, вас с нее смоет, и вы снова станете

уязвимым. Нет, сэр Гайял Сфирский! С тех пор, как секрет вашей безопасности стал достоянием гласности, охранное благословение может быть преодолено самым различными способами. Например, ваш путь может быть прегражден высокой стеной, а за вашей спиной может быть возведена еще одна такая же стена. Не сомневаюсь, что благословение не позволит вам умереть от жажды или от голода, но что с того? Вы будете сидеть на одном месте, пока Солнце не погаснет».

Гайял промолчал. Он заметил на озере три серповидные лодки, подплывавшие к причалам — их высокие носовые и кормовые дуги изящно покачивались на темноватых водах. Пустота в его уме дала о себе знать: «Почему ваши лодки изогнуты полумесяцем?»

Кастелян недоуменно взглянул на него: «Это единственный практичный способ делать лодки. Разве на Юге не растут гондолопусы?»

«Нет, я никогда не видел гондолопус».

«Это плоды гигантской лозы, они растут в форме утолщенного ятагана. Зрелый, крупный плод срезают и очищают, вдоль внутреннего углубления полумесяца делается разрез, после чего концы плода стягивают тросом, пока он

не раскрывается в ширину на достаточное расстояние. Затем его пропитывают отверждающим раствором и сушат, покрывают резьбой, полируют до блеска и лакируют, оснащают палубой, поперечными балками и распорками-наугольниками — так и получаются наши лодки».

Они вышли к площади на вершине холма, с трех сторон окруженной высокими зданиями из темного резного дерева. С четвертой стороны открывался вид на озеро и дальнюю горную гряду. Площадь осеняли древесные кроны, и солнечные лучи, пробиваясь сквозь листву, создавали розовато-алые узоры на утрамбованной песчаной поверхности.

К удивлению Гайяла, конкурсу не предшествовали, по-видимому, никакие предварительные церемонии или формальности, причем в среде собравшихся городских жителей нельзя было заметить какое-либо воодушевление. Напротив, они казались подавленными, проявляли признаки раздражения и поглядывали на чужеземца без всякого энтузиазма.

В центре площади собралась многочисленная группа — не меньше сотни — безутешных, унылых девиц. По мнению Гайяла, они не прилагали никаких усилий для того, чтобы выглядеть как

можно лучше. Напротив, вопреки его ожиданиям местные девушки напялили какое-то бесформенное тряпье, нарочно растрепали волосы, заляпали лица грязью и мрачно хмурились.

Гайял удивленно повернулся к проводнику: «Насколько я понимаю, эти девушки вовсе не стремятся победить на конкурсе».

Кастелян иронически кивнул: «Как вы совершенно справедливо заметили, они прилежно стараются скрывать свою привлекательность — сапонидам всегда были свойственны скромность и умеренность».

Гайял неуверенно спросил: «Какова, в таком случае, процедура арбитража? Не хотел бы, чтобы мое невежество привело к нарушению еще какого-нибудь невразумительного апокрифического правила».

Кастелян ответил с ничего не выражающим видом: «Никаких формальностей нет. Мы проводим такие конкурсы в самые сжатые сроки и без лишних церемоний. От вас требуется всего лишь пройти мимо девушек, рассмотреть их и указать на ту, которую вы сочтете наиболее привлекательной».

Гайял приступил к выполнению этой задачи, чувствуя себя полнейшим дураком. Поразмыс-

лив, однако, он решил, что нелепость наказания соответствовала нелепости прегрешения — ему надлежало отправить древний обряд с максимальной возможной эффективностью, и чем скорее он это сделает, тем скорее избавится от бремени навязанных ему обязательств.

Он стоял перед сотней девиц, недоброжелательно и тревожно поглядывавших на незнакомого арбитра. Теперь Гайял осознал, что порученная ему задача не так уж проста: в общем и в целом девушки отличались миловидностью, которую не могли скрыть ни пятна грязи, ни гримасы, ни рваное тряпье.

«Будьте добры, постройтесь в ряд, — попросил их Гайял. — Таким образом никто из вас не будет иметь никаких преимуществ, связанных с местонахождением».

Девушки угрюмо выстроились в ряд.

Гайял рассмотрел их. Многих можно было исключить сразу — приземистых и коренастых, толстых и тощих, рябых и слишком головастых: примерно четверть кандидаток. Гайял произнес самым любезным тоном: «Никогда еще мне не приходилось видеть подобное однообразие привлекательности! Каждая из вас могла бы с полным правом претендовать на высшую на-

граду. Мне предстоит трудный выбор; придется взвешивать и сравнивать качества, не поддающиеся точному определению и, несомненно, мое решение будет основано на субъективных представлениях — в связи с чем вполне возможно, что самые очаровательные из вас будут исключены из числа претенденток в первую очередь». Он сделал шаг вперед: «Те, на кого я укажу, могут уходить».

Проходя вдоль строя девушек, он указал на одну, самую непривлекательную, и та, с очевидным выражением огромного облегчения, поспешила удалиться.

Гайял снова прошелся вдоль строя и теперь, познакомившись поближе с субъектами арбитража, сумел освободить тех, кто, не будучи уродливыми, не отличались особой красотой.

Осталась примерно треть первоначальной группы. Эти пристально следили за Гайялом, пока он ходил туда-сюда, разглядывая каждую по очереди. Физиономии девушек выражали, в различной степени, боязливую тревогу и дерзкий вызов. Наконец Гайял принял решение и сделал окончательный выбор. Каким-то образом девушки почувствовали перемену его настроения — теперь даже участницы, пытавши-

еся насмешливо гримасничать, явно не на шутку встревожились и напряглись.

Гайял прошелся вдоль строя еще один, последний раз. Нет, сомнений не было: он сделал правильный выбор. Перед ним стояли девушки, настолько привлекательные, насколько мог пожелать любой ценитель женской красоты, девушки с глазами, мерцавшими, как опалы, девушки нежные и хрупкие, как лепестки цветов, девушки стройные, как стебли тростника, с шелковистыми тонкими волосами, блестевшими несмотря на то, что они постарались присыпать их пылью.

Та, которую выбрал Гайял, была грациознее остальных и отличалась не сразу заметной, неочевидной красотой. У нее были большие печальные глаза, небольшое, сужавшееся к подбородку лицо и густые черные волосы, небрежно подстриженные над ушами. Ее прозрачно-бледная кожа напоминала тщательно отполированную слоновую кость, ее изящная стройность инстинктивно влекла к себе, побуждая к близости. Она, казалось, догадалась о его решении — ее глаза испуганно раскрылись.

Гайял взял ее за руку, вывел из строя и повернулся к воеводе — старцу, неподвижно

сидевшему в массивном кресле: «Я считаю, что эта девушка — самая привлекательная в вашем городе!»

На площади наступило мертвое молчание. Затем послышался возглас, полный неизбывной скорби — возглас кастеляна. Его лицо осунулось, он приблизился шаткими шагами — ноги едва держали его: «Увы, Гайял Сфирский! Ты жестоко отомстил мне за обман! Это моя любимая дочь, Ширль, и ты обрек ее на смерть!»

Гайял с изумлением переводил взгляд с кастеляна на Ширль и обратно; в глазах девушки он заметил теперь замутнение безнадежности — она словно смотрела в бездонную пропасть.

Повернувшись к кастеляну, Гайял, запинаясь, пробормотал: «Я хотел быть полностью беспристрастным. Ваша дочь — Ширль — показалась мне самым прекрасным созданием из всех, какие мне встречались, и я ее выбрал. В чем я провинился?»

«Ни в чем, Гайял! — ответил кастелян. — Твой выбор справедлив. Я тоже считаю, что моя дочь — первая красавица в Сапонсе».

«Тогда объясните, в чем состоит моя третья повинность, чтобы я мог покончить с этим фарсом и продолжить свой путь», — потребовал Гайял.

«В пяти километрах к северу находятся развалины, — сказал кастелян. — Легенда гласит, что это развалины Музея Человека».

«А! — отозвался Гайял. — Продолжайте, я слушаю».

«В качестве третьего наказания ты обязан отвести мою дочь, Ширль, в Музей Человека. У входа ты ударишь в медный гонг и объявишь тому, кто ответит: „Мы призваны из Сапонса!“»

Гайял вздрогнул и нахмурился: «Как это так? Почему „мы“?»

«Такова твоя повинность!» — громовым голосом произнес кастелян.

Гайял взглянул налево, направо, назад и вперед. Он стоял посреди площади, окруженный толпой решительных и закаленных тундрой жителей Сапонса.

«Когда должна быть выполнена эта обязанность?» — стараясь сдерживать волнение, спросил Гайял.

С горечью, заставившей Гайяла моргнуть и поморщиться, кастелян ответил: «Ширль уже облекается в желтое. Через час она выйдет — через час она пойдет с тобой к Музею Человека».

«И что пото́м?»

«К добру или не к добру — что будет пото́м,

никто не знает. Твоя судьба известна только тринадцати тысячам тех, кто не вернулся».

Плотно сжав губы, возмущенный Гайял спускался с площади по осененным листвой улицам Сапонса, внешне всеми силами сохраняя хладнокровие, хотя тошнотворный страх волнами поднимался откуда-то из глубины его тела. Ритуал сапонидов отвратительно напоминал шествие на казнь или человеческое жертвоприношение. Гайял запнулся.

Его подхватила под локоть жесткая рука кастеляна: «Давай, давай, иди!»

Казнь, жертвоприношение… Лица сапонидов, выстроившихся вдоль дороги, подергивались от нездорового любопытства, от внутреннего возбуждения; они пожирали его глазами, стараясь уловить признаки внутреннего ужаса и отчаяния, их рты полуоткрылись и почти улыбались от наслаждения тем, что не им, а ему приходилось идти под тенистыми деревьями к Музею Человека.

Холм, покрытый высокими деревьями и строениями из темного резного дерева, остался за спиной. Теперь они направлялись в тундру, озаренную винно-красным солнечным светом. Здесь их ожидали восемьдесят женщин в бе-

лых хламидах, с церемониальными корзинами из плетеной соломы на головах; женщины выстроились кольцом вокруг желтого шелкового шатра.

Кастелян задержал Гайяла и подал знак распорядительнице ритуала. Та раздвинула завесы входа в шатер, и девушка — Ширль — медленно выступила наружу с широко открытыми от страха глазами.

На ней было длинное плотное облачение из желтой парчи — ее хрупкое тело казалось сжатым, полузадушенным тяжелым покровом. Воротник облачения прилегал к подбородку девушки, но ее руки остались обнаженными; над затылком возвышался жесткой луковицей капюшон с копьеобразным навершием. Девушка дрожала от страха — так дрожит маленький зверек, попавший в ловушку; она смотрела то на Гайяла, то на отца с каким-то удивлением, словно никогда не видела их раньше.

Осторожно обняв ее за талию, распорядительница ритуала подтолкнула девушку вперед. Ширль сделала шаг, другой — и робко остановилась. Кастелян подвел к ней Гайяла и поставил его бок о бок со своей дочерью. Теперь два ребенка, мальчик и девочка, подбежали к ним с двумя

пиалами и протянули их Гайялу и Ширли. Девушка послушно взяла чашку. Гайял тоже взял пиалу, с подозрением взглянул на ее мутное содержимое и встретился глазами с кастеляном: «Каким зельем вы решили меня напоить?»

«Пей! — приказал кастелян. — Путь покажется тебе приятной прогулкой, ты избавишься от страха и придешь к Музею Человека с легкой душой».

«Нет, — отказался Гайял. — Я не стану это пить. Я хочу все видеть, все слышать и все понимать, когда встречусь с Куратором. Я проделал долгий путь, чтобы получить такую возможность, и все мои труды окажутся бесполезными, если я буду запинаться и заикаться, оболваненный этой отравой». Он вернул зелье мальчику.

Ширль тупо смотрела в пиалу. Гайял сказал ей: «Советую тебе тоже не одурманиваться. Мы войдем в Музей Человека, не теряя достоинство».

Девушка неуверенно вернула чашку девочке. Кастелян нахмурился, но возражать не стал.

Старик в черном костюме вынес атласную подушку, на которой лежал кнут с рукояткой из резной стали. Кастелян взял этот кнут, подошел к обреченной паре и нанес три символических удара по спинам Гайяла и Ширли: «Отныне

и на веки веков я изгоняю вас из Сапонса. Отныне вы — отверженные, беспризорные бродяги вне закона. Ищите спасения в Музее Человека. Повелеваю вам никогда не помышлять о возвращении. Забудьте все воспоминания и оставьте все надежды на будущее здесь, в Северном Саду. Отныне и навеки вы освобождены от любых обязанностей и претензий, отныне у вас нет никакого родства и вы не можете претендовать на дружбу, любовь, товарищество или братство среди сапонидов Сапонса. Посему говорю я вам: идите! Приказываю: идите! Ступайте прочь!»

Ширль закусила нижнюю губу; слезы ручьями текли по ее щекам, но она не произнесла ни слова. Понурив голову, она побрела по лишайникам тундры — и Гайял догнал ее быстрым шагом.

Возвращения не было. Некоторое время сзади доносились какие-то звуки, какое-то бормотание голосов, но в конце концов они оказались одни на равнине. Бескрайний север простирался до горизонта и за горизонт — вблизи и вдали была только тундра: унылая, тусклая, почти безжизненная. Монотонность ландшафта нарушали только руины — некогда Музей Человека — белевшие уже не более чем в получасе ходьбы, и туда они молча шли по едва заметной тро-

пинке.

Гайял осторожно нарушил тишину: «Я хотел бы многое понять».

«Спрашивай!» — тихо, но спокойно отозвалась Ширль.

«Почему нас изгнали и заставили идти в Музей?»

«Потому что сапониды всегда так делали. Разве этой причины недостаточно?»

«Может быть, достаточно для тебя, — возразил Гайял. — Но я не вижу в этом никакой причинно-следственной связи. Должен признаться: у меня в уме зияет пустота, настойчиво требующая заполнения знаниями — я жажду удовлетворения любопытства, как бабник жаждет удовлетворения похоти. Поэтому умоляю тебя не рассматривать мои расспросы как нечто оскорбительное или чрезмерное».

Она удивленно покосилась на спутника: «У вас на Юге все домогаются знаний с такой страстью?»

«Ни в коей мере! — чуть не рассмеялся Гайял. — Всюду наблюдается заурядная нормальность умов. Люди сноровисто повторяют действия, позволявшие им прокормиться вчера, на прошлой неделе и в прошлом году. Мне неоднократно,

без обиняков и во всех подробностях объясняли, что я — выродок, страдающий психическим расстройством. Меня спрашивали: «Зачем забивать голову никому не нужными сведениями? Зачем вечно к чему-то стремиться, что-то искать? Земля остывает, недалек тот час, когда каждый из нас вздохнет в последний раз. Зачем отказываться от веселья и музыки, от пиров и праздников ради каких-то маловразумительных абстракций?»

«Они правы! — одобрила Ширль. — Тебе следовало прислушаться к их советам. В Сапонсе тоже так считают».

Гайял пожал плечами: «Ходят слухи, что демон лишил меня здравого смысла. Вполне может быть. Так или иначе, я такой, каким уродился, и мне не дает покоя одержимость новыми знаниями».

Ширль выразила понимание его смирения с судьбой: «Тогда спрашивай! Я попробую утолить твою жажду настолько, насколько смогу».

Гайял украдкой косился на спутницу, изучая очаровательный профиль, густые черные волосы, большие блестящие глаза, темно-голубые, как сапфиры из страны Ю: «В более подходящих обстоятельствах ты вызывала бы у меня и другие побуждения, которые я умолял бы тебя удовле-

творить».

«Спрашивай, не умоляй! — повторила девушка. — Музей Человека близок, нам не осталось ничего, кроме слов».

«Почему же нас обрекли на изгнание и смерть? Почему твои соплеменники и родственники безропотно смирились с твоей судьбой?»

«Причиной стал призрак, который ты видел в горах. Когда появляется этот призрак, в Сапонсе знают, что в Музей необходимо отправить самую красивую девушку и самого красивого юношу города. Происхождение этого обычая мне неизвестно. Так делается; так делали всегда; так будут делать до тех пор, пока Солнце не померкнет, как уголек, тлеющий под дождем — а тогда Земля погрузится во тьму, и ветры занесут Сапонс вечными снегами».

«Но что тебе известно о том, что нас ждет? Кто нас встретит, какова наша судьба?»

«Такие подробности мне неведомы».

Гайял размышлял вслух: «Маловероятно, что нас ожидает приятный сюрприз… Но во всей этой истории есть множество вопиющих несоответствий. Несомненно, ты — самая очаровательная обитательница Сапонса, и не только Сапонса, но, пожалуй, всей планеты. Но я? Я — случайный

странник-чужеземец и вряд ли красавец из красавцев».

Девушка слабо улыбнулась: «Ты выглядишь неплохо».

Гайял серьезно возразил: «Меня, судя по всему, принесли в жертву главным образом потому, что я — пришлый незнакомец, и горожане Сапонса ничего не потеряют, если я исчезну с лица Земли».

«Конечно, это соображение приняли во внимание», — согласилась Ширль.

Гайял вглядывался в горизонт: «В таком случае давай обойдем стороной Музей Человека, избежим таким образом неизвестной судьбы, поднимемся в горы и как-нибудь доберемся до Асколаиса. Моей жажде просвещения придется уступить перед лицом очевидной неизбежности уничтожения».

Девушка покачала головой: «Чего мы, по-твоему, добьемся благодаря такой уловке? Глаза сотни бойцов следят за нами — и будут следить, пока мы не пройдем в Музей. Если мы попробуем не выполнить свой долг, нас привяжут к столбам и заживо сдерут с нас кожу, вершок за вершком, а затем засунут в мешки и вывалят нам на головы сотни скорпионов. Таково традиционное

наказание — на всем протяжении истории сапонидов к нему уже прибегали двенадцать раз».

Гайял расправил плечи и раздраженно произнес: «Ну что ж! Я много лет хотел взглянуть на Музей Человека. По этой причине я уехал из Сфира, так что теперь я наконец найду Куратора, и моя одержимость заполнением умственной пустоты найдет удовлетворение».

«Значит, тебе сопутствует невероятная удача, — заключила Ширль. — Потому что твоя заветная мечта сбывается».

На это Гайял не смог ничего ответить, и некоторое время они шагали молча. Наконец он повернулся к девушке: «Ширль!»

«Да, Гайял Сфирский?»

«Нас разлучат перед тем, как нас убьют?»

«Не знаю».

«Ширль!»

«Да?»

«Если бы мы встретились под счастливой звездой…» Он прервался.

Девушка продолжала молча идти.

Он бросил на нее недовольный взгляд: «Ты ничего не сказала».

«Ты ни о чем не спросил!» — удивленно откликнулась она.

Гайял отвернулся, глядя на Музей Человека.

Вскоре девушка прикоснулась к его руке: «Гайял, я ужасно боюсь».

Гайял пристально смотрел на землю под ногами — у него в уме словно распустился огненный цветок: «Видишь след на лишайнике?»

«Вижу. И что же?»

«Это тропа».

Ширль не понимала: «Да, здесь прошли тысячи людей, принесенных в жертву. Значит, это тропа».

Гайял с трудом сдерживал бурную радость: «Значит, мы в безопасности — если я не позволю заманить себя в сторону. Но ты... А! Мне придется тебя охранять. Не отходи от меня, ты должна оставаться в круге действия магического благословения. Может быть, в таком случае мы выживем».

«Не предавайся заблуждениям, Гайял Сфирский!» — печально сказала девушка.

Но по мере того, как они шли дальше, тропа становилась все более заметной, и настроение Гайяла соответственно улучшалось. Тем временем, все ближе были развалины, отмечавшие местонахождение Музея Человека — и наконец они остановились прямо перед ними.

Почти ничто не свидетельствовало о том, что здесь когда-либо существовало хранилище всех познаний человечества. Обширный плоский участок был выложен белокаменными плитами, треснувшими и частично искрошившимися, как мел; в трещинах проросли сорняки, раздвигавшие остатки плит. Вокруг этого участка торчали несколько монолитов, источенных дождями и ветром, покрытых вмятинами и в той или иной степени обвалившихся. Когда-то они служили опорами величественному своду, но теперь ни от свода, ни от стен ничего не осталось — можно было только гадать, какими они были в древности.

Гайял и Ширль шли по ломаным белым плитам посреди напоминавших пни обломков каменных пилонов, открытых ветрам бесконечного времени и прохладным красным солнечным лучам. Мрамор тысячи раз заносило пылью с гор, и тысячи раз эту пыль смывали дожди: от тех, кто строил Музей, не осталось ни пылинки — их забыли так давно, что даже предания ничего о них не помнили.

«Подумать только! — говорил Гайял. — Какой невероятный объем знаний был когда-то сосредоточен на этом месте — и вся эта мудрость

смешалась с прахом… В том случае, конечно, если не удалось спасти и сохранить Куратора».

Ширль тревожно посматривала по сторонам: «Я все время думаю о входе в Музей и о том, что́ нас ожидает…» Помолчав, она прошептала: «Гайял! Я боюсь. Я холодею от страха… Что, если нас разлучат? Что, если нас будут пытать и убьют? Меня будут насиловать, мучить — я цепенею от ужаса…»

У Гайяла пересохло в горле — он тоже боялся. Но он заставил себя не поддаваться панике: «Пока я дышу, пока я могу драться, нас никто не тронет».

Ширль слабо простонала: «О Гайял! Гайял Сфирский! Зачем ты меня выбрал?»

«Я выбрал тебя потому, что глаза мои впились в тебя, как бабочка впивается в цветок гиацинта, полный нектара, потому что ты прекраснее всех твоих подруг — и потому что я верил, что тебя, победительницу конкурса красоты, ожидали только торжества и поздравления».

Судорожно вздохнув, Ширль сказала: «Нужно набраться храбрости. В конце концов, если бы выбрали не меня, на моем месте стояла бы другая девушка — и так же дрожала бы от страха… А вот и вход».

Гайял глубоко вздохнул, набычился, шагнул вперед: «Что ж, посмотрим, что нас ждет…»

Входом в Музей служила плоская дверь из черного металла, вделанная в ближайший монолит. Не сворачивая с тропы, Гайял подошел к этой двери и решительно постучал костяшками пальцев по висевшему рядом небольшому медному гонгу.

Дверь со стоном повернулась на петлях и распахнулась — из прохода дохнуло прохладным сырым воздухом подземелья. В черном проеме ничего не было видно.

«Эй там, внутри!» — громко позвал Гайял.

Послышался тихий голос, слегка потрескивающий и срывающийся, словно задыхающийся после рыданий: «Заходите, заходите! Вас ждали, вас ждут».

Гайял наклонился, погрузив голову в дверной проем и пытаясь что-нибудь разглядеть: «Нам нужен свет, чтобы мы не сбились с пути и не упали куда-нибудь».

Едва слышный голос ответил: «Вам не нужен свет. Везде, где бы ни ступали ваши ноги — там и лежит ваш путь. Так завещал Путепроходец».

«О нет! — возразил Гайял. — Мы хотели бы видеть того, кто нас принимает. Мы пришли по его

приглашению. Общепринятые правила гостеприимства требуют, по меньшей мере, какого-то освещения. Прежде, чем мы спустимся в подземелье, оно должно быть освещено. Мы пришли в поиске знаний, и нас следует принимать, как почетных гостей».

«А, знания, знания! — послышался полушепот. — Знания вы получите в изобилии — любые сведения о самых странных вещах — вы утонете в океане знаний…»

Гайял прервал бормотание скорбного, вздыхающего голоса: «Кто ты? Куратор? Я проделал путь длиной в сотни лиг, чтобы встретить Куратора и задать ему вопросы. Ты — Куратор?»

«Ни в коем случае. Я проклял имя Куратора — ничтожества и предателя».

«Так кто же ты?»

«Никто, никто. Я — не более чем абстракция, эмоция, скользкое поползновение страха, выделение страха, сотрясение воздуха, остающееся после того, как умолкнет вопль…»

«Ты говоришь человеческим голосом».

«А почему нет? То, о чем я говорю, скрывается в глубочайшем драгоценном средоточии человеческого мозга».

Гайял огорченно сказал: «Твое приглашение

больше не кажется многообещающим».

«Неважно, неважно! Вы должны войти… не бойтесь темноты, входите сейчас же… Повелитель — то есть я сам — устал, его одолевает дремота…»

«Если будет светло, мы войдем».

«Свет запрещен! В Музее нет и никогда не будет наглого, бесстыдного света!»

«В таком случае придется установить новый порядок прима гостей, — заявил Гайял, вынимая из-за пояса Сверкающий Кинжал. — Да будет свет!»

Из шара на конце рукоятки вырвалась ослепительная струя света. Стоявший во мраке долговязый призрак завизжал и распался на блестящие обрывки, как изрезанная ножницами фольга. Облачко искр покрутилось в воздухе и пропало; призрака больше не было.

Ширль, до сих пор наблюдавшая за происходившим в полном оцепенении, словно завороженная, тихо ахнула и прижалась к Гайялу: «Как ты осмелился бросить вызов скорбному призраку?»

Гайял почти смеялся, но голос его дрожал: «По правде говоря, не знаю… Пожалуй, я просто не могу поверить в то, что норны привели меня

с мирных цветущих холмов Сфира через леса и горы сюда, в северную пустыню, только для того, чтобы я послушно позволил себя сожрать. Недоверие к непоследовательности и бессмысленности судьбы придает мне смелости».

Поводя рукояткой кинжала налево и направо, он увидел, что они находились на площадке перед провалом, вырезанным в плавленом камне. Внизу зияла темная пустота. Быстро подступив к провалу, Гайял опустился на колено и прислушался.

Ни звука. За спиной Гайяла Ширль смотрела вниз глазами, такими же темными и бездонными, как открывшийся перед ней проход. Гайял обернулся, и на мгновение у него возникло необъяснимое чувство: ему показалось, что девушка превратилась в фею старинных легенд — небольшое деликатное существо, бледное, чистое, нежное, полное волшебного очарования.

Пригнувшись, чтобы осветить провал рукояткой кинжала, Гайял заметил лестницу, спускавшуюся во мрак пролетами сумасшедшей крутизны — при свете кинжала силуэты и тени пролетов создавали настолько головоломную картину, что Гайял моргнул и слегка отпрянул.

«Чего ты испугался?» — спросила Ширль.

Гайял выпрямился, повернулся к ней: «На какое-то время здесь, на пороге Музея Человека, нас оставили в покое. Но и тебя, и меня заставляют идти вперед различные побуждения: тебя — воля твоего народа; меня — любопытство, снедавшее меня с тех пор, как я родился… Если мы не решимся идти вперед, враждебные силы снова найдут возможность ополчиться против нас. Если мы смело двинемся вперед, мы можем оказаться в ситуации, дающей нам стратегическое преимущество. Так что я предлагаю набраться храбрости, спуститься по этой лестнице и найти Куратора».

«Существует ли Куратор, на самом деле?»

«Призрак отзывался о нем с ненавистью — надо полагать, существует».

«Тогда давай спустимся, — сказала Ширль. — Что еще остается?»

Гайял серьезно предупредил ее: «Мы должны быть готовы к опасным приключениям, к решительным, целеустремленным действиям. Забудем о страхе — и призраки превратятся в бессильные порождения воображения! Только воодушевление первопроходцев позволит справиться с ужасом подземелий».

«Хорошо, пойдем».

Они начали спускаться по лестнице.

То вправо, то влево спускались под разными углами пролеты различной длины и различной ширины — каждый шаг требовал напряженного сосредоточения внимания. Направо, налево, направо, налево и вниз — вниз — вниз… Решетчатые черные тени причудливо ползали и прыгали на стенах.

Лестница кончилась: они стояли на площадке, напоминавшей ту, что предшествовала провалу. Им преградила путь еще одна темная дверь, словно отполированная в том месте, где на нее, судя по всему, часто нажимали, чтобы открыть. В стену по обеим сторонам двери были вделаны бронзовые таблички с надписями на неизвестном языке.

Гайял толкнул дверь — она приоткрылась; из щели дохнул холодный ветерок, утихший после того, как Гайял распахнул дверь пошире: давление выровнялось.

«Слышишь?»

Откуда-то изнутри, издали доносились прерывистые щелчки или хлопки — звуки, полные какой-то угрозы, от которой у Гайяла волосы встали дыбом. Он почувствовал, как похолодевшая от страха рука Ширли крепко схватила его

за запястье.

Притушив светящуюся рукоятку кинжала так, чтобы она едва мерцала, Гайял проскользнул в дверной проем; девушка следовала за ним. Снова издалека донеслись зловещие звуки — эхо свидетельствовало о том, что молодые люди проникли в какое-то просторное помещение.

Гайял осветил пол, выстланный упругим черным материалом. Ближайший участок стены справа поблескивал, как полированный камень. Гайял направил бледную струю света в сторону, противоположную той, откуда исходили звуки, и они увидели стоявший в нескольких шагах массивный черный сундук, скрепленный множеством бронзовых заклепок; на сундуке был установлен неглубокий стеклянный лоток, внутри которого можно было заметить сложную компоновку каких-то металлических устройств.

Не будучи способны угадать предназначение черного сундука, они проследовали вдоль стены и, по мере того, как они шли, перед ними через равные промежутки появлялись другие такие же сундуки — явно очень тяжелые, из матового черного металла. Тем временем щелкающие звуки удалялись, после чего, когда они повернули направо за угол, возникло впечатление, что звуки

снова приближаются. Гайял и Ширль миновали один черный ящик за другим, передвигаясь медленно и крадучись, как лисы на ночной охоте, вглядываясь в темноту бегающими глазами.

Им пришлось еще раз повернуть за угол, после чего перед ними снова оказалась закрытая дверь.

Гайял колебался. Следовать вдоль стены в другом направлении значило бы рисковать приближением к источнику подозрительных звуков. Что было лучше: пойти туда и узнать самое худшее — или продолжать разведку, отступая?

Он задал этот вопрос девушке, но та пожала плечами: «Мне все равно. Рано или поздно призраки слетятся и заклюют нас — мы погибнем, так или иначе».

«Они боятся света, мой кинжал может распылять их в прах, — возразил Гайял. — Я хочу найти Куратора. Может быть, он за этой дверью. Посмотрим!»

Он нажал на дверь плечом — та приоткрылась. Из образовавшейся щели забрезжил золотистый свет. Гайял заглянул в щель — и вздохнул от удивления.

«Это Музей! — восхищенно прошептал Гайял. — Здесь не может быть опасностей… Тот, кто

обитает среди такого великолепия, не может не быть великодушным…» Гайял распахнул дверь настежь.

Свет исходил ниоткуда — так, словно его излучали отдельные атомы воздуха; светился каждый выдох, зал полнился плывущим, радостным сиянием, как озаренное изнутри подводное пространство. На полу расстилался огромный ковер: невероятных размеров плотное полотно, сотканное из разноцветных нитей — золотых, коричневых, бронзовых, зеленых двух оттенков, темноватых медно-красных, кобальтовых синих. Вдоль стен висели чудесные произведения человеческих рук: великолепные ряды панелей из драгоценных пород дерева — резных, покрытых чеканкой и эмалями, росписи на холстах, изображавшие сцены глубокой древности, абстракции, передававшие сочетаниями цветов скорее эмоции, нежели предметную реальность. Часть одной из стен занимали деревянные пластины, выложенные прямоугольными орнаментами из плиток стеатита, малахита и нефрита насыщенных, тончайших оттенков, с миниатюрными вставками киновари, родохрозита и коралла, придававшими узорам теплоту. Рядом другой участок был отведен светящимся зеленым

дискам, переливавшимся голубыми и синими наплывами различной яркости и пестревших подвижными алыми и черными пятнышками. Дальше можно было видеть изображения сотен чудесных цветов — восхитительные произведения садоводов забытых эпох, какие больше нельзя было найти на умирающей Земле; звездообразная форма соцветий, по-видимому, соответствовала какой-то традиции, но каждый цветок слегка отличался от другого. Чем дальше, тем больше они видели всевозможных, тщательно отобранных, лучших произведений мастеров, одержимых воплощением своего таланта.

Дверь тихо закрылась у них за спиной. С изумлением глядя по сторонам, два посетителя, вернувшихся из последней эры человечества, трепетно ступали по ковру невероятной галереи.

«Куратор должен быть где-то здесь, — шептал Гайял. — Кто-то тщательно ухаживает за экспонатами, такая выставка не могла бы существовать без хранителя».

«Смотри!»

Неподалеку в стене были устроены две двери, судя по степени изношенности использовавшиеся давно и часто. Гайял быстро приблизился к ним; двери должны были как-то открываться,

но он не мог найти никаких приспособлений, позволявших это сделать — ни засова, ни замка, ни ручки, ни перекладины. Он постучал в одну из дверей. Никто не отозвался.

Ширль потянула его за руку: «Наверное, там кто-то живет. Лучше не заходить без приглашения».

Гайял отвернулся; они продолжили осмотр галереи. Шаг за шагом они миновали, одно за другим, непревзойденные творения человеческого вымысла — до тех пор, пока такое сосредоточение воспламеняющего дух гения не привело их в состояние почтительного онемения.

«Какие великие умы преданы забвению! — тихо говорил Гайял. — Какие великолепные порывы души исчезли, погребенные веками! Какие чудеса творения, которыми восхищались поколения, уже никто не помнит… Никогда больше не будет ничего подобного — теперь, в последние мимолетные дни, человечество гниет, как перезревший фрукт. Вместо того, чтобы побеждать Вселенную и овладевать ею, самое большее, на что мы способны — обманывать ее трюками чародейства».

«Но ты, Гайял, — возразила Ширль, — ты не такой. Ты не такой, как мы…»

«Я хочу знать! — яростно выпалил Гайял. — Всю жизнь меня одолевает эта страсть, я покинул старую усадьбу в Сфире, чтобы учиться у Куратора. Меня не удовлетворяют бессмысленные достижения колдунов, заучивших наизусть формулы, основы которых им непонятны!»

Девушка смотрела на него с удивлением, граничившим с восхищением, и Гайял изнывал от любви. Ширль почувствовала его трепетное обожание и безрассудно прошептала: «Я твоя, Гайял Сфирский. Я преклоняюсь перед тобой…»

«Когда мы обретем покой, — отозвался Гайял, — мир исполнится блаженством».

Они повернули за угол — в другой, еще более просторный выставочный зал. Здесь снова раздавались пощелкивающие звуки, которые они слышали в темном вестибюле — но теперь они становились громче и, казалось, еще настойчивее предупреждали об угрозе. Судя по всему, звуки проникали в галерею через арочный проход, находившийся в ее дальнем конце.

Гайял потихоньку приблизился к этому проходу; Ширль следовала за ним по пятам. Они заглянули в следующее помещение.

Со стены на них смотрело гигантское лицо, высотой примерно в полтора человеческих роста.

Подбородок лица покоился на полу, а весь череп, кроме лицевой части, был погружен в стену.

Гайял отшатнулся и отступил на шаг. Здесь, среди роскошного изобилия радующих глаз экспонатов, эта карикатурно увеличенная физиономия создавала потрясающий диссонанс, изобрести который было под стать только сумасшедшему. На уродливом, чудовищном портрете застыло тошнотворное выражение тупой, вульгарной, непристойной насмешки. Красноватый отлив на мертвенно-серой коже лица напоминал игру света на поверхности вороненого металла, тусклые глаза были окружены складками зеленоватой плоти. Под комковатым, слишком маленьким носом обвис омерзительно пухлый рот.

Охваченный внезапными сомнениями, Гайял повернулся к Ширли: «Тебе не кажется, что выставлять такое произведение в Музее Человека было бы по меньше мере странно?»

Девушка в отчаянии смотрела широко раскрытыми газами на огромную безобразную физиономию. Ее рот приоткрылся и дрожал, подбородок увлажнился. Она схватила Гайяла за предплечья трясущимися руками, пытаясь оттащить его назад, в выставочную галерею.

«Гайял! — всхлипывала она. — Гайял, уйдем отсюда!» Ее голос истерически срывался: «Уйдем, Гайял, скорее!»

Он удивленно обернулся: «Почему? Что случилось?»

«Эта ужасная маска…»

«Всего лишь извращенный продукт какого-то старческого ума…»

«Она живая!»

«Не может быть!»

«Живая! — Ширль трясла его за плечи. — Она на меня взглянула, потом ее глаза передвинулись, и она посмотрела на тебя. И пошевелила губами…»

Гайял освободился от рук девушки — и оцепенел. Не веря своим глазам, он резко набрал воздуха в грудь и медленно, сдавленно выдохнул.

Лицо изменилось. Оно больше не выглядело тупым, тусклые глаза прояснились. Губы покривились, послышалось шипение исходящего газа. Рот великана открылся — из него высунулся огромный болтающийся серый язык. Из языка мгновенно выросло щупальце, покрытое слизью, с рукой на конце, пытавшейся схватить Гайяла за лодыжку. Гайял отскочил — рука не достала

до него, щупальце свернулось.

Похолодев от страха, Гайял выскочил обратно в выставочный зал. Но щупальце снова развернулось, рука на конце щупальца обхватила пальцами лодыжку девушки. Глаза гигантской физиономии заблестели, на ее повисшем языке образовалась новая припухлость, из которой росло еще одно щупальце… Ширль споткнулась, упала и продолжала лежать без чувств, неподвижно уставившись в потолок с пеной у рта. Гайял кричал, как безумный, но не слышал собственного крика — подбежав к отростку чудовища, он стал рубить его кинжалом. Он хотел рассечь кисть серой руки, но кинжал отскакивал от упругой плоти так, словно прикосновение к ней вызывало у благородного оружия непреодолимое отвращение. Едва сдерживая рвоту, Гайял схватил щупальце обеими руками и, приложив отчаянное усилие, сумел переломить растущую на нем конечность через колено.

Великанское лицо поморщилось, щупальце отпрянуло. Гайял схватил девушку за руки, оттащил ее в выставочную галерею, поднял ее и отнес подальше от арки.

Вернувшись к проходу, он снова заглянул в него, содрогаясь от страха и ненависти. Огром-

ный рот закрылся; лицо, разочарованное неудачей, презрительно усмехалось. Теперь Гайял заметил нечто странное: из влажной ноздри гиганта сочился белесый дымок. Кружась медленным вихрем, дымок корчился и судорожно увеличивался, превращаясь в высокую фигуру, закутанную в белый саван, с изможденным лицом и глазами, черневшими подобно глазницам черепа. Испуская мяукающие стоны, призрак, явно страдавший от мягкого освещения, полетел, волнообразно покачиваясь, в сторону галереи. Призрак время от времени останавливался, словно натыкаясь на невидимое препятствие, но затем продолжал прерывистое воздушное перемещение.

Гайял не двигался. Он больше ничего не боялся, страх перестал иметь значение. Мозг может реагировать только в той мере, в какой изобилие ощущений не превышает способность к восприятию. Почему бы он стал бояться призрака? Он мог разорвать его на части голыми руками — в конце концов, это был всего лишь вздыхающий туман.

«Прочь, назад! — раздался новый, незнакомый голос. — Прочь! О, мои талисманы, мои амулеты! Беда, беда! Горе Торсинголу… Изыди, чертов призрак, вернись туда, откуда вылез! Прочь, говорю!

Изыди, а не то я пристрою твоего повелителя актиническим разрядом! Тебе запрещено здесь находиться — таков непреложный указ Ликургата! Да-да, именно так — Ликургата Торсингола! Так что изыди, будь так любезен».

Призрак задержался, покачиваясь в воздухе — его черные глазницы свирепо, но бессильно уставились на старика, ковылявшего по галерее.

Отступая рывками, летучий призрак вернулся к сопливому лицу, и оно всосало его в ноздрю.

Из уст уродливого гиганта послышался булькающий рокот — он широко разинул пасть, превратившуюся в подобие серой пещеры, и отрыгнул струю белого газа, напоминавшего пламя, но все же не пламени. Пелена этого газа устремилась к старику — тот даже бровью не повел. Вокруг металлического стержня, укрепленного высоко над аркой прохода, образовался быстро вращающийся диск золотистых искр. Искры рассыпались по пелене белого газа — пелена втянулась в рот огромного лица, откуда тут же высунулась черная антенна, изогнувшаяся в сторону вращающегося диска и поглотившая золотистые искры. На какое-то время наступило мертвое молчание.

Старик прокряхтел: «А, подлое исчадие поту-

стороннего мира! Не даешь мне покоя, хочешь, чтобы я сдался и сложил с себя полномочия? Не дождешься! Ничего у тебя не выйдет! Жезл легко справляется с извращенной магией. Ничтожество! Вон из Музея! Убирайся восвояси, в Джелдред!»

Рокочущее бульканье огромных губ продолжалось. Зев снова раскрылся, как серая, вязко подергивающаяся пещера. Глаза монстра загорелись титаническим гневом. Рот-пещера взревел, распространяя сокрушительную лавину звука, сотрясавшего голову и словно забивавшего гвоздь пневматическим долотом в самое средоточие мозга.

Из стержня над аркой брызнул серебристый туман. Ревущая волна захлебнулась, свернулась, погрузилась в металлический туман, пленивший и поглотивший ее; от нее не осталось ни звука. Туман сжался в плотный шар, удлинился, как копье, и, разогнавшись, глубоко погрузился острием в губчатый нос гиганта. Послышался глухой отголосок взрыва; огромное лицо скорчилось от боли, а его нос превратился в розетку разорванных лепестков серой плазмы. Лепестки шевелились и раскачивались, как лучевые отростки морской звезды, после чего снова срослись, и шишкова-

тый нос стал заостренным конусом.

Старик сказал: «Ты что-то сегодня капризничаешь, мой демонический гость! У тебя отвратительный нрав. Мешаешь бедному старому Керлину выполнять его обязанности. Нехорошо! Ты изобретателен, но не предусмотрителен. Так что же, Жезл? — старик обратился к стержню над аркой. — Ты почуял этот звук? Придумай равноценное наказание, этой омерзительной роже давно пора устроить взбучку».

Послышался хлопок: из стержня выдвинулся черный кнут, громко щелкнувший в воздухе, изогнувшийся под арку и хлестнувший по серому лицу. На лице образовался растущий рубец. Лицо вздохнуло и сморщилось, глаза его зажмурились, спрятавшись в зеленоватых складках плоти.

Куратор Керлин рассмеялся — визгливым, тявкающим, безразлично-рассеянным смехом. Смех этот внезапно прервался — так, словно никогда не начинался. Куратор повернулся к Гайялу и Ширли, стоявшим, прижавшись друг к другу, недалеко от арочного прохода.

«А это еще что такое? Музей закрыт, занятия кончились! Разве вы не знаете расписание? Почему вы задержались, что вы тут делаете?» Старик строго погрозил им пальцем: «В Музее не положе-

но безобразничать, я этого не допущу. Ступайте прочь, возвращайтесь домой в Торсингол. И в следующий раз уходите, как только прозвенит гонг — вы нарушаете установленный порядок…» Старик прервался и бросил беспокойный взгляд через плечо: «Сегодня вообще все не так, как положено! Ночной ключарь опять опаздывает, это никуда не годится… Я уже целый час жду этого бездельника, придется доложить о нем в Ликургат. Мне давно пора прилечь у камина… Разве можно так обращаться со старым Керлином? Я не обязан замещать всю ночь какого-то ленивого дебила… Выгонять опоздавших — его обязанность, а не моя! А вы? Почему вы все еще здесь? На улице уже стемнело!» Старик приблизился к Гайялу и его спутнице, раздраженными жестами приказывая им покинуть галерею.

«Уважаемый Куратор, мне нужно в с вами поговорить», — сказал Гайял.

Старик остановился, прищурился: «Что? Еще какие-то хлопоты? Нет уж, я свою смену отработал, а вы нарушаете правила. Правила нужно соблюдать. Обратитесь ко мне завтра утром — я буду в аудиариуме четвертого округа — тогда я вас выслушаю. А теперь уходите!»

Озадаченный, Гайял отступил на шаг. Ширль

опустилась на колени: «Господин Куратор, умоляю, помогите нам! Нам некуда идти!»

Куратор Керлин недоуменно взглянул на девушку: «Некуда идти? О чем ты говоришь? Иди домой — или, если ты бездомная, попроси убежища в Храме. Тебя могут приютить в общественном эсцентариуме. За заставой есть постоялый двор. В Торсинголе всегда можно переночевать бесплатно, это уж как пить дать. А Музей — не таверна для бродяг».

«Господин Куратор! — в отчаянии воскликнул Гайял. — Выслушайте меня! Мы в беде, возникла чрезвычайная ситуация!»

«Ладно, говорите».

«На вас нашло затмение ума, вы повредились в уме! Вы меня понимаете?»

«А! В самом деле?» — пробормотал Куратор.

«Торсингола больше нет. Вокруг Музея — холодная пустыня. Ваш город давным-давно исчез, с тех пор прошли тысячелетия!»

Куратор снисходительно улыбнулся: «Печальный случай! Вот так и бывает с прилежными молодыми людьми, когда они перенапрягаются. Разум не выдерживает лихорадочного темпа жизни». Старик покачал головой: «Что поделаешь? Бедным дряхлым костям придется

подождать, заслуженному отдыху еще не время. Испарись, усталость! Нас призывают долг и простое человеческое сострадание, нам предстоит исцелить безумие и восстановить ясность мышления. В любом случае, ночной ключарь не явился — заменить меня некому». Он подал знак: «Пойдемте».

Обуреваемые сомнениями, Гайял и Ширль неохотно подчинились. Куратор открыл одну из дверей и прошел внутрь, бормоча себе под нос и жестикулируя так, словно он спорил с невидимым собеседником. С опаской посматривая по сторонам, молодые люди осторожно последовали за ним.

Они оказались в кубическом помещении; пол был покрыт матовым черным материалом, а стены сверкали со всех сторон мириадами округлых золотых шишечек. В центре помещения стояло кресло с нависшим над ним колпаком, а рядом с креслом находился пульт, достигавший примерно уровня груди, со множеством переключателей, движков и ребристых верньеров.

«Это трон просвещения, принадлежащий лично мне, то есть Куратору Музея, — пояснил Керлин. — В качестве такового, будучи надлежащим образом отрегулирован, он программирует

конфигурацию гиноменеврического прозрения. Достаточно ввести правильные соматосиндикальные параметры… — старик наклонился над пультом и некоторое время занимался настройкой. — Ну вот, теперь будь любезен, сохраняй спокойствие: я избавлю тебя от галлюцинаций. Это выходит за рамки моих обычных обязанностей, конечно, но мне не чуждо ничто человеческое, и я не хочу, чтобы обо мне говорили за спиной, что я — черствый чурбан, не желающий оказать помощь ближнему».

Гайял тревожно спросил: «Уважаемый Куратор! Ваш трон просветления — или как он называется — что он со мной сделает?»

Куратор Керлин встал в величественную позу: «Волокна твоего мозга переплелись, перепутались, истрепались, в связи с чем установились ошибочные связи между областями мозга. Благодаря чудесному искусству современных церебрологов, однако, этот аппарат приводит синаптические связи в соответствие с правильным расположением, предусмотренным информационной библиотекой — то есть приводит их в состояние, свойственное нормальным людям, как ты понимаешь — пряжа нервных волокон расправляется и упорядочивается, психические

нарушения устраняются».

«Когда я сяду в это кресло, что вы сделаете?» — поинтересовался Гайял.

«Достаточно замкнуть вот контакт, передвинуть ползунок и повернуть переключатель — здесь, здесь и здесь. Ты потеряешь сознание, но уже через тридцать секунд загорится вот эта лампочка, оповещающая об успешном завершении лечения. После чего я переведу приборы управления в исходное положение, и ты встанешь с трона здравомыслящим человеком».

Гайял взглянул на спутницу: «Ты слышишь и понимаешь?»

«Да, Гайял», — тихо отозвалась Ширль.

«Запомни!» Гайял повернулся к Куратору: «Чудесно! Но как я размещусь на троне?»

«Сядь и расслабься, больше ничего не требуется. Я передвину колпак немного вперед и вниз — так, чтобы он закрывал глаза и тебя ничто не отвлекало».

Гайял наклонился и опасливо заглянул под колпак: «Боюсь, я чего-то не понимаю».

Куратор нетерпеливо проковылял к аппарату: «Что тут понимать? Это очень просто. Садись, и все тут — вот так!» Куратор сел в кресло.

«И как после этого опускается колпак?»

«Вот так!» — Куратор взялся за ручку и потянул на себя колпак, прикрывая им лицо.

Гайял обернулся к девушке: «Скорее!» Та подскочила к пульту управления; Куратор Керлин хотел было приподнять колпак, но Гайял схватил тщедушного старика за руки, удерживая его на троне. Ширль замкнула контакт, перевела ползунок и повернула переключатель. Куратор вздохнул и обмяк.

Ширль пристально смотрела на Гайяла широко открытыми глазами, влажными и блестящими, как у большого озерного пламериана из Южной Альмерии: «Он… умер?»

«Надеюсь, что нет».

Они с неуверенностью смотрели на распростертое в кресле тело Куратора. Проходили секунды.

Издалека послышался какой-то грохот — что-то с треском обрушилось, что-то застонало и лопнуло, раздался торжествующий рев, за которым последовало радостное улюлюканье множества голосов.

Гайял бросился к двери. Рыская из стороны в сторону и волнуясь в воздухе, как невесомые полотнища, в галерею выплывали призраки — целая стая. За ними, в арочном проеме, Гайял мог видеть чудовищную голову. Она вырвалась

из стены и протискивалась под аркой. Уже пролезли гигантские уши и часть воловьей шеи, обросшей длинными красновато-лиловыми бородавками. Стена треснула, осела, обрушилась. В пролом просунулась огромная ладонь, за ней — вся рука…

Ширль кричала от страха. Побледнев и дрожа всем телом, Гайял захлопнул дверь перед носом у ближайшего призрака. Тот стал просачиваться вокруг дверной ручки — медленно, но верно.

Гайял подбежал к пульту. Индикатор не загорался. Почти задыхаясь от нервного напряжения, Гайял водил руками над приборами управления и бормотал: «Только сознание Керлина руководит магическим Жезлом. Это очевидно». Он впился глазами в индикатор с отчаянным сосредоточением: «Гори, лампочка, гори!»

Призрак, уже почти просочившийся через дверь, вспухал и надувался.

«Гори, лампочка!»

Лампочка загорелась. Вскрикнув, Гайял вернул приборы в исходное положение, отпрыгнул к трону, откинул колпак.

Куратор Керлин сидел и смотрел на него.

За спиной Гайяла полностью сформировался призрак: высокое белесое существо в белом

саване; его глазницы чернели, как провалы в пространство, полностью лишенное воображения.

Куратор Керлин сидел и смотрел.

Что-то зашевелилось под саваном призрака. Появилась похожая на птичью лапу рука, державшая комок грязноватого вещества. Призрак бросил этот комок на пол — он взорвался облаком черной пыли. Частицы пыли росли, превращаясь в полчище извивающихся насекомых. Насекомые стремительно расползались; при этом они продолжали расти и становились крысоподными зверьками с обезьяньими головами.

Куратор Керлин приподнялся в кресле. «Жезл!» — приказал он и поднял руку. У него в руке очутился Жезл. Стержень пульсировал, испуская нечто вроде оранжевых брызг, распылявшихся красноватыми облачками. Опускаясь на пол посреди рыщущей стаи зверьков, каждая красная пылинка превращалась в красного скорпиона. Завязалась яростная битва; с пола доносились короткие визгливые вопли и щебет маленьких клешней.

Существа с обезьяньими головами терпели поражение и дохли. Призрак вздохнул и снова приподнял птичью лапу. Но из Жезла вырвался пронзительный луч чистейшего света — призрак

растаял и растворился в воздухе.

«Керлин! — закричал Гайял. — Демон ломится в галерею!»

Керлин встал, распахнул дверь, шагнул наружу. «Жезл! — приказал он. — Распорядись со всей возможной строгостью!»

«Нет-нет, Керлин, сдержи свои чары! — взмолился демон. — Мне показалось, что ты лишился сознания. Я отступаю».

С оглушительным кряхтением чудовище стало отползать в пролом; вскоре уже только его лицо снова выступало из стены.

«Жезл! — сказал Керлин. — Будь настороже!»

Волшебный стержень исчез.

Керлин повернулся к молодым людям: «Не время предаваться многословию, потому что я умираю. Я скончаюсь, и Музей останется беззащитным. Посему поспешим — всё нужно сделать как можно быстрее… промедление смерти подобно…»

Едва передвигая ноги, старик поплелся к стене — по мере его приближения в ней внезапно открылся проход. Не совсем понимая намерения Куратора, Гайял и Ширль нерешительно последовали за ним.

«Пойдемте, пойдемте! — настойчиво торопил

Керлин. — Мои силы иссякают, я умираю. Вы меня убили».

Гайял медленно шел вперед, Ширль не отставала. Гайял не мог ничего возразить против обвинения — любые слова казались бесполезными.

Обернувшись, Керлин наблюдал за ними с легкой усмешкой: «Оставьте сомнения и торопитесь! Сделать все необходимое за оставшееся время так же трудно, как переписать энциклопедию Кэя, пользуясь пером и каплей чернил. Мне приходит конец: пульс то прибывает, то убывает, в глазах все дрожит и меркнет…»

Безнадежно махнув рукой, Керлин провел их во внутренний кабинет и там бессильно опустился в кресло. Тревожно оглядываясь на появившийся ниоткуда вход, Гайял и Ширль тоже присели на мягкий диван.

Керлин слабо рассмеялся: «Боитесь белых фантазмов? Чепуха! Жезл изгоняет их из галереи, им не помогут никакие усилия. Только когда я потеряю сознание — или умру — Жезл перестанет работать. Вам следовало бы знать, — слегка взбодрившись, прибавил старик, — что энергия и формулы ее применения поступают не из моего мозга, а из центрального потенциума Музея, а по-

тенциум неисчерпаем. Я всего лишь направляю энергию и отдаю команды».

«Но огромный демон — кто он или что? Почему он выглядывает из стены?»

Лицо Керлина осунулось и стало походить на бледную маску: «Его зовут Бликдак. Он — правящее божество Джелдреда, мира демонов. Он прободал отверстие в наш мир, намереваясь поглотить все знания Музея Человека, но я воспрепятствовал этому. Так что Бликдак сидит в своей дыре и ждет моей смерти. Когда меня не станет, он насытится наконец эрудицией — к вящему сожалению всех людей».

«Почему же нельзя изгнать его и залатать дыру?»

Куратор Керлин покачал головой: «Все подвластные мне огненные силы и заклинания нашего мира бессильны в демоническом пространстве, где материя и формы ее существования во времени не подчиняются законам нашей Вселенной. В той мере, в какой мы можем видеть Бликдака, он защищен оболочкой своей среды, он принес ее с собой. Но когда он пытается пролезть дальше в Музей, стихийные силы Земли преодолевают потуги Джелдреда, что позволяет мне тушить неземное пламя призматическими

струями потенциума… Но хватит болтать о Бликдаке! Скажите — кто вы такие, почему вы здесь, и что творится нынче в Торсинголе?»

Запинаясь, Гайял объяснил: «Время стерло Торсингол с лица Земли так давно, что о нем никто не помнит. На поверхности над Музеем нет ничего, кроме засушливой холодной тундры; неподалеку — старый город сапонидов, Сапонс. Я пришел из южных земель, преодолев большое расстояние и множество преград, чтобы поговорить с вами и заполнить знаниями пробел в моем уме. Эта девушка, Ширль — из Сапонса; ее принесли в жертву согласно древней традиции, обязывающей сапонидов приводить в Музей красавиц по велению призраков Бликдака».

«А! — Керлин вздохнул. — Неужели я допустил столь непростительную оплошность? Теперь я припоминаю, что Бликдак развлекался какими-то юными телами, чтобы развеять скуку… Они мелькают в моей памяти подобно светлячкам, бьющимся о стекло… Я заставлял себя забывать о них, будучи убежден, что они — порождения моего воображения, воспаленного демоном…»

Ширль недоуменно развела руками: «Но почему? Какую пользу приносят демону человеческие существа?»

Керлин мрачно ответил: «Ты еще девочка — очаровательное, свежайшее создание. Чудовищные побуждения властителя демонов не поддаются твоему представлению. Принесенные в жертву девушки и юноши служили Бликдаку игрушками — пользуясь ими, он практиковался во всевозможных способах истязания плоти нашего мира: слияния, соития, извращения, садистических пыток, тошнотворных забав и наслаждений мучительной агонией. Когда его жертвы погибали, он посылал нового призрака, требуя скормить ему новую порцию юности и красоты».

«И меня на это обрекли...» — прошептала Ширль.

Гайял находился в замешательстве: «Не понимаю! Подобные злодеяния, насколько мне известно, характерны для порочных представителей человеческого рода. По меньшей мере, для антропоидов, располагающих соответствующими железами, органами и полостями. Но, так как Бликдак — демон...»

«Разве ты не помнишь, как он выглядит? — прервал его Керлин. — Учитывай его формы, его строение. Конечно же, он человекообразен — когда-то, давным-давно, он и все остальные демоны,

наваждения и прочие летучие твари с горящими глазами, отравляющие последние дни нашей планеты, изначально произошли от людей. Бликдак, подобно другим исчадиям ада — порождение человеческого ума. Напоминающие пот и слизь выделения покровов и клоак, отвратительная вонь, жестокие наслаждения изнасилованием и мужеложством, копрофильные прихоти, нервный трепет, вызванный трением скользких выростов с влажной плотью — все эти порочные инстинкты фильтровались человечеством, как отстойником, на протяжении бесчисленных эпох, пока не образовалось нечто вроде громадной опухоли, и Бликдак мало-помалу воплотился и обрел самосознание, воображаемое приблизилось к реальному. Ты же видел, как он изменяет форму выростов, чтобы удовлетворять низменные инстинкты. Но довольно говорить и Бликдаке. Я умираю, умираю!»

Куратор обмяк в кресле, глубоко и часто дыша: «Неужели вы не видите? Глаза мои устали и не могут сосредоточиться. Я едва дышу, как замерзающая птица, мои кости источились, как трухлявая лоза. Сколько я прожил? Не помню — я спятил и не замечал хода времени. Благодаря системе жизнеобеспечения отсутствие понима-

ния сопровождалось отсутствием соматических последствий. Теперь я вспоминаю — годы и века, тысячелетия и эпохи — но они сливаются воедино, как проблески быстро щелкающего затвора. Теперь невыносимый груз времени возьмет свое — вы меня убили».

«Но если вы умрете, что мы будем делать? — Ширль поежилась, испуганно моргая. — Демон...»

«Неужели во всем Музее Человека нет записей, содержащих заклинания, необходимые для изгнания этого демона? — спросил Гайял. — Очевидно, что он — наш основной противник, с которым следует расправиться безотлагательно».

«Бликдак должен быть уничтожен, — согласился Керлин. — Тогда я умру с легкой душой, я вы сможете взять на себя обязанности хранителей Музея». Куратор облизал побелевшие губы: «Извечный принцип гласит, что для того, чтобы уничтожить вещество, необходимо определить характеристики строения вещества. Другими словами, для того, чтобы уничтожить Бликдака, мы должны понять, из чего он состоит». Старик с трудом сосредоточил взгляд на лице Гайяла.

«Ваше заключение неоспоримо, — признал

Гайял. — Но как изучить состав демонической материи? Бликдак ни за что не позволит проводить такие эксперименты».

«Конечно, нет. Нужно прибегнуть к какой-то хитрости, найти какое-то средство…»

«Призраки состоят из той же демонической материи?»

«Разумеется».

«Нельзя ли задержать призрака в какой-нибудь ловушке?»

«Можно — в световой камере. Я могу создать такую камеру, однако нам понадобится призрак». Куратор приподнял голову: «Жезл! Впусти сюда призрака — одного призрака!»

Прошло несколько секунд. Керлин поднял руку. За дверью послышались едва различимый скрип и тихий подвывающий стон. «Открой! — произнес дрожащий, прерывистый, всхлипывающий голос за дверью. — Открой и выпусти двух обреченных, два сосуда юности, к моему повелителю. Скука и бездействие одолевают его, ожидание невыносимо. Новые жертвы облегчат его бремя».

Керлин с трудом поднялся на ноги: «Все готово».

За дверью печальный голос пожаловался: «Я заперт в западне жгучего сияния!»

«Теперь посмотрим! — сказал Гайял. — То, что растворяет призрака, растворит и Бликдака».

«Верно», — согласился Керлин.

«Но почему не свет? — не понимала Ширль. — Свет распыляет призраков в клочья тумана».

«Это объясняется их хрупкостью. Бликдак состоит из плотного, упругого материала и способен выдерживать самое жесткое излучение, прячась в оболочке потустороннего пространства». Керлин задумался. Через некоторое время он поманил Гайяла к двери: «Пойдем, у нас есть увеличитель. Он позволит рассмотреть вещество призрака в микроскопических деталях и определить основу его существования. Гайял Сфирский, тебе придется мне помочь — мои конечности словно сделаны из воска».

Поддерживаемый под руку Гайялом, старик проковылял к выходу, и они вместе с девушкой вышли в выставочный зал. Здесь в сияющей клетке из света рыдал призрак, суетливо искавший какую-нибудь темную прореху, через которую он мог бы просочиться наружу.

Не обращая внимания на это существо, Керлин, прихрамывая, направился к противоположной стене галереи. Световая клеть с призраком внутри перемещалась вслед за ним.

«Откройте главный портал! — приказал Керлин хриплым, срывающимся голосом. — Главный портал, ведущий в хранилище знаний!»

Ширль побежала вперед и налегла плечом на массивную дверь. Дверь подалась и отодвинулась в сторону: перед ними открылось темное пространство. Золотистый свет, озарявший галерею, проникал через дверной проем, но сразу тускнел и терялся в тенях.

«Призови Люмена», — посоветовал Керлин.

«Люмен! — воскликнул Гайял. — Люмен, ко мне!»

Огромное пространство осветилось — хранилище оказалось настолько высоким, что пилястры стен сходились нитями в головокружительной перспективе, и настолько длинным и широким, что даже здоровый человек упал бы от усталости, пытаясь пробежать такую дистанцию. Через равные промежутки здесь были расставлены те самые черные сундуки с бронзовыми заклепками, которые Гайял и Ширль видели, когда спустились в подземелье. Над ними неподвижно висели в воздухе, без какой-либо видимой опоры, другие такие же сундуки — параллельные ряды черных ящиков, вертикальные и горизонтальные, тянулись вдаль во всех направлениях.

«Что это?» — подивился Гайял.

«Хотел бы я, чтобы мой ничтожный мозг вместил хотя бы сотую долю того, что содержат эти блоки памяти, — задыхаясь, ответил Керлин. — В них загружены все знания, достижения, записи и опыт человечества. Здесь можно найти любые забытые предания и магические формулы, древнейшие и недавние, увидеть чудесные плоды воображения, узнать историю десяти миллионов городов, получить сведения о начале времени и о предсказуемом конце Вселенной, постигнуть смысл человеческого бытия и определить причину существования смысла как такового. Ежедневно я трудился в поте лица своего, сортируя сокровища знаний, наполняющие эти емкости, но мое достижение носит исключительно поверхностный характер — это всего лишь краткая сводка, расплывчатая панорама обширного и разнообразного ландшафта, не позволяющая различить детали».

«И здесь можно найти способ уничтожения Бликдака?» — спросила Ширль.

«Разумеется, разумеется — трудность состоит только в том, чтобы найти эту информацию. В каком из контейнеров следует искать? Рассмотрим перечень подходящих категорий:

„Демонические миры“, „Убийства и умерщвления“, „Методы обнажения и растворения зла“, „История Гранвилунда“ (из этой страны был изгнан в другое измерение интересующий нас демон), „Притягательные и отталкивающие подклассы гиперпространств“, „Методы лечения пациентов, злоупотребляющих галлюциногенами и одержимых бесами“, статьи „Строительного журнала“, посвященные восстановлению стен в случаях их прободения вторгающимися бесами, „Процессуальные рекомендации для пользователей в условиях повышенного риска“… Да-да, эти и тысячи других! Кто-то когда-то должен был загрузить инструкции, позволяющие вышвырнуть мерзкую рожу Бликдака обратно в его чертово квазипространство! Но где они? Как их найти? Общий подробный указатель всех видов информации не существует; есть только подготовленная мной примитивная компиляция. Тому, кто ищет конкретные данные, частенько приходится попотеть…» Некоторое время Куратор молчал, после чего воскликнул: «Вперед! Вперед, к вместилищу Механизмуса!»

Они стали пробираться между рядами черных ящиков, как крысы в лабиринте, а за ними плыла по воздуху световая клеть со скулящим призра-

ком внутри. Наконец они проникли в боковое помещение, где попахивало металлом. И снова Керлин поручил Гайялу прокричать: «Люмен, ко мне!»

Механизмус заполняли бесчисленные сложнейшие устройства. Восхищенный Гайял растерялся настолько, что даже забыл о расспросах, хотя мозг его буквально жгло желание понять окружающее.

Керлин остановил световую клеть около высокого аппарата, напоминавшего киоск или будку. Перед призраком опустилась стекловидная прозрачная панель. «Наблюдайте!» — сказал Керлин, настраивая приборы управления.

Они увидели спроецированное на панель изображение призрака: покачивающийся в воздухе саван, изможденное, похожее на череп лицо. Лицо увеличивалось и уплощалось; небольшой участок черепа под пустой глазницей превратился в шершавую белую поверхность. Поверхность разделилась на отдельные пузырчатые подушечки, после чего изображение одной из этих подушечек заполнило всю панель. Центральная вогнутая часть подушечки находилась в фокусе — она напоминала сложносоставной пунктирный орнамент, ажурное сетчатое пере-

плетение нитей какой-то ткани.

«Как это может быть? — воскликнула Ширль. — Вся эта тварь сшита из ниток!»

Гайял нетерпеливо повернулся к Куратору, ожидая пояснений. Керлин поднял указательный палец, призывая к молчанию: «Совершенно верно! Весьма проницательное наблюдение — тем более, что у нас под рукой высокоскоростной ротор, наматывающий когнитивные бобины информационных блоков… А теперь смотрите: я выбираю на панели оно из сетчатых переплетений, вытягиваю из него отдельную нить и — как и следовало ожидать! — сеть распускается, распадается, разматывается. Давайте закрепим эту нить на бобине ротора — сделаем петлю и затянем ее на оси…»

«И призрак не замечает то, что вы делаете?» — с сомнением спросила девушка.

«Ни в коем случае! — заверил ее Керлин. — Панель из витреана скрывает наши действия. Так или иначе, призрак слишком озабочен своей участью, чтобы обращать внимание на что-нибудь другое. Теперь погасим световую клеть: наш узник свободен».

Призрак, продолжавший корчиться от света, взлетел высоко в воздух.

«Ступай! — приказал ему Керлин. — Вернись в породившую тебя каверну! Прочь, возвращайся!»

Призрак удалился. Керлин сказал Гайялу: «Следуй за ним и проследи за тем, чтобы Бликдак всосал его в ноздрю».

Гайял осторожно последовал за призраком на безопасном расстоянии, пронаблюдал за тем, как демон втянул его в темную ноздрю, и бегом вернулся туда, где Керлин ждал около ротора: «Призрак вернулся в лоно Бликдака».

«А теперь, — объявил Керлин, — включим ротор и посмотрим, что из этого получится».

Ротор вращался с незаметной для глаз скоростью; бобина длиной с человеческую руку покрывалась призрачной пряжей, сначала переливавшейся радужно-пастельными тонами, затем, по мере утолщения, матово-перламутровыми и, в конечном счете, бледными молочно-желтоватыми, как слоновая кость.

Ротор крутился, совершая миллионы оборотов в минуту и, незаметно для ничего не подозревающего демона, наматывая нить его плоти, слой которой постоянно наращивался.

Ротор вертелся; бобина наполнилась — бледный цилиндр с шелковым отливом. Керлин

остановил ротор, Гайял поспешно вставил в него новую бобину, и процесс разматывания Бликдака продолжился.

Намоталась третья бобина, четвертая, пятая — наблюдая за Бликдаком издали, Гайял не замечал никаких перемен: гигантское лицо дремало, пожевывая и почмокивая губами, производившими те самые щелкающие похлопывающие звуки, которые насторожили Гайяла с самого начала.

Заполнились восемь бобин. Бликдак открыл глаза и в замешательстве повел ими направо и налево.

Двенадцать бобин. На физиономии Бликдака, поперек узкого лба, возникло пятно; рот демона раздраженно поник, он недовольно зашипел, стал беспокоиться.

Двадцать бобин. Голова Бликдака напоминала брошенный в канаву гниющий фрукт; кожа, раньше отливавшая металлическим глянцем, приобрела воспаленный красновато-коричневый оттенок, глаза выпучились, рот раскрылся, бессильно вывалился язык.

Пятьдесят бобин. Бликдак растворялся. Верхняя часть его черепа склонилась к волокнистому рту, глаза горели, как раскаленные угли.

Шестьдесят бобин. Бликдака больше не было.

С исчезновением Бликдака исчез и проход из Джелдреда — демонического мира, служившего приютом и убежищем этому воплощению зла. Теперь пролом в стене упирался в тупик обнаженной, сплошной и твердой скальной породы.

А в зале Механизмуса красовался штабель из шестидесяти выложенных аккуратными рядами бобин. Распущенное таким образом зло радовало глаз чистотой и радужным отливом.

Керлин прислонился спиной к стене: «Я покидаю вас, мое время пришло. Я хорошо хранил Музей, и вместе мы изгнали из него демона… Слушайте внимательно! Я передаю вам полномочия Куратора. Отныне вы обязаны беречь и охранять Музей Человека».

«Зачем? — спросила Ширль. — Земля тоже умирает… К чему все эти знания?»

«Теперь они важнее, чем когда-либо! — задыхаясь, прохрипел Керлин. — Не забывайте: на небе — яркие звезды, вечные звезды… Музей подскажет людям, как найти и заселить молодые миры. Всё, мне пора. Прощайте».

«Подождите! — взмолился Гайял. — Подождите, прошу вас!»

«Чего мне ждать? — прошептал Керлин. — Я хочу только покоя, а ты зовешь меня обратно?»

«Как извлечь информацию из черных ящиков?»

«В моих апартаментах — ключ к указателю. Я посвятил его составлению всю жизнь...»

Куратор умер.

Гайял и Ширль поднялись по лестнице входного колодца и стояли за порогом на древних мраморных плитах. Давно наступила ночь — мрамор бледно белел под ногами, обломки колонн торчали черными тенями на фоне звездного неба.

Далеко над равниной подмигивали сквозь листву теплые желтые огни Сапонса.

Гайял сказал девушке: «Вот он, Сапонс — там твой дом. Ты хочешь вернуться?»

Ширль покачала головой: «Мы вместе смотрели в глаза истине. Мы видели древний Торсингол, его прародительницу, Империю Шеритов, предшествовавшую шеритам Голван-Андру и Сорок Кадесов, процветавших прежде Голван-Андры. Мы видели воинственных зеленых людей и мудрых фариалов, мы видели кламбов, улетевших с Земли к звездам — так же, как мерионеты задолго до них, так же, как Серые Чародеи еще раньше. Мы видели, как наполнялись и высыхали океаны, как горы вздымались, покрывались снежными пиками и таяли под дождями и вет-

рами; мы видели Солнце таким, каким оно было когда-то — жарким, ослепительно-желтым… Нет, Гайял, мне нечего делать в Сапонсе».

Прислонившись спиной к выветренному цоколю мраморной опоры, Гайял разглядывал звезды: «Все знания, какие есть на Земле — у наших ног, Ширль. Нам достаточно протянуть руку и взять их. Что же нам делать?»

Они вместе смотрели на белые звезды.

«Что с нами будет?…»